P. o. rel.
2908 — 7
Biblioteka

P. O. rek. 2908

Malcomes' Internationale Russische Unterhaltungs-Bibliothek.

Международная Беллетристическая Библіотека

на русскомъ языкѣ,

издаваемая

Карломъ Малькомесомъ.

Собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ

новѣйшихъ писателей всѣхъ странъ.

I. Серія. **Томъ VII.**

Цѣна 2 марки, въ изящномъ переплетѣ $2^1/_2$ марки.

Фр. Шпильгагенъ, Безмолвіе неба.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Единственное, разрѣшенное авторомъ изданіе.

II. томъ.

Стутгартъ,

Карлъ Малькомесъ.

Прага, Эдуардъ Валечка.

Женева, Р. Буркгардтъ.

Миланъ, Ульрикъ Гёпли.

Софія, Горови и Комп.

Парижъ, Боаво и Шевилье.

Fr. Spielhagen, Die Stumme des Himmels. II.

Einzige vom Verfasser autorisirte russische Ausgabe.

1576 SV

Международная Беллетристическая Библіотека

на русскомъ языкѣ,

издаваемая

Карломъ Малькомесомъ.

Собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ новѣйшихъ писателей всѣхъ странъ.

Программа настоящей библіотеки видна изъ ея названія. Уже давно замѣчается недостатокъ въ изданіи хорошихъ русскихъ и иностранныхъ (на русскомъ языкѣ) беллетристическихъ произведеній **отдѣльными книгами.** Всѣ лучшія произведенія не только русскихъ, но и заграничныхъ авторовъ, печатаются въ Россіи преимущественно въ толстыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ, которые частью недоступны, а въ особенности неудобны, по своему формату, въ дорогѣ. Потому-то бо́льшая часть русскаго читающаго міра, особенно изъ живущаго заграницею, не могла знакомиться съ русскими произведеніями и слѣдить за новой русской и иностранной литературой. — Настоящая библіотека поставила себѣ цѣлью пополнить этотъ про-

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Международная Беллетристическая Библіотека

на русскомъ языкѣ,

издаваемая

Карломъ Малькомесомъ.

Собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ

новѣйшихъ писателей всѣхъ странъ.

I. Серія. **Томъ VII.**

Фр. Шпильгагенъ, Безмолвіе неба.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Единственное, разрѣшенное авторомъ изданіе.

II. томъ.

Стутгартъ.

Изданіе

Карла Малькомеса.

БЕЗМОЛВІЕ НЕБА.

Романъ

Фридриха Шпильгагена.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Единственное, разрѣшенное авторомъ изданіе.

Томъ второй.

Стутгартъ.
Изданіе
Карла Малькомеса.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

Дозволено цензурою 5. мая 1894 г.

БЕЗМОЛВІЕ НЕБА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Глава первая.

Ульрихъ покинулъ Нордерней въ такомъ душевномъ состоянiи, которое граничило съ сумасшествiемъ. Тщетно онъ увѣрялъ себя каждый разъ, что онъ самъ въ двадцать четыре часа передъ тѣмъ рѣшился освободиться отъ узъ чародѣйки, чтобы возвратиться къ женѣ, дѣтямъ и къ своимъ занятiямъ.

Но тогда онъ не зналъ, что на его любовь отвѣчали любовью. Теперь онъ это знаетъ. Онъ ее держалъ въ своихъ объятiяхъ, ея грудь трепетала на его груди, ея уста горѣли на его устахъ. Что это должно означать, какъ не то: теперь мы воедино неразрывно связаны? А все же! Если бы она, въ минуту сильно напряженнаго возбужденiя, рѣшилась съ нимъ разстаться и исполнила это, то тогда, можетъ быть, онъ съ трудомъ понялъ бы это. Но этого не было; ея письмо служило тому доказательствомъ. Не оторвалась она отъ него! нѣтъ, отдѣлилась! ловкими, нѣжными руками она ослабляла одну петлю за другою, что-бы потомъ ускользнуть,

съ пріятною улыбкою, выражающею преданность, и съ смиреннымъ взоромъ.

Куда?

Даже ни малѣйшее предчувствіе не подсказало ему этого. Съ лихорадочнымъ напряженіемъ искалъ онъ въ своемъ воспоминаніи того, что она при томъ или другомъ случаѣ упоминала о своемъ личномъ положеніи. Но этого было такъ мало: она была почти одинока въ мірѣ, родителей больше не было, братьевъ и сестеръ совсѣмъ никогда не имѣла. Нѣсколько родственниковъ ея еще находились въ живыхъ, но гдѣ? Ему казалось, какъ будто она называла Берлинъ; но также хорошо имъ могъ быть и всякій другой городъ. Именъ родственниковъ онъ никогда не слыхалъ или же забылъ. Богъ мой, вѣдь онъ только и жилъ ею, тою, которая спустилась къ нему съ небесныхъ полей! Если она имѣла на землѣ поклонниковъ, то что ему было до этого? Теперь онъ проклиналъ свое безмыслiе, которое ему казалось не понятнымъ, вполнѣ дѣтскимъ, осудившее его на несчастную роль сказочнаго мальчика, который заблудился въ лѣсу.

И въ ея письмѣ не было никакого намека, который бы могъ навести на ея слѣдъ! Она не хотѣла, что бы знали, гдѣ она находится; не хотѣла, что бы ее преслѣдовали, но хотѣла разъ навсегда освободиться отъ него! И это была ея благодарность за его безпредѣльную любовь!

Теперь въ его сердцѣ загорѣлась дикая злоба.

Онъ могъ-бы разорвать письмо, которое онъ носилъ въ бумажникѣ, и клочки его швырнуть въ волны, съ шипѣніемъ пробѣгавшія подъ носомъ парохода; задушить, заколоть могъ-бы онъ ее, эту красивую волшебницу, которая со смѣхомъ убѣжала, укравъ его душу!

Или она еще требовала отъ него благодарности за то, что теперь не случится, что, однако, должно было произойти, если бы она осталась?

Но должно ли было бы этому все-таки случиться?

Какъ могъ онъ теперь еще возвратиться къ ней, ничего не предчувствовавшей? заключить ее въ своихъ объятіяхъ съ любовью къ другой въ сердцѣ? Или сказать ей, въ какомъ положеніи онъ теперь находится и свергнуть ее съ высоты ея довѣрія въ адъ отчаянія? Одно было такъ-же невозможно, какъ и другое; а третьяго исхода изъ этой ужасной дилеммы не было.

Онъ могъ быть только одинъ, именно: броситься туда — въ эту темную глубину. Вѣдь онъ могъ бы слишкомъ далеко перегнуться черезъ бортъ и потерять равновѣсіе. Пароходъ выходилъ теперь изъ Ваттенскаго озера полнымъ ходомъ. Пока остановились бы и воротились къ мѣсту, гдѣ онъ утонулъ, прошло-бы въ крайнемъ случаѣ отъ десяти до пятнадцати минутъ; а что бы не подняться на поверхность живымъ, это вполнѣ зависѣло отъ него.

Его робкіе взоры блуждали по палубѣ: тутъ, по случаю очень хорошей погоды, толпилось много пассажировъ. Одинъ господинъ, возобновившій здѣсь случайно заведенное въ Нордернеѣ знакомство и почти не отходившій отъ него, теперь снова подошелъ къ нему и сталъ разсказывать, что онъ сейчасъ читалъ въ Бременской газетѣ про страшное градобитіе, которое, какъ передаютъ, нѣсколько дней тому назадъ сдѣлало ужасное опустошеніе, особенно въ восточной части Помераніи. Онъ спрашивалъ, не знаетъ ли баронъ объ этомъ какихъ нибудь подробностей? Это его очень интересуетъ потому, что одинъ изъ его братьевъ, хлѣботорговецъ, обыкновенно закупалъ въ этой мѣстности больше всего хлѣба. Ульрихъ отвѣтилъ, что въ послѣднихъ письмахъ, которыя онъ получилъ изъ дому, ничего не было сказано объ этомъ; правда, письма были помѣчены заднимъ числомъ. Господинъ, который былъ радъ, что нашелъ новую тему для разговора, продолжалъ бесѣдовать о хлѣботорговлѣ, о пошлинѣ на хлѣбъ, о русской и американской конкурренціи, и все на подобную тему, которая ему, какъ обладателю большой паровой мельницы около Франкфурта на Одерѣ, была хорошо знакома, и о которой ему хотѣлось услышать мнѣніе померанскаго крупнаго помѣщика. Ульрихъ изъ учтивости не могъ отказать ему въ этомъ; даже когда господинъ Вестермейеръ, въ виду бременской гавани, кото-

рая все яснѣе и яснѣе выдѣлялась изъ воды, наконецъ сдѣлалъ ему предложеніе распить совмѣстно бутылку шампанскаго за благополучное окончаніе леченія и за его хорошій исходъ, онъ и на это согласился. Это все-таки было лучше, чѣмъ пристально глядѣть въ воду, съ желаніемъ лежать тамъ внизу, и не имѣть смѣлости выполнить свое намѣреніе.

Только уже въ бременской гавани Ульриху посчастливилось отвязаться отъ разговорчиваго обладателя паровой мельницы. Во время продолженія путешествія, онъ обдумывалъ письмо, въ которомъ онъ хотѣлъ изложить Гертѣ всю правду, и изъ котораго она сама могла бы заключить, что дальнѣйшее совмѣстное сожительство между ними сдѣлалось невозможнымъ. Еще сегодня вечеромъ онъ думалъ написать это письмо.

Было уже очень поздно, когда онъ пріѣхалъ въ Бременъ. Какъ только онъ заперъ за собою дверь въ номерѣ гостинницы, чувство горя и одиночества такъ страшно овладѣло имъ, что онъ бросился на коверъ и плакалъ, и рыдалъ, какъ дитя. Потомъ онъ опять оправился, стыдясь за свою неприличную мужчинѣ слабость, и сѣлъ къ столу писать письмо. Онъ думалъ, что текстъ для письма у него окончательно сложился въ головѣ, но онъ не могъ и трехъ словъ соединить вмѣстѣ.

Въ его головѣ было совершенно пусто. Онъ выпилъ нѣсколько стакановъ вина. Но отъ это-

го ему не сдѣлалось лучше, а къ этому присоединилось еще отяжелѣніе въ членахъ. И не удивительно: прошедшую ночь онъ едва-ли заснулъ на одинъ часокъ, и потомъ — длинное путешествіе сегодня! Такъ лучше до завтра!

Ночь, однако, не принесла ему, переутомленному, никакого укрѣпленія. Его постоянно пробуждали отъ короткой дремоты грезившіяся ему безсмысленныя привидѣнія. Онъ силился догнать ее, убѣгавшую отъ него, и боролся съ препятствіями, которыя встрѣчались ему на каждомъ шагу. Ему представлялись: то лабиринты улицъ, въ которыхъ онъ безпомощно блуждалъ; то темный дремучій лѣсъ, вьющіяся растенія коего обвивали его члены; то старый сгнившій дворецъ съ безконечными, узкими коридорами и развалившимися лѣстницами. Наконецъ, онъ все-таки нашелъ ее въ темномъ, уютномъ саду, въ который падалъ откуда-то мрачный свѣтъ и мягкій воздухъ котораго былъ совсѣмъ пропитанъ запахомъ резеды. Но въ тотъ самый моментъ, какъ онъ только что хотѣлъ прижать ея тонкій, эластичный станъ въ своихъ объятіяхъ, она указала ему съ движеніемъ ужаса и упрека на женскую фигуру, стоявшую въ сіяніи свѣта, блѣдную, какъ смерть, съ окоченѣлыми, помертвѣвшими глазами, между тѣмъ какъ изъ ея дрожащихъ устъ вырвался крикъ, точно мученицы, пронзительный и ужасный — и Ульрихъ приподнялся въ постели, облитый

потомъ, съ страшнымъ біеніемъ сердца, опомнившись, что онъ самъ былъ тотъ, у кого вырвался этотъ крикъ.

Утромъ онъ былъ какъ душевно, такъ и тѣлесно, только тѣнью своего собственнаго я. Его вчерашнее намѣреніе письменно увѣдомить Герту о произшедшемъ, казалось ему сегодня варварскою трусостью, ударомъ тайнаго убійцы въ темнотѣ исподтишка. Если уже это нужно было высказать ей, то она имѣла право услышать это изъ его устъ.

Но у него не хватало также рѣшимости и къ дальнѣйшему путешествію, которое, наконецъ, привело бы его къ ней. Въ этомъ состояніи онъ не посмѣлъ бы явиться къ ней. Прежде всего ему нужно было опять сдѣлаться господиномъ надъ самимъ собою, овладѣть своею твердостью, своими взглядами и своими словами. Но и тогда еще оставался бы въ немъ нѣкоторый ужасъ и страхъ.

Стало быть, надо было придумать какую-нибудь отговорку, почему онъ, не смотря на то, что уже оставилъ Нордерней, не вернулся назадъ: онъ хотѣлъ только сознаться, что купанье — по крайней мѣрѣ до натоящаго времени — не принесло ему пользы, и что онъ надѣется воспользоваться послѣдующимъ леченіемъ, которое, однако, онъ не желалъ бы продолжать дома, гдѣ ему нужно было бы приняться за работу.

А кромѣ этого, случай, побывать въ Бременѣ,

гдѣ онъ теперь находился, въ Гамбургѣ, Любекѣ, Килѣ, а можетъ быть и въ Копенгагенѣ, былъ слишкомъ заманчивъ.

Такимъ образомъ онъ хотѣлъ-бы еще восемь, а можетъ быть — и четырнадцать дней прожить въ чужихъ краяхъ, съ условіемъ, если извѣстія изъ дому будутъ попрежнему благопріятныя. Онъ будетъ правильно продолжать переписку, но проситъ присылать отвѣты по пути его слѣдованія, о которомъ онъ ихъ увѣдомитъ, poste restante, такъ какъ ему неизвѣстны гостинницы, въ которыхъ придется останавливаться, и что онъ не знаетъ, какъ долго будетъ оставаться въ различныхъ мѣстахъ.

Какъ будто сильная тяжесть свалилась у Ульриха съ души, когда онъ опустилъ письмо въ почтовый ящикъ, находящійся въ гостинницѣ. Это была, конечно, отсрочка только на короткое время, но все таки отсрочка. Въ томъ умыслѣ, съ которымъ онъ скрывалъ отъ Герты свой путь слѣдованія, онъ не находилъ ничего унизительнаго, но видѣлъ въ этомъ только крайнюю необходимость. Ибо онъ зналъ навѣрное, что какъ скоро онъ обозначилъ бы ей какое-нибудь мѣстопребываніе, она сейчасъ же соберется въ путь, что бы успокоиться отъ возбуждающихъ ее заботъ и помочь ему, вслучаѣ надобности въ чемъ-нибудь. И мысль, увидѣть ее вдругъ передъ собой — съ видомъ, выражающимъ вмѣстѣ истинную любовь и страхъ, съ видомъ, который

въ слѣдующую минуту долженъ былъ превратиться въ искривленное лицо мертвеца, — эта мысль наводила на него страхъ.

Онъ нанялъ извозчика и велѣлъ ему везти себя по городу, гдѣ есть различныя достопримѣчательности. Интеллигентный молодой человѣкъ освободился отъ своей задачи съ такою же ловкостью, какъ и основательностью. Другой на его мѣстѣ могъ бы утверждать, что въ теченіе четырехъ-или пятичасовой поѣздки по городу онъ основательно изучилъ Бремень; но что ему все это безъ нея! По недѣлямъ онъ ничего не видалъ, кромѣ ея глазъ; ни о чемъ не думалъ, какъ только объ ней, только бы сообщить ей и слышать отъ нея отвѣтъ. И пріятнѣйшее желаніе взаимообщенія душъ, такъ, чтобы изъ обѣихъ стала одна, которая бы въ этомъ удвоеніи съумѣла исполниться во сто кратъ лучшею жизнью, — оно должно было теперь исчезнуть и погибнуть навсегда. Ничего нельзя было ни понять, ни придумать. Подобно тому, какъ свободное мѣсто въ каретѣ возлѣ него, казалось, ожидало ее, — ту, которая не приходила, то теперь цѣлый свѣтъ становился для него пустымъ — со всею его прелестью, даже тѣмъ пустѣе, на сколько она была прелестнѣе. Никакое пѣніе птицъ, ни благоуханіе цвѣтовъ, ни блескъ солнца, ни произведенія поэзіи или искусства не восхищали бы его безъ того, чтобы не усилить еще болѣе страстнаго желанія

по ней, не заставить его почувствовать, что безъ нея всѣ радости жизни, все земное счастіе превращались для него въ горечь и печаль.

И тогда имъ овладѣлъ снова гнѣвъ на нее за то, что она, хотя и любила его, но не имѣла достаточно мужества въ своей любви, и сама сознательно толкнула его на это несчастье. Слѣдовательно, ея любовь не была той сильной любовью, которая не отвергаетъ даже преступника. И если она благоразумно спасла себя, то все-таки въ душѣ онъ уже совершилъ преступленіе, долженъ еще совершить его въ дѣйствительности, или такъ далѣе влачить жизнь въ позорѣ ежедневной и ежечасной лжи. Зачѣмъ онъ только не могъ высказать ей этого въ ея поблѣднѣвшее лицо! Отчего онъ сейчасъ же не послѣдовалъ за ней; не хотѣлъ достичь Эмдена, чтобы напасть на ея слѣдъ и ѣхать за ней до тѣхъ поръ, пока не найдетъ ее. Но теперь она была уже на такомъ далекомъ разстояніи; и могла направиться изъ Ганновера на востокъ или на западъ, вѣрнѣе всего на западъ, чтобы въ Парижѣ или Лондонѣ быть отъ него навсегда въ безопасности.

Только среди дня возвратился Ульрихъ въ свой отель, а тѣмъ же вечеромъ онъ былъ уже въ Гамбургѣ. Такъ какъ онъ назначилъ Киль своей слѣдующей остановкой, то въ Гамбургѣ онъ не могъ ожидать никакой неожиданности. Такъ провелъ онъ здѣсь восемь дней, по цѣлымъ

часамъ механически наблюдая изъ своего окна въ отелѣ de l'Europe, какъ сновали взадъ и впередъ по Альстеру маленькіе пароходики, или устремивъ взглядъ на массу кораблей въ гавани. Первая острая боль улеглась, и тупое чувство, замѣнившее ее въ его душѣ, казалось ему сравнительно счастьемъ. Мысль положить конецъ этому несчастному существованію, какъ бы часто и заманчиво она ни представлялась ему, онъ гналъ отъ себя, но не столько изъ-за религіозныхъ убѣжденій, сколько потому, что онъ говорилъ себѣ, что подобный поступокъ былъ бы полнѣйшимъ противорѣчіемъ со всей его прошедшей жизнью. Такъ какъ онъ до сихъ поръ жилъ только для другихъ, то теперь онъ не хотѣлъ умирать собственно для одного себя. Для кого могла быть полезной его смерть? Конечно не для той, которая своимъ бѣгствомъ доказала, что она вполнѣ хорошо можетъ жить и безъ него; и также не для другой, которая безъ него совсѣмъ не можетъ существовать; и которая, наконецъ, это сама поняла, когда онъ ее просилъ: будь доброй и разумной, такой, какъ ты всегда была! Ты увидишь, что я буду заботиться о тебѣ и о дѣтяхъ и трудиться еще больше прежняго; никогда вы не услышите отъ меня ни одного непріятнаго слова. Только не требуй отъ меня того, что могло бы заставить меня прибѣгнуть ко лжи, для которой мы оба съ тобой не созданы. Хотя это будетъ, конечно,

только призракомъ существованія, но мы должны будемъ его свято охранять ради нашихъ дѣтей. — Онъ схватился за эту мысль, какъ за послѣднее средство, не довѣряя вполнѣ его спасительной силѣ. Конечно, Герта была добра и разумна, но только до извѣстной степени: она была непреклонна и не хотѣла итти ни на малѣйшій компромиссъ или прибѣгать къ какимъ либо окольнымъ путямъ, лишь только дѣло касалось его любви къ ней. По крайней мѣрѣ, это было такъ до сихъ поръ. Онъ вспомнилъ эпизодъ, случившійся 10 лѣтъ тому назадъ, на второй годъ ихъ супружества.

Одинъ господинъ изъ восточной Пруссіи купилъ у нихъ по сосѣдству имѣніе, куда сейчасъ же и переѣхалъ; это былъ уже довольно пожилой вдовецъ съ единственной дочерою, красавицей, высокаго роста, нѣсколько самовластной и странной, но богато одаренной дѣвушкой, которая умѣла быть увлекательно любезной съ людьми ей симпатичными. Между обоими семействами установились вскорѣ дружескія отношенія, благопріятствуемыя въ особенности близкимъ сосѣдствомъ. Герта, которая никогда не имѣла особенной потребности въ дружбѣ, вдругъ почувствовала сильное влеченіе къ этой красивой дѣвушкѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь ей представлялся случай быть имъ полезной и словомъ, и дѣломъ, при устройствѣ ихъ новаго хозяйства. А такъ какъ онъ охотно принялъ на себя ту-

же роль, только въ другомъ родѣ, при отцѣ Лидіи, то имъ пришлось видѣться все чаще, и наконецъ почти каждый день. Такъ прошло два мѣсяца, и ни одно облачко не омрачило ихъ сердечнаго согласія, какъ вдругъ дружба Герты стала видимо ослабѣвать. Онъ самъ не обратилъ на это никакого вниманія, даже и тогда, когда Лидія замѣтила ему объ этомъ и спросила, не знаетъ ли онъ какой нибудь причины. Какъ могъ онъ ее знать? Можетъ быть, заботы о ребенкѣ, у котораго теперь прорѣзывались зубки, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ, конечно, ничего такого, что бы могло касаться Лидіи. Но однажды, вернувшись отъ нихъ довольно поздно домой, онъ нашелъ Герту блѣдной, съ заплаканными глазами, въ очень возбужденномъ состояніи, которое вскорѣ нашло себѣ выходъ въ цѣломъ потокѣ словъ: она уже давно все видѣла и только терпѣливо переносила, но теперь она уже не въ силахъ переносить; ясно, что онъ любитъ Лидію, которая, конечно, пустила въ ходъ всю силу своего кокетства, чтобы завлечь его въ свои сѣти; достаточно было обратить вниманіе на внезанную перемѣну ихъ тона, когда они говрили между собой, и на взгляды, которыми они обмѣнивались безъ всякаго стѣсненія, чтобы замѣтить, какъ далеко они зашли. — Если бы онъ чувствовалъ себя вполнѣ невиннымъ, онъ могъ бы обезоружить ее своимъ хладнокровіемъ, но втайнѣ

онъ принужденъ былъ сознаться, что ея обвиненія были не безосновательны. Умъ и красота Лидіи произвели на него дѣйствительно впечатлѣніе, сила котораго, можетъ быть, только въ это мгновеніе стала ему вдругъ совершенно ясна. Онъ, конечно, это не высказалъ, но вмѣсто того началъ защищать права человѣка на поклоненіе уму и красотѣ, гдѣ бы они не встрѣчались, находя, что супружество, посягающее на эти права, ничто иное, какъ рабство, которому, съ своей стороны, онъ не намѣренъ подчиняться. И такъ далѣе, слово за слово, пока онъ наконецъ не закричалъ гнѣвно: намъ ничего болѣе не остается, какъ разстаться. — Это жестокое слово произвело ужасное дѣйствіе. Герта бросилась черезъ комнату, заломивши въ отчаяніи руки, — съ крикомъ: Ульрихъ хочетъ меня покинуть! Ульрихъ хочетъ меня покинуть! и тутъ-же упала въ обморокъ.

Но слѣдующее печальное событіе положило конецъ супружеской драмѣ, которая чуть было не разразилась трагедіей. Въ ту-же ночь заболѣлъ отецъ Лидіи и черезъ нѣсколько дней былъ уже трупомъ. Передъ такимъ большимъ несчастьемъ всѣ личные интересы должны были умолкнуть, и призывъ къ Гертѣ за помощью не остался безплоднымъ. Она сама превзошла себя въ своей предусмотрительной и энергичной заботливости о сиротѣ, у которой не было никого, кто бы могъ дать совѣтъ.

Вскорѣ послѣ этого Лидія уѣхала къ своимъ родственникамъ въ восточную Пруссію, предоставивъ Ульриху привести въ порядокъ ея дѣла. Послѣднее обстоятельство вызвало неизбѣжную между ними переписку, которая продолжалась и по окончаніи всѣхъ дѣловыхъ отношеній и прекратилась только черезъ 2 года послѣ помолвки Лидіи съ однимъ военнымъ, занимающимъ высокое положеніе по службѣ; къ большому удовольствію Герты, хотя она и дѣлала всегда видъ, что не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ корреспонденцію.

Также мало она обращала вниманія и позднѣе на отношеніе его въ слѣдующемъ году къ Клементинѣ. Конечно, она не знала навѣрное искренности этихъ отношеній и видѣла въ нихъ съ его стороны лишь ничто иное, какъ родственное участіе къ забытому природою и пренебрегаемому семьею человѣку, на которое этотъ отвѣчалъ съ подобающею благодарностью. Какое глубокое чувство, какой дѣятельный духъ обиталъ въ дряхлой оболочкѣ этой дѣвочки, созрѣвшей изъ дитяти въ дѣвицу, — объ этомъ она и не подозрѣвала, какъ и никто другой въ семьѣ, кромѣ него самого, который съ возростающимъ интересомъ наблюдалъ и содѣйствовалъ этому развитію. Казалось, эта теперь девятнадцатилѣтняя дѣвица такъ и оставалась для нея все тою-же девяти-лѣтнею дѣвочкою — самообманъ, который во всякомъ случаѣ можно было

поставить за счетъ чрезмѣрной робости и скрытности Клементины. И онъ самъ, правда, остерегался научить ее чему-нибудь другому. Зачѣмъ открывать ей тайное сокровище, изъ котораго онъ такъ часто заимствовалъ въ своей духовной нищетѣ? — скрытный оазисъ, у свѣжаго источника котораго онъ могъ бы освѣжить свою томящуюся душу? Вѣдь это могло бы только пробудить ея дремлющую съ полузакрытыми глазами ревность.

Впрочемъ, для катастрофы, подобной той, какая была въ началѣ ея супружества, не было ровно никакого повода. И такимъ образомъ, мало по-малу, для нихъ обоихъ развернулась жизнь, въ которой она нашла полное удовлетвореніе и о которой она навѣрное предполагала, что она и его совершенно удовлетворяла, потому что онъ давно уже отвыкъ выражать желаніе, которое выходило бы дальше за предѣлы узкоограниченной будничной жизни.

И въ эту жизнь, которая всѣмъ, кто только могъ взглянуть на нее, казалась такою образцовою и счастливою, какъ это рѣдко только достается въ удѣлъ людямъ, онъ долженъ былъ бросить головню, которая въ одно мгновеніе превратила бы въ развалины эту удивительную и завидную идиллію!

Когда онъ, наконецъ, прибылъ въ Киль, предъ нимъ лежали четыре письма — всѣ написанныя въ эти послѣдніе дни — письма ко-

роткія, написанныя съ малымъ стараніемъ, въ обыкновенномъ стилѣ Герты. Но какую преданную заботу выражало каждое неукрашенное слово! Пусть онъ остается, если думаетъ принести этимъ пользу своему здоровью. Это главная причина, передъ которой всякое другое сомнѣніе должно отступить на задній планъ. Она знаетъ, какъ ему хочется домой; а про свое желаніе, опять имѣть его при себѣ, — она уже и совсѣмъ не хочетъ говорить; но она и Паседагъ пока держались хорошо и будутъ такими-же до окончанія жатвы, которая, между прочимъ, превзойдетъ ихъ ожиданія; она проситъ только объ одномъ: чтобы онъ ей говорилъ истинную правду о своемъ состояніи, и, если онъ себя въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ больнымъ и только предполагаетъ, что ея присутствіе могло-бы способствовать его удобству, сейчасъ бы телеграфировалъ ей, послѣ чего она, само собой понятно, все оставитъ, чтобы поторопиться къ нему.

Могли-ли другія какія страстныя изліянія, хотя бы и необыкновенной нѣжности, быть краснорѣчивѣе, чѣмъ эти слова и фразы, кажущіяся такими сухими и избитыми? Ульрихъ хорошо чувствовалъ это, но что должно было случиться, если его такъ прославленное добродушіе опять одержитъ верхъ, и онъ согласится продолжать дальше жизнь, въ которой жатва и другія происшествія дня и тѣлесное

благосостояніе его дѣтей играли главную роль, а все, что сверхъ этого, было бы бѣдой, если бы вообще знали что-нибудь объ этомъ? Нѣтъ, лучше жить въ пустынѣ между разбойниками, чѣмъ въ этой благонравной атмосферѣ, и ради постоянной, вынужденной добродѣтели сдѣлаться нравственнымъ уродомъ.

И онъ отвѣтилъ, что ему одинъ разъ лучше, другой хуже, но причины къ дѣйствительному опасенію ни въ какомъ случаѣ не имѣется. Герта, поэтому, можетъ спокойно оставаться дома, тѣмъ болѣе, что онъ никогда не знаетъ вечеромъ того, не будетъ ли онъ въ слѣдующее утро на пути домой.

Вечеромъ тогоже дня онъ находился на дорогѣ въ Копенгагенъ.

Въ его душевномъ состояніи между тѣмъ все-таки, независимо отъ него, послѣдовала перемѣна. Хотя онъ все еще не могъ думать о дняхъ въ Нордернеѣ безъ того, чтобы тоска не угрожала овладѣть имъ, но приходили все-таки моменты, когда онъ могъ оживленно интересоваться вещами и людьми, находившимся вокругъ него. Его извѣстное сильное влеченіе къ чужеземнымъ странамъ, которое онъ считалъ, уже угасшимъ, снова возобновилось; музей Торвалдсена ему казался портикомъ къ Италіи и Греціи. О! какъ хорошо посѣтить эти долины, эти горы, эти города съ помощью древнихъ классиковъ, которыхъ онъ еще хорошо помнилъ.

Проѣхать эти моря, на островахъ и берегахъ которыхъ разыгралась Иліада и Одиссея, изъ пѣсенъ коихъ онъ зналъ нѣкоторыя отчасти наизусть! И его почти оконченный комментарій для поэтики Аристотеля, который долженъ-бы былъ служить ему диссертаціею на доктора! Какимъ-же образомъ это все вспомнилось ему теперь, какъ будто-бы въ запертомъ мѣстѣ открылась ставня, и вдругъ видно было въ яркомъ свѣтѣ множество хорошихъ вещей, которыя считались пропащими въ темнотѣ, въ пыли и плѣсени! Что другое, какъ ни любовь къ соотвѣтствующей ему женщинѣ могла произвести такое чудо? Нѣтъ, онъ не могъ уже опять погрузиться въ душевное прискорбіе, отъ котораго она теперь его пробудила! и даже, если не суждено было ее опять увидать, — этимъ онъ былъ обязанъ воспоминанію о тѣхъ блаженныхъ дняхъ. Можетъ быть, она была только его геніемъ, который ему долженъ былъ являться и напоминать ему о его сущетвованіи. Такъ это ему суждено. Прежде всего онъ хотѣлъ собраться въ поѣздку, конечно одинъ. Герта должна была съ этимъ согласиться, все равно, какъ-бы это для нея ни было. Все-таки возможно, что страсть его къ Элеонорѣ, — была только иллюзія. Это пока-бы могло еще выясниться. Стало-быть, тогда уже вѣрно, что всякое высшее вдохновеніе, которое онъ теперь чувствовалъ, было только заблужденіе и ему опять суждено терпѣливо переносить пустую дѣйст-

вительность, что онъ и дѣлалъ до сихъ поръ. Или — въ чемъ онъ готовъ былъ поклясться — любовь его не опускала крыльевъ, она несла его въ болѣе чистую и свѣтлую сферу — и, пусть тѣ, тамъ внизу, попробуютъ обойтись безъ него. Во время его отсутствія у нихъ былъ случай съумѣть жить безъ него. Имъ совсѣмъ даже не надо было считаться пропащими потому только, что онъ нашелся! Напротивъ, тогда только онъ могъ быть надежной опорой, тогда какъ теперь онъ былъ только гнилымъ стволомъ, грозящимъ рухнуть каждую минуту.

Конечно, безъ нѣкоторыхъ мучительныхъ дней свиданія и прощанія это не могло осуществиться. На это уже нужно было разсчитывать.

Можетъ быть, что въ его разсчетѣ и найдется гдѣ-нибудь ошибка, и его рѣшеніе есть не что иное, какъ компромисъ его новой страсти и старой привычки существованія. Это ему иногда такъ казалось. Но онъ радовался, придя хоть къ какому-нибудь результату, такъ какъ дальше это не могло продолжаться. Пусть-же тогда логика фактовъ вступитъ въ свои права и покончитъ съ мучительными размышленіями — такъ или сякъ.

Онъ написалъ Гертѣ, что онъ возвратится послѣ предполагаемаго, не долгаго пребыванія въ Маріенлистѣ морскимъ путемъ чрезъ Стральзундъ и Штетинъ, и что день и часъ его пріѣз-

да будетъ зависѣть отъ случайностей на пути, и притомъ изъявлялъ желаніе обойтись безъ всякаго торжественнаго пріема.

Глава вторая.

Былъ ранній деревенскій послѣобѣденный часъ, спустя недѣлю по возвращеніи Ульриха домой. Герта сидѣла у открытаго окна въ своей комнатѣ, старательно занимаясь шитьемъ и только по временамъ бросая бѣглый взглядъ чрезъ луговину передъ домомъ на дворъ, если оттуда слышался рѣзкій шумъ отъ качалки насоса, которымъ кухарка доставала себѣ воду, или скрипъ телѣги, нагруженной овсяными снопами съ поля, которая поворачивала въ боковыя ворота, или громкое ворчаніе Тиро, вблизи каморки котораго пробиралась непріятная ему кошка.

Теперь Тиро громко залаялъ: въ главныхъ воротахъ, напротивъ жилого дома, показалась открытая телѣжка, которая теперь легкою рысью пары гнѣдыхъ приближалась по аллеѣ изъ престарыхъ липъ, обогнула зеленую лужайку, взъѣхала на рампу и остановилась предъ подъѣздомъ. Герта кивнула головою маленькому, дородному господину, сидѣвшему въ тележкѣ, когда онъ съ поклономъ проѣхалъ мимо ея окна, и съ слабою

улыбкою вышла къ нему навстрѣчу, когда онъ былъ уже въ комнатѣ.

— Ай, г. докторъ, и въ такой необычный часъ?

— Да, сударыня, вамъ хорошо это говорить! — воскликнулъ докторъ Балтазаръ, — и при такой жарѣ! двадцать два градуса по Реомюру въ тѣни! Но какъ разъ въ это время дѣтямъ угодно схватить дифтеритъ. Натурально, совершенно обыкновенный катарръ зѣва; напримѣръ, у маленькаго Эгберта на той сторонѣ въ Пустовѣ. Ну, разъ я въ Пустовѣ, мнѣ захотѣлось взглянуть на нашего паціента. Онъ дома?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Полчаса тому назадъ онъ уѣхалъ на мызу.

— Могу я предложить вамъ прохладительнаго, г. докторъ?

— Согласенъ, сударыня; одинъ стаканъ содовой воды съ рюмкой коньяку. Но, пожалуйста, безъ церемоній.

— Нисколько.

Слуга принесъ желаемое; Герта и докторъ сидѣли въ глубинѣ комнаты, она на софѣ, а докторъ — напротивъ нея — въ плетеной качалкѣ. Онъ сдѣлалъ большой глотокъ, между тѣмъ какъ его маленькія, умныя голубыя глаза испытующе поглядывали на нее. Теперь онъ поставилъ полуопорожненный стаканъ и заговорилъ:

— Прежде всего я долженъ серьезно пого-

ворить съ вами, сударыня. Вашъ видъ совершенно не нравится мнѣ. Что это значитъ?

— Я страшно безпокоюсь за моего мужа, — глухимъ голосомъ отвѣтила Герта.

— Но, баронесса, для этого у васъ нѣтъ никакой причины, — качая головою, сказалъ докторъ.

— Никакой причины? — въ возбужденіи воскликнула Герта; — это не можетъ быть вашимъ настоящимъ мнѣніемъ. — Онъ такъ сильно измѣнился, что его едва можно узнать.

— Да, да, онъ похудѣлъ, — задумчиво проговорилъ докторъ.

— Если-бы только это было! — отвѣчала Герта въ томъ же возбужденномъ тонѣ; — у него никогда не было особенно большого аппетита, и навѣрное дорогою его кормили очень худо. Но скажите мнѣ одно: если ему, какъ онъ теперь самъ сознается, дорогою шло вообще не хорошо, то почему онъ такъ долго оставался — въ Копенгагенѣ и еще въ Маріенлистѣ цѣлыхъ четырнадцать дней — всего на всего восемь недѣль, тогда какъ мы здѣсь, за работами, не помнили сами себя. Этого онъ не сдѣлалъ-бы ранѣе. И почему онъ всегда умалчивалъ предо мною о своемъ настоящемъ положеніи и не позволялъ мнѣ слѣдовать за собою, хотя я всегда вызывалась на это? И что онъ, ради Бога, сдѣлалъ тамъ, на сторонѣ, въ это продолжительное время? Вы просили его такъ убѣдительно по возможности

больше быть въ обществѣ — и сдѣлалъ-ли онъ это? Даже не познакомился ни съ однимъ человѣкомъ; по крайней мѣрѣ, онъ не назвалъ мнѣ ни одного. Я убѣждена, что онъ все время провелъ одинъ. А теперь, съ того времени, какъ онъ здѣсь — онъ сторонится отъ всѣхъ людей, какъ будто у него на душѣ какое-нибудь преступленіе; едва, едва онъ поговоритъ съ Пазедагомъ о самыхъ важнѣйшихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, хотя онъ съ утра до вечера бываетъ на дворѣ, такъ что мы едва видимъ его. Очевидно, мы уже болѣе не существуемъ для него — я и дѣти. Какъ только я заговорю съ нимъ о дѣтяхъ, онъ становится нетерпѣливымъ. Я увѣряю васъ, что даже дѣти замѣтили это. А какъ они прежде были привязаны къ нему! Теперь они идутъ ко мнѣ, или остаются съ мадемоазелью Дидье, которой они прежде терпѣть не могли, такъ что я уже хотѣла ей совсѣмъ отказать. Все это — не естественно. И какъ же мнѣ при этомъ не безпокоиться?

— Спитъ — ли онъ, по крайней мѣрѣ? — спросилъ докторъ.

Заплаканные глаза Герты замергали при этомъ.

— Я не знаю этого, — невнятно отвѣтила она. Я должна была — сряду же на первый день — поставить ему постель въ кабинетѣ возлѣ его рабочей комнаты. Онъ говоритъ, что проводитъ ночи слишкомъ безпокойно и что онъ не желаетъ меня тревожить.

Она улыбнулась при послѣднихъ словахъ; но это была горькая улыбка, такъ что у добраго доктора стало больно на сердцѣ.

— Милостивая сударыня, — началъ было онъ...

— Это еще не все, — прервала его Герта. — Теперь онъ восемь дней здѣсь и уже опять хочетъ уѣхать; онъ говоритъ о путешествіи въ Италію, Грецію и еще — не знаю куда...

— Въ которомъ вы во всякомъ случаѣ должны его сопровождать?

Вмѣсто отвѣта Герта залилась слезами. Докторъ всталъ, подошелъ къ окну и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ задумчиво смотрѣлъ на свой экипажъ, который стоялъ въ густой тѣни первой липы аллеи, съ которой кучеръ сломилъ повисшую вѣтку, чтобы отмахивать мухъ отъ лошадей. Потомъ онъ подошелъ къ Гертѣ, которая пристально смотрѣла впередъ, держа платокъ на колѣняхъ, и усѣвшись, сказалъ послѣ короткаго откашливанія:

— Баронесса, я хочу вамъ только признаться: въ Пустовѣ у меня не было никакого дѣла, и я собственно прибылъ, чтобы видѣть вашего супруга. Не легко я берусь за это, но я заранѣе убѣдительно прошу васъ не пугаться. Прежде всего я могу васъ завѣрить всѣмъ священнымъ: недавно, когда я, по вашему настоянію, освидѣтельствовалъ его, то не нашелъ ни одного подозрительнаго симптома, который давалъ-

бы право заключить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ какимъ-нибудь органическимъ страданіемъ. Сердечные тоны были, правда, немного слабы; но вы, конечно, правы: его питаніе во все время было недостаточно и неправильно — я еще вспоминаю о тогдашнемъ моемъ пребываніи, именно, что въ Нордернеѣ ужасно плохо кормили. Четыре, пять недѣль дурного питанія могутъ сильно ослабить даже и такого здороваго мужчину, какъ вашъ супругъ, въ особенности, если . . .

— Если что? — перебила Герта, когда докторъ, который немного отпилъ изъ своего стакана, не сразу продолжалъ свою рѣчь.

— Да, сударыня, — началъ онъ снова, — я нахожусь въ затрудненіи, какъ-бы это выразить вамъ. Это собственно не по моей части, то есть: тутъ дѣло идетъ не о томъ, къ чему можно подойти съ зондомъ или стетоскопомъ, или другимъ какимъ механическимъ путемъ, но гдѣ предлежитъ психологическій діагнозъ — дѣло, за которое возмется не всякій настоящій медикъ. Но не въ томъ теперь дѣло; а вы, сударыня, на столько благоразумны, что поймете суть дѣла изъ моихъ неловкихъ словъ. Знаете-ли, что химики называютъ пунктомъ пресыщенія? это предѣлъ, до котораго извѣстное количество, напримѣръ воды, можетъ воспринять въ себя другую матерію, напримѣръ соль. То-же самое происходитъ съ душею и сердцемъ человѣка:

радость, страданіе — что бы это ни было — мы можемъ преносить ихъ до извѣстныхъ предѣловъ; а что выше этого, — то уже больше для насъ не существуетъ и не можетъ сдѣлать насъ ни болѣе радостными, ни болѣе страдающими, чѣмъ каковы мы есть. Природа противится этому, и ничего подобнаго не принимаетъ болѣе. Это имѣетъ силу и въ маломъ, и большомъ. Разъ мы вели извѣстное время однообразную жизнь, то мы сильно желаемъ перемѣны. А у особенно чувствительныхъ натуръ это желаніе перемѣны выступаетъ еще сильнѣе и принудительнымъ образомъ.

Вашъ супругъ — на сколько я его знаю — есть именно такая натура. Не гнѣвайтесь, поэтому, если я вамъ прямо скажу: это есть однообразіе сельской жизни. Онъ пресыщенъ ею и не можетъ дальше переносить ее. Не забудемъ еще, сударыня, что первоначально у него не было намѣренія сдѣлаться помѣщикомъ, — но что онъ только по нуждѣ сдѣлался таковымъ, когда умеръ его отецъ, и кромѣ него не было никого, кто могъ-бы взять хозяйство въ свои руки. И я знаю навѣрное, что онъ первоначально смотрѣлъ на это, какъ на нѣчто временное, чтобы, потомъ, по приведеніи всего въ настоящій порядокъ, снова возвратиться къ своимъ занятіямъ. Онъ говорилъ тогда о двухъ, много — что о трехъ годахъ, а теперь протекло уже тринадцать или четырнадцать лѣтъ. Го-

воря откровенно, сударыня, иной разъ втайнѣ я удивлялся и спрашивалъ себя: какъ долго еще онъ можетъ выдержать это, пока не придетъ реакція? Ну — вотъ она и пришла.

Докторъ допилъ остатокъ изъ своего стакана и отклонился въ стулъ. Дорогою онъ основательно приготовился къ своей рѣчи и полагалъ, что можетъ быть довольнымъ ея выполненіемъ. Но Герта, которая уже во время его рѣчи, показала нѣсколько знаковъ нетерпѣнія, теперь воскликнула почти съ жаромъ:

— Ахъ, все это пустяки, докторъ! Это звучитъ прямо такъ, какъ будто я препятствовала ему заниматься, сколько бы ему хотѣлось. Но вѣдь, на самомъ дѣлѣ, онъ читаетъ и безъ того такъ много — въ иные вечера зимою вплоть до самой поздней ночи — и каждый разъ затѣмъ спитъ худо. Нѣтъ, это не можетъ быть.

— Въ концѣ концовъ, все-таки, сударыня, — сказалъ докторъ. Одного чтенія ученому человѣку не достаточно. Онъ долженъ видѣть, слышать, имѣть возможность дѣлиться своими мнѣніями, имѣть соотвѣтствующее общество. Ну, а съ кѣмъ-бы здѣсь, сударыня, вашъ супругъ могъ вести общество? Здѣсь, въ деревнѣ, онъ совершенно не найдетъ никого; а у насъ — въ нашемъ жалкомъ городишкѣ — если и найдется нѣсколько человѣкъ, съ которыми еще можно вести дѣльный разговоръ, то ихъ можно по пальцамъ перечесть.

— Яснѣе говоря, — воскликнулъ Герта, — мы дожны сдѣлать, какъ моя мама, осенью ѣхать въ Берлинъ, остаться тамъ до весны, цѣлый годъ оплачивать дорогую квартиру, имѣть двойное хозяйство и вдвое больше тратить, чѣмъ мы получаемъ.

Докторъ Балтазаръ слишкомъ хорошо зналъ склонность Герты къ крайностямъ, чтобы ея горячностью позволить вывести себя изъ терпѣнія. Поэтому онъ спокойно отвѣчалъ:

— Я не знаю, сударыня, найдется-ли иной какой образъ житія, который имѣлъ-бы менѣе роковыя послѣдствія и однако приводилъ-бы къ желанной цѣли. Прежде всего, если бы я могъ посовѣтовать вамъ, на вашемъ мѣстѣ я ни мало не пренятствовалъ-бы его желанію снова отправиться въ путь.

— Развѣ этого я не дѣлаю? — воскликнула Герта.

— Мало того, нужно всячески помогать этому, — продолжалъ докторъ, какъ бы не обращая вниманія на перерывъ. Онъ долженъ выйти изъ того положенія, въ которомъ онъ теперь находится. Я не вижу никакого другаго средства.

— А я не вижу, что̀-это именно могло-бы помочь, — съ колкостью замѣтила Герта. — Развѣ эти восемь недѣль ему сколько-нибудь помогли? Или, можетъ быть, для этого нужно восемь мѣсяцевъ? или восемь лѣтъ? Тогда ужь было-

бы лучше, если бы онъ разъ навсегда отказался отъ жены и дѣтей.

— Но, послушайте, милостивая сударыня! — пытался ее остановить докторъ, качая головой.

Герта чувствовала, что она слишкомъ далеко зашла.

— Или, если уже ему нужно ѣхать, — продолжала она въ болѣе спокойномъ тонѣ, — почему это должно быть сейчасъ? Почему бы не подождать еще нѣсколько лѣтъ, пока мы не отдали бы дѣтей въ пансіонъ? Не могутъ же они всегда оставаться дома. Тогда и я была-бы свободна, и ничего не имѣла-бы противъ того, чтобы одинъ разъ выѣхать куда-нибудь. Какъ часто я желала видѣть Парижъ! Но я до сихъ поръ думала, что слишкомъ наивно вѣрить, что бы всякое желаніе, какое только приходитъ въ голову, сейчасъ же и должно быть исполнено.

— А гдѣ ваши дѣти? — спросилъ докторъ, довольный тѣмъ, что можетъ перемѣнить тему.

— Я не знаю; вѣроятно, въ саду, съ мадемуазелью.

— Здоровы они?

— Да, благодарю васъ.

Произошла пауза; докторъ поднялся съ мѣста.

— Я долженъ идти, сударыня, — сказалъ онъ. — Не правда ли, я могу унести съ собою убѣжденіе въ томъ, что вы не сердитесь на вашего стараго друга, который больше, чѣмъ кто-либо, всегда желалъ вамъ и вашему супругу добра,

потому только, что онъ по своему крайнему разумѣнію высказалъ вамъ свое мнѣніе, хотя бы это мнѣніе и не сходилось съ вашимъ.

— Я знаю, у васъ хорошія намѣренія, — пробормотала Герта. — Ахъ, Боже мой, вѣдь и я только желаю одного добра. Вѣдь я могла-бы для него все, все сдѣлать!

— А для этого не падайте духомъ, сударыня! Это такъ только наносныя облака. Они бываютъ въ жизни каждаго человѣка и также скоро проходятъ. А послѣ нихъ солнце свѣтитъ еще свѣтлѣе.

Онъ поцѣловалъ ея руку, хотѣлъ уже выйти, но остановился у двери.

— Завтра я ѣду въ Зеегаузенъ, сударыня. Не имѣете-ли чего-нибудь передать г. генеральшѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Сегодня я поѣду туда сама.

— Вы знаете, что она привезла себѣ изъ Берлина компаньонку?

— И объ этомъ она писала мнѣ.

— И такъ, еще разъ прощайте, сударыня.

— Прощайте!

Герта осталась на диванѣ, пристально смотря впередъ и кусая себѣ губы.

Что сказалъ докторъ, думала она, — было вѣдь все вздоръ. Пунктъ пресыщенія — смѣшно! Вѣдь и ей вѣчныя заботы о хозяйствѣ и о дѣтяхъ порядкомъ-таки надоѣдали. Что, если бы и она каждый разъ въ такомъ настроеніи

слагала съ себя свои обязанности. А вѣдь она была близка къ тому въ эти послѣднія восемь недѣль! Да и вобще, что понималъ въ этомъ дѣлѣ докторъ, который никогда не былъ женатъ!

Со стономъ она поднялась съ софы и, проведя рукою по челу и глазамъ, осмотрѣлась вокругъ въ комнатѣ. Ей показалось тутъ все такъ чуждымъ, какъ будто она никогда не видала ее. Она подошла къ трюмо, которое находилась въ простѣнкѣ между двумя окнами, и взглянула на себя. Она-ли это? — женщина двадцати девяти лѣтъ, безъ всякаго румянца въ лицѣ, съ темными кругами подъ раскраснѣвшимися матовыми глазами, съ поблекшими устами и съ морщинами на челѣ. Когда онъ недавно возвратился домой, давно и страстно ожидаемый и все-таки неожиданно, и она выбѣжала къ нему навстрѣчу и обвила его своими руками, — она навѣрное выглядѣла не таковою. Но можетъ быть тогда, когда онъ едва отвѣчалъ на ея поцѣлуи, почти оттолкнулъ ее отъ себя. А съ тѣхъ поръ-ахъ! она просиживала ночи на-пролетъ въ своей уединенной постели, прислушиваясь къ тишинѣ, не услышитъ-ли она, наконецъ, его шаговъ! Онъ болѣе не любилъ ее!

Вотъ въ чемъ причина! Послѣ этого онъ могъ бы ѣхать и оттолкнуть отъ себя ее и дѣтей! Что все это когда-либо такъ далеко зайдетъ — этого ей прежде никогда не снилось. Вѣкъ живи, вѣкъ учись!

Она позвонила и приказала слугѣ велѣть заложить кабріолетъ, — но прежде сыскать и позвать мадемуазель съ дѣтьми въ паркѣ.

Когда часъ тому назадъ Ульрихъ уѣзжалъ со двора, она сказала ему о своемъ предполагаемомъ, сегодня послѣ обѣда, визитѣ къ матери, которая два дня какъ уже возвратилась изъ Берлина и убѣдительно просила ее прибыть къ ней; не желалъ-ли бы онъ поѣхать вмѣстѣ съ нею? Что у него сегодня нѣтъ времени, что онъ потомъ вѣроятно долженъ ѣхать въ городъ, чтобы переговорить съ адвокатомъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ — все это было одною только отговоркой. Онъ хотѣлъ избавиться отъ нея, захотѣлъ снова быть одинокимъ и свободнымъ. Ну, пускай онъ!...

На верандѣ — на задней сторонѣ дома — она встрѣтила мадемуазель Дидье и дѣтей, которыя уже возвращались изъ сада. Мадемуазель жаловалась на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ на Эллу и Лили, которыя никакъ не хотѣли быть sages и gentilles.

— Такъ вы останетесь дома, и только Елена поѣдетъ съ мною къ бабушкѣ, — сказала Герта строго; а когда обѣ малѣнькія дѣвочки начали плакать, она сильно напустилась на нихъ, говоря: каждый человѣкъ долженъ исполнять свой долгъ, и что долгъ дѣтей — вести себя благопристойно и слушаться старшихъ. Онѣ не были такими и поэтому заслужили свое наказаніе.

— А теперь, мадемуазель, уберите Елену! Она можетъ надѣть красное платье. Чрезъ десять минутъ подъѣдетъ экипажъ.

— Мамочка! — печальнымъ взглядомъ просилаЕлена за плачущихъ сестеръ.

— Смирно! — сказала строго Герта.

Гувернантка и дѣти удалились; Герта мрачно посмотрѣла вслѣдъ имъ.

— О, какъ я огорчена, какъ я огорчена! — прошептала она.

Глава третья.

Сверхъ ожиданія, Элеонора нашла положеніе дѣла въ Зеегаузенѣ довольно пріятнымъ. Имѣніе оправдывало свое названіе. Расположенный непосредственно на западномъ берегу длиннаго озера, его большой садъ доходилъ вплоть до самой воды. На обширномъ пространствѣ группы высокоствольныхъ старыхъ деревъ пріятно чередовались съ тѣнистой рощицей и съ украшенными цвѣточными грядами лужайками. Великолѣпная каменная террасса была устроена надъ самымъ озеромъ. Задняя сторона двухъэтажнаго жилого дома, изъ средины котораго возвышался высокій фронтонъ, обращена была къ водѣ. Такимъ образомъ Элеонора, которая здѣсь жила, изъ оконъ имѣла великолѣпный видъ на большую

часть сада и всю ширину озера до противолежащаго берега, почти заросшаго высокоствольнымъ лѣсомъ. Домъ, твореніе прадѣдушки генеральши, совнѣ и извнутри былъ устроенъ въ стилѣ средины прошлаго столѣтія, и генеральша не преминула обратить вниманіе Элеоноры на высѣченный на камнѣ гербъ съ тремя лиліями надъ главнымъ порталомъ. Что домъ, дворъ и вообще все имѣніе принадлежало ея первому супругу, гражданину Нимаму, а нынѣ принадлежало бы ея дочери Гертѣ, если бы онъ не назначилъ ее универсальною наслѣдницею, — объ этомъ не было упомянуто при этомъ случаѣ. Напротивъ, она элегически жаловалась на разрушеніе старой обстановки, для оцѣнки которой ея супругъ — она разумѣла всегда генерала — къ сожалѣнію, не имѣлъ никакого вкуса, какъ это доказываетъ и устроенная имъ городская квартира. Ему ничего не стоило продать драгоцѣнныя вещи за баснословно дешевую цѣну или же обмѣнять на модныя, лишенныя вкуса вещи. — Это онъ дѣлалъ изъ нужды, — съ усмѣшкою объясняла Клементина Элеонорѣ слова матери.

Обѣ подруги согласились сохранять заключенный союзъ въ строгой тайнѣ, — рѣшеніе, къ которому вынуждало благоразуміе. Мать не поняла бы и во всякомъ случаѣ не простила бы этого предпочтенія, оказываемаго ея дочери, которую она вообще считала въ своей семьѣ жалкимъ, ненужнымъ существомъ. Такъ онѣ

встрѣчались въ присутствіи другихъ съ спокойной вѣжливостью и вознаграждали себя за это лишеніе разговоромъ по цѣлымъ часамъ вечеромъ, передъ тѣмъ какъ идти спать. Клементина съумѣла такъ устроить, что ей дали собственную комнату во второмъ этажѣ, рядомъ съ жилой и спальной комнатой Элеоноры. Китти спала внизу при матери.

Генеральша осыпала Элеонору любезностями. Она часто ея просила высказывать ей всякое желаніе, какое когда-либо она имѣла-бы; и что для нея было-бы радотсью испольнить его. За это она просила только себѣ позволеніе называть ее просто однимъ именемъ. Она говорила, что имя „Элеонора“ такъ красиво — и эпитеты „милая, моя дорогая“ такъ и не сходили съ ея устъ. О подчиненности тутъ не было и рѣчи. Даже самый уважаемый и желанный гость не могъ-бы быть принимаемъ съ такою внимательною предупредительностью. Обученіе англійскому языку, который Элеонора должна была преподавать Китти, и въ которомъ даже сама генеральша хотѣла принять участіе, она считала съ ея стороны просто одолженіемъ. А между тѣмъ эти уроки еще не начинались. Въ саду и въ домѣ было что показать и посмотрѣть. Генеральша полагала, что сперва должно еще хорошенько познакомиться другъ съ другомъ. Того же мнѣнія была и Китти, которая всегда держалась одного мнѣнія съ матерью, — вплоть до того

времени, когда онѣ бранились, — какъ объясняла Клементина съ премилою, злостною усмѣшкою, что всякій разъ заставляла Элеонору смѣяться.

Такимъ образомъ все видимо клонилось къ тому, чтобы даровать ей душевное спокойствіе, о которомъ она однажды молила небо. И дѣйствительно, среди такой роскошной обстановки, среди такой аристократической тишины, которая никогда ни однимъ звукомъ не нарушалась со стороны далеко внутрь расположеннаго хозяйственнаго двора, на этихъ ровно прочищенныхъ парковыхъ дорожкахъ подъ величественными деревьями — она могла бы иной разъ считать себя перенесенною въ дни ея дѣтства — въ тишину герцогскаго увеселительнаго замка. Но затѣмъ ей стоило только посмотрѣть съ террассы внизъ на озеро, гдѣ, какъ она теперь знала, онъ жилъ, и котораго она не сегодня-завтра должна была увидать, она всего лучше убѣжала бы изъ этого рая, какъ тогда изъ Нордернея. Однако, это было побужденіе, которому она не могла поддаться; да, она сказала себѣ, что уже то первое бѣгство было актомъ трусости и глупости. Рана, которая нанесена копьемъ, только копьемъ и можетъ быть исцѣлена. Письмо, которое она ему написала на прощаніе, не могло замѣнить живое слово. Что ему было пользы оттого? Вмѣсто того, чтобы воротиться домой, онъ по цѣлымъ недѣлямъ, поддерживая рану, блуждалъ по бѣлому свѣту. Это могло быть. Она была

потомъ даже благодарна ему, что она въ тѣ первые дни напрасно ломала руки при ужасной мысли, что теперь его супруга цѣлуетъ его въ уста, въ которыя она его цѣловала. Но наконецъ-то онъ препобѣдилъ себя. Онъ возвратился, и навѣрное только послѣ тяжелыхъ душевныхъ мученій. И эти мученія еще продолжаются. Тутъ она хотѣла бы ему помочь, хотѣла ему сказать: это должно было случиться; я не сержусь на тебя; я даже благодарна тебѣ.

Такимъ образомъ она пыталась, согласно ея девизу, вдумываться въ настоящее и при этомъ ту принужденность, которую она должна была возложить на себя въ отношеніи къ окружающимъ, она ощущала, какъ благодѣяніе. Отъ спокойной веселости, которую она носила на показъ, упалъ какъ бы отблескъ въ ея душу. Она не выбирала себѣ роли, которую она теперь обязана была разыгрывать; послѣ того какъ судьба разъ назначила ей, она хотѣла выполнить ее съ достоинствомъ. Ей слѣдовало твердо стоять въ своей роли, если она, не выдавая себя, должна была показаться его супругѣ сегодня, послѣ обѣда.

Генеральша рѣшительно ждала къ себѣ Герту.

— Я поклялась бы на томъ, что мама имѣетъ до нея какую-нибудь просьбу, — сказала Элеонорѣ Клементина, когда онѣ одѣвались въ своихъ комнатахъ къ предстоящему визиту. Въ иныхъ

случаяхъ обѣ дамы очень хорошо обходятся другъ безъ друга.

— Ты не любишь свою старшую сестру?

— У меня для этого нѣтъ особенной причины. То есть, она мнѣ ничего не сдѣлала, ни худого, ни хорошаго.

— Умна она?

— Да и нѣтъ. Во всемъ, что касается жизни, она замѣчательно свѣдуща, дѣйствительно, какъ настоящій мужчина. Очень вѣрно она судитъ и о мужчинахъ, если они принадлежатъ къ разряду среднихъ людей. Тебя она не поняла бы.

— Натурально! Кто бы это могъ?

— Я это скажу тебѣ: ея мужъ — Ульрихъ. Онъ понялъ-бы тебя.

— Разумѣется, кого не понялъ-бы твой идолъ?

— А я все-таки остаюсь при этомъ: онъ понялъ-бы тебя. И ты его, много, много лучше, чѣмъ Герта. Ему такъ много приходитъ въ голову — великаго, прекраснаго. Она — о, Боже, она не глупа, — конечно нѣтъ! — но ея мысли не его мысли. Такъ они и живутъ другъ подлѣ друга, и я думаю, что и до сихъ поръ они не стали ближе другъ къ другу, какъ и съ самаго начала. А потомъ, видишь ли ты, онъ такъ много учился: философіи, исторіи, литературѣ и языкамъ. Герта собственно знаетъ очень мало — и не по ея винѣ. Мама никогда не думала объ ней, никогда не держала для нея

порядочныхъ учителей; а когда она снова вышла замужъ, то не взяла ее съ собою въ Берлинъ, а отдала въ одинъ жалкій пенсіонъ здѣсь, въ нашемъ городишкѣ, гдѣ извѣстно дѣвушки ничему не учатся. Даже ту малость французскаго языка, что она вынесла изъ пансіона, она по большей части забыла, а объ англійскомъ или даже итальянскомъ нечего и говорить. Да, если-бы она такъ много знала, какъ ты! Да и вообще: ты и Ульрихъ — вы оба созданы какъ будто другъ для друга... Почему ты смѣешься?

Смѣхъ Элеоноры не былъ настоящимъ, искреннимъ смѣхомъ; онъ только долженъ былъ скрыть ея возбужденіе.

— Какъ мнѣ не смѣяться, — воскликнула она, если я недавно была идеаломъ графа Венделина, а нынѣ оказываюсь какъ бы созданною для твоего дорогого зятюшки.

— Пожалуйста! — съ горячностью отвѣтила Клементина; — я не говорила, что ты какъ-бы создана для графа, а только, что онъ сейчасъ-же-бы женился на тебѣ. Это я утверждаю и теперь. Даже иду дальше и говорю, что всякій мужчина, если только онъ богатый человѣкъ, долженъ влюбиться въ тебя.

— Чѣмъ ты докажешь въ одно время и то, что ты полная дурочка!

— Дѣти и глупцы говорятъ истину.

— Только субъективную, а не объективную.

— Я не понимаю этого. Что это значитъ?

— Я объясню тебѣ это въ другой разъ. А красива твоя сестра?

— Сегодня-же ты увидишь ее.

— Ничего. Я могла-бы потомъ судить, насколько вѣрно ты можешь видѣть.

— Я не знаю, почему я, глупая дѣвушка, должна дѣлать все, что ты требуешь.

— Если только ты это дѣлаешь. И такъ?

— Она не красива, даже и не миловидна, по меньшей мѣрѣ — не въ моемъ вкусѣ. Но въ ней есть что-то пикантное, привлекательное въ выраженіи лица, что такъ нравится мужчинамъ. И не только мужчинамъ; она очень любима и женщинами. Самое красивѣйшее въ ней — это ея стройная фигура, по которой она даже нѣсколько походитъ на тебя, съ тою только разницею, что твоя такъ гибка и эластична, какъ прутъ. А ея не такова. Въ ней есть что-то — я не хочу сказать: жесткое, но негибкое — никакого проворства, ловкости въ обращеніи. И я думаю, она чувствуетъ это и это заставляетъ ее часто казаться совсѣмъ другою, чѣмъ какова она въ дѣйствительности: скрытною, даже холодною, между тѣмъ какъ она ко всѣмъ людямъ благожелательна и въ тиши дѣлаетъ безконечно много добраго.

— Слѣдовательно, тоже — въ своемъ родѣ — нѣмая неба, — задумавшись сказала Элеонора.

— А это опять что значитъ?

— Это слово Жанъ-Поля. Такъ называетъ онъ людей, которымъ Богъ не далъ возможности сказать, отъ чего они страдаютъ; да, они даже не находятъ во время для ихъ родостей настоящаго выраженія.

— Прекрасное слово.

— Превосходное. По моему мнѣнію, не менѣе потому красиво, потому-что она такъ невыразимо печально.

Нѣжное лицо Клементины сдѣлалось очень серьезнымъ.

— Безмолвіе неба, — сказала она тихо про себя; Безмолвіе неба! Да, конечно. Я такая-же нѣмая, безмолвная. Развѣ нѣтъ?

— Можетъ быть.

— А ты? Ты не такая?

Элеонора уклонилась отъ отвѣта. Иванъ постучалъ въ дверь, чтобы доложить, что барыня проситъ обѣихъ фрейлейнъ къ себѣ, и что г-жа баронесса съ полчаса какъ уже у нея — на террасѣ у озера.

Съ сегодняшняго утра Элеонора подготовляла себя къ этой минутѣ; и все-таки у ней забилось теперь сердце чуть не до разрыва.

Она должна была показаться предъ той, которой она причинила самое худшее, что только можетъ одна женщина другой — у которой она похитило сердце ея мужа. Она изо всѣхъ силъ старалась возвратить ей назадъ похищенное; но совершившагося нельзя было воротить.

Никогда прежде не думала она, что такъ глубоко почувствуетъ это.

Подойдя къ зеркалу, чтобы на ходу немножко поправить прическу, она испугалась своей блѣдноты.

— Настоящій видъ несчастной грѣшницы, — пробормотала она.

Клементина, которая проскользнула въ свою комнату рядомъ, теперь опять вошла и бросила на нее испытующій врядъ.

— Я хотѣла съ тобою щегольски нарядиться; но у тебя нѣтъ собственно „beau jour.“

— Это оттого, — начала было Элеонора съ странною улыбкою.

— Отчего?

Но Элеонора не отвѣтила.

Глава четвертая.

Генеральша отослала въ домъ Клементину и Элеонору подъ предлогомъ, что онѣ, въ виду предстоящаго визита, должны были одѣться какъ можно лучше. Ей хотѣлось хоть на полчаса остаться одной съ Гертою. По счастливой случайности Герта привела съ собою Елену. Такимъ образомъ она могла освободиться и отъ Китти, которая была при ней. Елена такъ

любила цвѣты, а Китти могла бы любезно помочь ей нарвать хорошенькій букетъ.

Дамы сидѣли на легкихъ стульяхъ, въ густой тѣни высокихъ платановъ, подъ покровомъ шатра, которымъ обтянута была часть террассы. Генеральша освѣдомилась, какъ слѣдуетъ, объ Ульрихѣ, его здоровіи, которое, навѣрное, теперь — по ея мнѣнію, могло быть лучшимъ; о здоровіи обоихъ другихъ дѣтей, прибытію которыхъ онѣ такъ напрасно радовались; о положеніи хозяйства, которое натурально не оставляетъ ничего желать лучшаго. Отвѣты Герты были еще сдержаннѣе, чѣмъ обыкновенно, а ея на половину разсѣянный, на половину мрачный видъ и совсѣмъ не нравился генеральшѣ. Съ дурно настроенными людьми ничего нельзя начать, въ особенности, если отъ нихъ желаютъ что-либо получить. Но нельзя было терять времени: Клементина и Элеонора могли придти каждую минуту; и Китти не все-же бы рвала цвѣты для дѣвочки, а Герта, не смотря на упрашиванія, не желала раздѣваться, слѣдовательно, едва-ли осталась-бы на долго.

— Какъ справляешься ты съ новой компанькой? — спросила Герта, прерывая короткую паузу, происшедшую въ разговорѣ.

Генеральшѣ мелькнуло въ головѣ, что она и съ этого пункта можетъ придти къ своей желанной темѣ.

— Милое дитя, — отвѣтила она, — спроси меня

объ этомъ спустя четыре недѣли! пока я видѣла только одну сторону медали, да и ту очень бѣгло.

— Какъ ее зовутъ?

— Элеонорой Риттеръ. Короче я зову ее Элеонорой. Необходимо быть предупредительной къ людямъ, если хочешь ихъ приручить къ себѣ; ты знаешь, я не могу иначе жить съ людьми. Въ данномъ случаѣ — я совершенно откровенно сознаюсь въ этомъ — авансы, которые я, можетъ быть нѣсколько преувеличенно дѣлаю этой дѣвушкѣ, не безъ задней мысли, которую можно бы назвать эгоистическою, если то, что мать дѣлаетъ для своей дочери, можетъ вообще подходить подъ эту рубрику.

— Такъ ты, вѣроятно, ангажировала ее главнымъ образомъ для Клементины?

Генеральша внутренно удивилась такому нелѣпому вопросу, однако отвѣтила, не думая:

— Ну, да! также и для Клементины, чтобы подвинуть ее въ ея англійскомъ языкѣ, вѣдь это ея любимый конекъ. А фрейлейнъ Риттеръ — совершенная англичанка. И неудивительно, послѣ того какъ она четыре года была „en suite“ компанькою въ домѣ лорда! И Китти теперь вдругъ также возымѣла страсть къ англійскому языку. Ты знаешь почему?

— И не подозрѣваю.

— Она влюблена въ графа Гвидона.

— Неужели?

— Страстно. Но вѣдь это не новость для тебя.

— До сихъ поръ я знала только, что ты хочешь ее выдать за него.

— Это мое давнишнее желаніе; я не отрицаю этого. Но одно не исключаетъ другого.

— Конечно, нѣтъ. Но мнѣ кажется, главное дѣло тутъ въ томъ, какъ самъ графъ относится къ этому проэкту.

— Въ томъ-то и дѣло, — воскликнула генеральша, которая уже рѣшилась не пугаться болѣе, чѣмъ холоднымъ тономъ Герты. Но вѣдь ты знаешь его: онъ такой застѣнчивый, нерѣшительный и непослѣдовательный. А теперь опять: онъ знаетъ, что мы въ Берлинѣ. Черезъ сутки онъ тоже тамъ — и, конечно, только ради Китти, чтобы менѣе замѣтно имѣть сношенія съ нею, чѣмъ здѣсь, въ деревнѣ, гдѣ каждый подсматриваетъ другъ за другомъ. Потомъ проходятъ еще восемь дней, пока онъ не отважился — ты будешь смѣяться — попросить ея превосходительство, свою тетушку, пригласить насъ всѣхъ къ себѣ. На этотъ вечеръ Китти, самопонятно, вела себя очень сдержанно; а онъ — огонь и пламя. На слѣдующее утро мы ѣдемъ сюда, я — въ твердомъ убѣжденіи, что онъ послѣдуетъ за нами. Но что онъ дѣлаетъ? Онъ ѣдетъ въ Ганноверъ къ своему старому сводному дядюшкѣ, которому опять захотѣлось умереть! Какъ находишь ты это?

Герта пожала плечами.

— Но, мама̀, вѣдь нельзя-же никого принудить къ супружеству, разъ къ этому нѣтъ никакой охоты.

Генеральшѣ крайне хотѣлось бы въ эту минуту, что-бы Герта была моложе на двадцать лѣтъ, чтобы имѣть возможность дать ей нѣсколько пощечинъ за ея „лягушечье хладнокровіе“. Но вмѣсто этого она сказала затѣмъ съ непринужденною миною:

— Что говоришь ты, моя милая! Кто говоритъ о принужденіи! Ободрять кого-нибудь не значитъ еще принуждать! Если у него — конечно, ради только его матери, къ которой онъ всегда былъ привязанъ — не хватаетъ смѣлости, то нужно именно ободрить его. Больше я ничего не скажу.

— А фрейлейнъ Риттеръ стоитъ въ связи съ твоимъ проэктомъ? — спросила Герта.

Генеральша изумилась: она не ожидала отъ Герты столько проницательности. Но вопросъ пришелся ей очень кстати.

— Во всякомъ случаѣ — въ нѣсколько отдаленной, — смѣясь, отвѣтила она. — Вообрази себѣ: въ полдень я ангажировала ее, потому что она показалась мнѣ довольно хорошею, а главное, что-бы избавиться, наконецъ, отъ мучительнаго выбора. Вечеромъ у ея превосходительства — нашей старой пріятельницы — я разсказываю объ этомъ и называю фамилію. Я замѣчаю, какъ

графъ прислушивается при этомъ имени, и спрашиваю его, не знаетъ-ли онъ случайно эту даму? Онъ краснѣетъ — что бываетъ у него вѣдь не рѣдко: — да! онъ познакомился съ нею, когда, четыре недѣли тому назадъ, ѣхалъ изъ Ганновера въ Берлинъ. Онъ признался, что эта дама понравилась ему своимъ скромнымъ, но вмѣстѣ и важнымъ поведеніемъ, своимъ умомъ и еще Богъ знаетъ чѣмъ, — мнѣ кажется, онъ даже сказалъ: особенно понравилась ему, — и поздравлялъ меня съ такимъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Ты видишь: если-бы я не ангажировала ее прежде, то я должна была-бы это сдѣлать теперь.

— Натурально, — сказала Герта, — во всякомъ случаѣ въ твоемъ домѣ, постоянно на твоихъ глазахъ, она менѣе опасна для Китти, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

— Но, дитя, дитя! — воскликнула генеральша. — Не обижайся на меня: сегодня ты совсѣмъ непостижима. Графъ Гвидонъ и — гувернантка!!..

— А почему-бы и нѣтъ? — возражала Герта. Это уже бывало. Бѣднѣе, чѣмъ я была, она также не можетъ быть. И я не знаю, лучше-ли звучитъ Герта Нимань, чѣмъ Элеонора Риттеръ. Училась-же она, во всякомъ случаѣ, гораздо больше меня.

Здѣсь генеральша, казалось, сочла благовременнымъ немножко и болѣзненно — тихо всклипнуть и приложить къ глазамъ свой платокъ.

— Я не желала тебѣ сказать ничего ху-

даго, — заговорила Герта послѣ короткой паузы. Мнѣ сегодня не совсѣмъ здоровится. А жара дорогою еще больше утомила меня. Будетъ лучше, если я поѣду домой.

— Ради Бога, — воскликнула генеральша, положивъ руку на плечо Гертѣ, которая хотѣла подняться съ мѣста, — не прежде, пока я не сообщила бы тебѣ моей просьбы!

— Что такое?

— Какъ мнѣ сказать это, если ты такъ мало любезна къ твоей матери, которая такъ много печется о васъ? Теперь о Китти. Это вѣдь ея и мое сердечное желаніе, чтобы она вышла за Гвидона, и ты права: это дѣло протянется еще на до́лго. Но это было-бы ужасно, если бы изъ этого ничего не вышло; это убило-бы бѣдную Китти. А ты, вѣдь, Герта, знаешь мои жалкія экономическія обстоятельства лучше, чѣмъ кто-либо другой. О Клементинѣ, разумѣется, не можетъ быть рѣчи. Китти моя единственная, моя послѣдняя надежда. Она должна сдѣлать богатую партію. Болѣе богатую, чѣмъ эта, она едва-ли когда найдетъ, — и такую, за которую, вообще всѣ шансы складываются такъ благопріятно. И вотъ, въ моей материнской заботливости и тревогѣ я подумала: Гвидонъ весьма высокаго мнѣнія о тебѣ и твоемъ мужѣ. Это онъ самъ мнѣ говорилъ тысячу разъ. Что, если-бы вы только немножко пожелали быть посредниками въ этомъ дѣлѣ!

Я убѣждена, онъ сдѣлаетъ это, если вы уговорите его и покажете ему все въ возможно бла-гопріятнѣйшемъ свѣтѣ. Но вы должны-бы это сдѣлать скорѣе. Осенью Гвидону стукнетъ уже двадцать восемь лѣтъ — время, когда мужчины обыкновенно устроиваются. Я благодарю Бо-га, что въ этомъ году онъ возвратился изъ Англіи еще свободнымъ, не связаннымъ узами Гименея. Я знала, что онъ тамъ близко познакомился съ одною знатною и богатою молодою дамою. Кто знаетъ, что случится на будущій разъ! Я не прежде успокоюсь, пока не розосланы будутъ обручальныя карты. Не правда-ли, Герта, ты сдѣлаешь все остальное для бѣдной Китти и твоей старой матери?

— Я такая неискусная въ такихъ дѣлахъ, — уклончиво сказала Герта.

— Такъ поговори, по крайней мѣрѣ, съ твоимъ мужемъ!

— Онъ возвратился изъ путешествія такимъ разстроеннымъ и безучастнымъ ко всему. Проходятъ дни, когда мы даже и пяти словъ не скажемъ другъ другу.

Генеральша прислушалась: стало быть разомолвка! подумала она. Въ другое время она-бы ничего не имѣла противъ этого: въ мутной водѣ несчастнаго супружества лучше ловить рыбу, чѣмъ въ чистой водѣ гармоническаго брака; но въ данную минуту это обезпокоило ее.

— Ахъ, вотъ что! — проговорила она. — Муж-

чины капризны; сегодня такъ, завтра иначе; тутъ ничего не подѣлаешь. И возвратиться разстроеннымъ съ морскихъ купаній — это вѣдь совсѣмъ невозможно. Я всегда отлично проводила время въ Остендэ и Шевенингенѣ. Конечно, Нордерней можетъ быть нѣсколько и поскучнѣе, какъ думаетъ и фрейлейнъ Риттеръ.

— Она была въ Нордернеѣ?

— Этимъ лѣтомъ, въ то-же самое время, какъ и твой супругъ — по моему разсчету. Впрочемъ, ты и сама ее можешь спросить. Я не знаю, гдѣ дѣвушки. Ахъ! вотъ онѣ!

Элеонора и Клементина только что вышли изъ дома и шли чрезъ цвѣтникъ по направленію къ террассѣ, по дорогѣ остановленныя Еленою, которая съ Китти все еще шалила между грядами, а теперь побѣжала на-встрѣчу къ теткѣ Клементинѣ. Онѣ говорили съ дѣвочкою, которая подала имъ нарванныхъ цвѣтовъ, за что Клементина наградила ее поцѣлуемъ. А потомъ и Элеонора также нагнулась и поцѣловала ее.

— Какъ нравится она тебѣ? — спросила генеральша съ лорнетомъ на глазахъ.

— Мнѣ кажется, она очень красива, — отвѣчала Герта.

— Ты находишь это? Ну да, она не дурна, — прибавила генеральша самодовольно. — Некрасивую, знаешь ли, я и не взяла бы себѣ. — Ну, сударыни, вы заставили насъ долго

ждать! Могу я познакомить тебя, милая Герта, съ фрейлейнъ Элеонорой Риттеръ?

— Я рада познакомиться съ вами, фрейлейнъ, — сказала она. — Это — моя Елена; она уже привѣтствовала васъ. У меня еще дома двѣ въ такомъ же родѣ. Можетъ быть, вы взглянете и на нихъ когда-нибудь.

— Какъ только это позволитъ мнѣ г. генеральша, — отвѣтила Элеонора.

— Разумѣется! — воскликнула генеральша. — На этихъ дняхъ мы прибудемъ къ вамъ всѣ вмѣстѣ. А теперь, Герта, ты останешься здѣсь и выпьешь съ нами одну чашку чаю, безъ церемоній, здѣсь — на этой террассѣ. Я сейчасъ же прикажу.

— Не могу ли я сдѣлать этого, сударыня? — спросила Элеонора.

— Благодарю васъ, милая Элеонора; объ этомъ могла бы позаботиться и Клементина. Я и безъ того должна сходить въ домъ. Какъ это мило съ твоей стороны!

Она поцѣловала въ лобъ Герту, которая теперь сняла свою шляпу, и удалилась.

— А между тѣмъ фрейлейнъ Риттеръ покажетъ намъ свои акварели, — сказала Китти. Пожалуйста, пожалуйста, милая Элеонора!

Еще предъ обѣдомъ Элеонора начала съ террассы эскизъ озера и противолежащаго берега, и принадлежности рисованія и самый портфейль положила въ маленькій домикъ въ одномъ изъ

заднихъ угловъ террассы. Изъ числа немногихъ эскизовъ случайно въ портфейлѣ находился одинъ, который она, за исключеніемъ обоихъ, отосланныхъ ею въ послѣднее утро Ульриху, нарисовала въ Нордернеѣ.

— Я не знаю, интересуется ли этимъ милостовая сударыня, — не-увѣренно проговорила она.

— Я имѣю даже пристрастіе къ акварели, — отвѣтила Герта, если кто-нибудь, кто въ своей жизни такъ мало видѣлъ искусства, какъ я напр., можетъ еще говорить о пристрастіи.

Китти, не дожидаясь позволенія, принесла портфейль, листы котораго разложены были теперь на столѣ. На каждомъ листѣ внизу, въ углу, черною тушью и яснымъ почеркомъ Элеоноры стояла подпись названія предмета и число. Случилось, какъ она съ біеніемъ сердца и предвидѣла.

— И такъ, это — Нордерней, — спросила Герта, держа въ рукахъ одинъ изъ листковъ.

— Рейдъ на южной сторонѣ и часть деревни, — отвѣтила Элеонора, которая желала бы быть за тысячу миль отъ этого мѣста.

— Мама уже сказала мнѣ, что вы этимъ лѣтомъ были тамъ — и, какъ это я вижу изъ выставленнаго числа — въ одно время съ моимъ мужемъ. Вы не случайно познакомились съ нимъ?

— Я была тамъ такое короткое время сударыня, едва четырнадцать дней.

— Но, можетъ быть, видѣли его?

— Весьма возможно, сударыня.

— И опять узнаете его по этому портрету. Онъ еще очень схожъ, хотя ему уже двѣнадцать лѣтъ.

Она взяла съ своей груди медальонъ, который она носила на золотой цѣпочкѣ вокругъ шеи, и подала его Элеонорѣ вмѣстѣ съ цѣпочкою, которую она сняла черезъ голову. Это былъ превосходный, маленькій грудной портретъ. Тѣже самые глаза, въ которые она такъ нѣжно глядѣла, и которые такъ часто покоились на ней — съ выраженіемъ искреннѣйшей любви! Медальонъ, который она держала въ холодныхъ, дрожащихъ рукахъ, былъ еще теплый отъ теплоты сердца, на которомъ онъ покоился — сердца его супруги! Она чувствовала себя близкою къ обмороку.

— Я все-таки не вспомню, сударыня, — сказала она.

— Ну, конечно, — отвѣчала Герта, принимая обратно медальонъ; — я представляю себѣ такой курортъ, подобно ярмаркѣ, гдѣ все безпорядочно двигается и тѣснится, не зная себя.

Она опять взяла въ руки листокъ.

— Безутѣшно! — пробормотала она. — Я не выдержала бы тамъ ни одного часу. А мой мужъ пробылъ тамъ свыше четырехъ недѣль. Но это не принесло ему ровно никакой пользы.

— Развѣ Ульриху не здоровится? — робко спросила Элеонора.

— Ничуть, — отвѣтила Герта; его едва можно узнать. И при этомъ я еще тогда уговаривала его отправиться и пробыть тамъ дольше, тогда какъ каждый день былъ отравой для него.

— Папа даже не можетъ болѣе терпѣть насъ, — сказала Элеонорѣ маленькая Елена, къ колѣнямъ которой она прислонилась.

— Онъ; конечно, можетъ васъ терпѣть, если вы послушны, — отвѣтила Элеонора, приглаживая дѣвочкѣ темные сбившіеся волоса съ ея нѣжнаго льба.

— Я люблю тебя гораздо больше, чѣмъ мадемуазель, — прошептала дѣвочка, прижимаясь къ ней все тѣснѣе и задумчиво поглядывая на нее своими глубоко-голубыми глазенками.

Дрожь охватила Элеонору: ей казалось, она смотритъ въ глаза Ульриха.

— Прошу васъ! — сказала генеральша, входя на веранду. Чѣмъ проще, тѣмъ лучше! Вотъ все, что имѣю. Подъ палаткою еще такъ душно. Я приказала накрыть совсѣмъ подъ открытымъ небомъ. Вѣдь это хорошо вамъ?

— Все хорошо, что ты дѣлаешь, милая мамочка, — воскликнула Китти, обнимая мать.

— Если бы, однако, всѣ такъ думали, мое дорогое дитя! — сказала генеральша.

Вечеръ былъ прелестный. Отъ стола, который плотно придвинутъ былъ къ перилам тер-

рассы, представлялся открытый видъ на озеро до противоположнаго берега, лѣса котораго горѣли въ послѣдней вечерней зарѣ. Подъ безоблачнымъ небомъ водная поверхность казалась, какъ бы металлическимъ зеркаломъ. Со стороны городка, который, по своему расположенію на южномъ концѣ озера, былъ скрытъ отъ взоровъ дачниковъ, направлялась цѣлая маленькая флотилія гребныхъ судовъ, съ которыхъ по временамъ доносился глухой смѣхъ. Когда какое-либо изъ нихъ подходило нѣсколько поближе, то можно было также слышать и разговоры людей. Крошечный буксирный параходикъ съ нѣсколькими большими, нагруженными зерномъ, лодками позади себя, шелъ пыхтя отъ одного изъ расположенныхъ на сѣверномъ концѣ имѣній по направленію къ городку. Поднятыя имъ маленькія волны тихо плескались внизу о стѣну террассы. Такъ какъ солнце уже скрылось за домомъ, то всѣ сидѣли въ полной тѣни, между тѣмъ какъ пурпуровые лучи еще играли на верхушкахъ величественныхъ платановъ, въ которыхъ птички, щебеча и чирикая, начинали свою вечернюю жизнь.

Генеральша, которая была въ хорошемъ настроеніи духа, почти одна поддерживала разговоръ. Она дала подробное описаніе обоихъ придворныхъ баловъ, въ которыхъ она участвовала зимою, и на которыхъ Китти въ первый разъ была представлена высочайшимъ особамъ.

Свою рѣчь она, по большей части, направляла къ Гертѣ, которая давала лишь односложные отвѣты и только тогда лишь оживилась, когда мать, желая перемѣнить тему разговора, начала говорить о сельскихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ округа, о которыхъ она распространялась теперь съ основательностью и, повидимому, съ интимнымъ знаніемъ всѣхъ относящихся сюда частностей, которыя сдѣлали-бы честь и самому опытнѣйшему сельскому хозяину. Элеонора не имѣла ни малѣйшаго интереса къ этимъ вещамъ, но она должна была придать себѣ видъ внимательной слушательницы, такъ какъ Герта теперь исключительно обращалась къ ней, какъ прежде генеральша къ той.

При этомъ она слушала и смотрѣла на все вокругъ себя, какъ-бы въ смутномъ, безпокойномъ снѣ, изъ котораго тщетно стараешься проснуться. Вѣдь четыре дня тому назадъ, когда она отправилась къ дамѣ, которая „искала себѣ компаньонку“, она и не подозрѣвала о томъ, что предстояло ей, а теперь это все-таки случилось, какъ будто она съ намѣреніемъ отыскала для себя это опасное положеніе. Если бы эта женщина, сидящая здѣсь напротивъ нея, которая такъ ласково говорила съ нею, знала бы то, что̀ она причинила ей, — она разорвала бы скатерть между собою и ею! Если бы кто-нибудь сказалъ ея дѣвочкѣ при ней: вотъ — та, которая довела до болѣзни твоего отца, ради которой

онъ не любитъ болѣе ни тебя, ни твоихъ сестеръ, — она уже не стала бы болѣе прижиматься къ ней, но съ ужасомъ отвернулась бы отъ нея.

Снова она должна была украдкою взглянуть на прелестную дѣвочку, равной которой она не видѣла даже въ Англіи, странѣ красивыхъ дѣтей. Съ женою она могла бы еще спорить за его любовь, но эта беззащитная невинность обезоруживала ее.

Въ лѣсахъ по ту сторону уже погасла вечерняя заря; только въ деревенскомъ трактирѣ, лежащемъ на той сторонѣ напротивъ, нѣсколько наискосокъ, на окраинѣ берега, свѣтилось еще одно окно, какъ маячный огонь; теперь и онъ погасъ. На верхушкахъ платановъ начало тихо шелестѣть въ прохладномъ вѣтеркѣ, который дулъ съ озера.

— Мы уже засидѣлись, и намъ пора собираться, — сказала Герта, поднимаясь отъ стола; намъ часъ съ небольшимъ ѣзды; вѣдь стемнѣетъ, прежде чѣмъ мы прибудемъ домой.

Всѣ поднялись и нѣкоторое время стояли и говорили безъ всякаго порядка.

— И такъ рѣшено, на этихъ дняхъ мы навѣстимъ васъ, — сказала генеральша.

— Я съ увѣренностью разсчитываю на то, что вы пріѣдете вмѣстѣ съ другими, — сказала Герта, обращаясь къ Элеонорѣ.

— Ахъ, да, тетя Элеонора! — вскричала Еле-

на, протягивая руки къ ней и подставляя свои губки къ поцѣлую.

Она наклонилась и поцѣловала милую дѣвочку. Когда она поднялась, на глазахъ ея были слезы и ея голосъ дрожалъ, когда она отвѣтила Гертѣ:

— Я съ удовольствіемъ пріѣду, сударыня.

Теперь всѣ пошли чрезъ садъ и домъ, предъ главнымъ входомъ котораго ихъ поджидала карета. Герта и ея дѣвочка уже усѣлись въ карету, какъ Герта сказала:

— Ни у кого нѣтъ желанія проѣхаться съ нами? Мѣста довольно.

— Я устала, моя милая, — отвѣтила генеральша.

— Я тоже благодарю, — сказала Китти.

Клементина и Элеонора переглянулись между собою.

— Вамъ обѣимъ хочется, я уже вижу это — сказала Герта. Клементина, какъ худенькая, сядетъ съ Еленой на заднее мѣсто; фрейлейнъ Элеонора сядетъ со мною рядомъ. Шляпокъ и платковъ вамъ не нужно. Вечеръ такой теплый, и насъ никто не встрѣтитъ. Вотъ такъ хорошо! Прощайте мама! прощай Китти! До свиданія!

Генеральша и Китти все еще стояли у главнаго входа.

— Знаешь ты, моя милочка, — сказала генеральша, глядя въ слѣдъ по тому направленію, въ какомъ исчезла карета. — Это — опасная личность.

— Я только не хотѣла этого сказать, пока моя умная мамочка сама не открыла бы этого — отвѣчала Китти.

Глава пятая.

Почти въ то-же самое время, когда Герта пріѣхала въ Зеегаузенъ, Ульрихъ слѣзъ съ лошади предъ гостинницею „Къ тремъ щукамъ“ на другой сторонѣ озера. Г. Бландовъ, который, болтая съ нѣсколькими горожанами, сидѣлъ за однимъ изъ столовъ на площадкѣ подъ тѣнью деревъ, — поспѣшно поднялся, чтобы привѣтствовать его.

— Г. баронъ уже изволили сдѣлать большую прогулку, — сказалъ онъ Ульриху, указывая на его гнѣдаго коня, котораго слуга держалъ на поводѣ.

— Я былъ только у себя на хуторѣ —, отвѣчалъ Ульрихъ; — велите отвести лошадь въ конюшню и обтереть ее; мнѣ еще нужно будетъ поѣхать въ городъ.

— Чѣмъ могу я покамѣстъ услужить г. барону?

— Принесите, пожалуйста, бутылку мозеля.

— Прикажете, г. баронъ, подать сюда или на веранду надъ озеромъ?

— Пожалуй-на веранду, если тамъ не слишкомъ жарко.

— Нисколько, тамъ дуетъ прохладный вѣтерокъ съ воды и въ настоящую минуту никого нѣтъ, но вѣроятно скоро пріѣдетъ кто-нибудь изъ города, по случаю хорошей погоды.

— Ну, такъ на верандѣ.

Ульрихъ прошелъ въ садъ черезъ сѣни, гдѣ хозяйка сдѣлала ему книксъ, и спустился по ступенямъ къ верандѣ, стоящей на сваяхъ въ озерѣ и крытой парусиной.

Около выдающагося въ воду помоста стояло полдюжины хорошо оснащенныхъ, большихъ и маленькихъ веселыхъ лодокъ, которыя хозяинъ отдавалъ на прокатъ своимъ посѣтителямъ. И въ самомъ дѣлъ, здѣсь было даже прохладнѣе, чѣмъ подъ деревьями, не смотря на то, что на солнечной сторонѣ; также и мухъ было менѣе, нежели тамъ, гдѣ онѣ летали цѣлыми тучами. Господинъ Бландовъ самъ принесъ вино въ наполненной льдомъ кадочкѣ.

— Оно уже подходитъ къ концу, но для г. барона всегда найдется сколько нибудь. А овесъ у васъ уже убранъ?

— Не совсѣмъ еще.

— Мы надѣемся, что хорошая погода простоитъ еще и до 15го числа; было-бы досадно, еслибы дождь опять испортилъ намъ праздникъ, какъ и въ прошломъ году. Конечно г. баронъ и г-жа баронесса примутъ въ немъ участіе?

— Врядъ-ли, мнѣ еще предстоитъ одна поѣздка.

— Какъ, послѣ того, какъ г. баронъ были такъ долго въ отсутствіи! Конечно, г-жа баронесса понимаетъ въ этомъ дѣлѣ больше насъ съ вами; да къ тому же мы имѣемъ такого отличнаго управляющаго, какъ г. Пазедагъ, но все же было-бы чрезвычайно жаль, если бы не доставало г. барона. Еще вчера были здѣсь г. Брандтъ и г. Гриденовъ, чтобы обо всемъ со мной переговорить; вообще будетъ великолѣпно: тамъ, подъ деревьями мы устроимъ иллюминацію, а здѣсь, надъ озеромъ фейерверкъ. Только у нихъ было разногласіе по поводу приглашеній въ городѣ; но, разумѣется, г. г. офицера непремѣнно будутъ приглашены. Г. Грибеновъ говориль, что по обыкновенію этотъ праздникъ только для дворянства, что совершенно справедливо; но г. Брандтъ былъ того мнѣнія, что нужно итти съ вѣкомъ, какъ онъ любитъ выражаться, и что нѣсколько избранныхъ бюргеровъ только оживятъ и увеличатъ общество. Могу-ли я узнать, каково на этотъ счетъ мнѣніе г. барона?

— Я думаю также, какъ г. Брандтъ.

— Я такъ и зналъ, г. баронъ, и потому вчера еще имъ сказалъ, что г. баронъ Рандовъ изъ Вюстеней стоитъ на сторонѣ бюргеровъ. Прошу г. барона меня извинить; я слышу, тамъ меня зовутъ.

Ульрихъ остался одинъ съ своими мыслями. Съ какимъ удовольствіемъ онъ бросился

бы вмѣстѣ съ ними въ озеро, въ самомъ глубокомъ мѣстѣ. Озерной праздникъ дворянства! Дѣйствительно, предстояло самое важное событіе въ году, о которомъ въ домѣ его родителей говорилось всегда за цѣлыя недѣли. Какъ часто отецъ его разсказывалъ происхожденіе этого праздника, исторія котораго принадлежала къ желѣзной неизмѣнности семейныхъ традицій. Онъ зналъ ее наизусть, какъ басню Геллерта, и бывши мальчикомъ, часто повторялъ про себя, когда ему не спалось. Имѣла-ли еще она прежнюю силу, не смотря на удручающую тишину вокругъ и на тяжесть, которую онъ чувствовалъ въ головѣ и во всѣхъ членахъ?

— Въ 1785 году, — запомни это, Ульрихъ, а также и ты, Оттомаръ, хотя ты и не желаешь быть ученымъ, какъ твой братъ, — за четыре года до французской революціи, стоившей жизни бѣдному королю Людовику, и отъ которой произошло все несчастіе, царствующее теперь на свѣтѣ, — каждый футъ земли вокругъ озера находился въ дворянскихъ рукахъ, кромѣ участка, на которомъ выстроенъ городъ, и сотни двѣ десятинъ, гдѣ посадскіе жители садили картофель и капусту. Даже лѣсъ, большая часть котораго вмѣстѣ съ гостиницей на озерѣ принадлежитъ теперь казнѣ, принадлежалъ прежде Грибеновымъ. Всѣхъ семействъ было 7: на западной сторонѣ жили Брандтъ, Венделины, Лиліенъ и Вальдовы; на восточной — Фогтъ и Грибеновы, и — на-

конецъ — мы, Рандовы, здѣсь на сѣверѣ, напротивъ южнѣе лежащаго города.

Однажды ночью вашъ прадѣдъ Ульрихъ Оттомаръ, въ честь котораго вы оба названы, видѣлъ сонъ Фараона о семи сытыхъ и семи тощихъ коровахъ, только коровы эти выходили не изъ Нила, а изъ нашего озера. И онъ, какъ разсудительный человѣкъ, истолковалъ себѣ этотъ удивительный сонъ такъ: не всегда будетъ здѣсь, вокругъ озера, теперешнее счастливое положеніе вещей, тѣмъ болѣе, что бюргерство въ соединеніи съ королевскимъ достоинствомъ не замедлятъ протянуть руку къ дворянскимъ владѣніямъ и понемногу захватятъ ихъ себѣ. Поэтому должны эти семь семействъ, пока Господь посылаетъ имъ свои милости, показать себя достойными ихъ и заключить между собой союзъ, чтобы помогать другъ другу въ бѣдѣ и напасти. И въ знакъ того, что они заключили его обдуманно и надѣются держать и исполнять его въ вѣрности, ежегодно собираться послѣ жатвы для праздника. Но чтобы никто не превзошелъ другого въ гостепріимствѣ и не породилъ такимъ образомъ зависть, раздоръ и несогласія, — собираться должны не въ собственныхъ замкахъ, но въ гостинницѣ на озерѣ, которая была въ наслѣдственной арендѣ у Бландовыхъ, хотя и стояла на землѣ Грибеновыхъ, и такимъ образомъ считалась нейтральнымъ участкомъ.

— Все такъ и совершилось, какъ думалъ и предполагалъ вашъ прадѣдъ Ульрихъ Оттомаръ. И этотъ праздникъ, который называется „озернымъ праздникомъ дворянства“, справлялся каждый годъ, за исключеніемъ двухъ лѣтъ въ началѣ этого столѣтія, когда свирѣпствовала война. Все остальное также сбылось, какъ онъ предвидѣлъ: тощія коровы вышли изъ озера, и отъ нихъ не могли вполнѣ защититься, не смотря на то, что вѣрно и честно держались въ союзѣ. Сначала бросили хозяйство Вальдовы, потомъ — Фогтъ, и имѣнія ихъ перешли во владѣніе города. Потомъ Грибеновы должны была продать въ казну половину своихъ наслѣдственныхъ земель, и хотя теперь Арнфельды и сидятъ въ Зеегаузенѣ, вмѣсто Лиліенъ, но онъ уже пошелъ черезъ бюргерскія руки.

— Вотъ, милыя дѣти, исторія происхожденія этого праздника, и я надѣюсь, что вы честно сохраните его и будете держать союзъ, который ваши предки поклялись охранять; и если Господь рѣшилъ, что сонъ вашего прадѣда исполнится, то вы должны стараться, чтобы это случилось не такъ скоро.

Ульрихъ долженъ былъ улыбнуться. Старая пѣсня! Дѣйствительно онъ не забылъ ни одного слова — послѣ двадцатилѣтъ!

Но затѣмъ его чело снова омрачилось, и онъ еще пристальнѣе уставился въ свой стаканъ. Развѣ это не было глубокимъ уваженіемъ къ

прадѣдовскимъ преданіямъ, пріобрѣтеннымъ еще въ дѣтскіе годы, что заставило его — по смерти отца и братьевъ — ко всѣмъ своимъ заботамъ принять на себя еще и попеченіе объ Арнфельдахъ, и онъ поставилъ самого себя въ крайнее затрудненіе, чтобы сохранить овдовѣвшей генеральшѣ, по меньшей мѣрѣ, Зеегаузенъ, послѣ того какъ ея супругъ продалъ оба другія, по завѣщанію его предшественника принадлежавшія ему имѣнія, чтобы уплатить карточные и другіе долги?

Уже тогда не было сомнѣнія, что онъ, при безмѣрномъ тщеславіи и экстравагантныхъ требованіяхъ генеральши, не могъ бы задержать окончательную погибель ея, и онъ почувствовалъ глубокое состраданіе къ бѣдной дѣвушкѣ, которую мать третировала такимъ презрительнымъ образомъ, — этой прилежной дочери скромнаго, трудолюбиваго отца — мѣщанина. А когда она сдѣлалась взрослой — о Боже! развѣ онъ не любилъ ее? Развѣ не были счастливыми первые полтора года ихъ замужества? Да, конечно! И все-таки — явись только Лида, и онъ зналъ, что то, что онъ считалъ прежде счастьемъ, было не что иное, какъ только слабое предчувствіе того свѣта, которое исходитъ отъ истинной любви.

Отъ истинной любви! Кто можетъ осмѣлиться утверждать, что онъ ее имѣетъ и чувствуетъ? Онъ вѣрилъ этому, когда любилъ Лиду. А когда онъ увидалъ Элеонору, чувство-

валъ тоже самое, что и при первой встрѣчѣ съ Лидой. Было-ли это только забвеніе того, что онъ чувствовалъ раньше? Тогда одна любовь имѣла бы такое же достоинство, какъ и другая. Или, если бы это было возвышеніемъ любви, кто могъ бы тогда сказать, что это ея высшая степень? Или каждому возрасту требуется своя особая любовь? Если юношѣ представлялся другой идеалъ, чѣмъ молодому человѣку; этому, въ свою очередь, другой, чѣмъ зрѣлому мужчинѣ; то черезъ десять лѣтъ образъ Элеоноры поблѣднѣлъ бы для него такъ-же, какъ сегодня — образъ Лиды.

Если это было такъ, — а его разсужденіе въ послѣднее время снова привело его до этого пункта, — тогда установленіе брака, какъ онъ существовалъ теперь, было бы неразумнымъ, даже болѣе — мучительнымъ тиранствомъ, Прокрустовымъ ложемъ, которое сильному укорачиваетъ его натуральную мѣру и обезображиваетъ его.

И все-таки былъ, можетъ быть, еще другой исходъ: именно тотъ, что, какъ мужчина физически и умственно возвышался и развивался отъ степени до степени, въ тоже время и женщина съ своей стороны продѣлывала въ себѣ такую-же метаморфозу; такъ что зрѣлая женщина настолько превосходила молодую, неопытную, какъ эта послѣдняя — дѣвушку, жизнь которой представляетъ изъ себя пока полубодрственный сонъ.

Тутъ находилась точка, гдѣ нужно было приставить рычагъ, и изъ безнравственности супружеской жизни, какъ она состояла въ дѣйствительности, сдѣлать нѣчто нравственное, къ чему приложить лучшую свою силу не долженъ былъ стыдиться ни одинъ свободнѣйшій изъ свободныхъ. И какъ разъ здѣсь было то, въ чемъ, по его мнѣнію, Герта покинула его. Какой онъ нашелъ ее двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, такою она была еще и теперь: та-же вѣрная душа, которая всегда думала раньше всего о другихъ, любящая и требующая любви, словомъ — золотое сердце. И ея духовный горизонтъ оставался все тотъ-же, какъ и тогда, не расширившись ни на одну пядень. И теперь чувствовать, какъ въ началѣ, просто изъ вѣжливости и рыцарства, самъ пытаешься привыкнуть къ этому затруднительному положенію и для этой цѣли становишься своимъ собственнымъ измѣнникомъ, пока геній правды не выдерживаетъ больше этой муки, становится на дыбы, выпрямляется и выломаетъ крышу храма, который сдѣлался для него ужасной темницей; и какъ этотъ храмъ разваливается надъ главами ничего не предчувствующей женщины и невинныхъ дѣтей!

Ульрихъ съ ужасомъ вскочилъ, какъ будтобы тутъ изъ озера вынырнуло чудовище и старалось схватить его жадной пастью. Спустя нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ уже на сѣдлѣ,

принуждая свою лошадь бѣжать скорой рысью, какъ только онъ выѣхалъ на шоссейную дорогу, преслѣдуемый удивленными взорами господина Бландова, который въ присутствіи своихъ гостей изъ города не удержался замѣтить, что ему кажется, что баронъ со времени своей поѣздки, странно перемѣнился, почти до того, какъ будтобы у него въ головѣ было что-то не совсѣмъ въ порядкѣ.

Глава шестая.

Шоссейная дорога, находящаяся вблизи озера, которое отъ времени до времени блестѣло сквозь деревья, вела почти все время черезъ дремучій лѣсъ. На этой всегда мало посѣщаемой дорогѣ въ этотъ жаркій лѣтній вечеръ не видно было почти ни души. Кромѣ нѣсколькихъ усталыхъ странниковъ, Ульрихъ опередилъ еще почту, которая хотѣла поспѣть къ поѣзду, который приходилъ въ городокъ къ вечеру, по побочной желѣзной дорогѣ, три года тому назадъ оконченной постройкою. А помимо этого — была глубокая тишина; даже топота копытъ не было слышно изъ-за множества пыли на дорогѣ. Вверху надъ верхушками деревьевъ, можетъ быть, отъ времени до времени еще шелестѣлъ легкій сквозной вѣтерокъ, который дулъ со стороны озера; но

внизу постоянно царила одуряющая духота. Совершенно также было и въ тотъ вечеръ въ Нордернеѣ, когда онъ возвращался отъ „Бѣлой Дюны“. Также, какъ теперь, онъ чувствовалъ тогда тяжесть, которая лежала на его душѣ, и которую онъ чувствовалъ какъ физическую боль въ сердцѣ. Но тогда разразилась буря и подарила ему ее, его милую, обожаемую дѣвушку; и онъ мечталъ, что теперь насталъ тотъ ясный день, который долженъ былъ вознаградить его за долгую, темную, мучительную ночь. Блаженный сонъ, какъ скоро онъ прошелъ!

Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! То не могъ быть сонъ! Это и что было раньше этого — былъ пустой сонъ; а то — истинная, пылающая жизнь; которая могла только исчезнуть, потому что первая восхитительная неожиданность совсѣмъ лишила его спокойствія.

Этого не должно больше случиться, ей Богу! Такимъ застѣнчивымъ и неловкимъ мальчикомъ счастье не должно застигнуть его во второй разъ! Если-бы только оно опять вернулось въ томъ же пріятномъ видѣ!

Тогда бы онъ удержалъ его, держалъ бы ее крѣпко, свою возлюбленную, не выпустилъ бы ее больше изъ своихъ объятій, и хотя-бы до смерти упился ея поцѣлуями! И когда ему теперь съ страшной ясностью вспомнились эти блаженныя минуты, когда онъ вечеромъ, въ маленькомъ

садикѣ у маленькой рыбачьей хижины, держалъ Элеонору въ своихъ объятіяхъ и упивался ея поцѣлуями, на него напала такая тоска по ней и съ такою силою, что онъ громко вскрикнулъ. И тогда онъ пришпорилъ Робина и понесся черезъ лѣсъ, какъ будто при выходѣ изъ него его ожидало потерянное счастіе.

Но эта бѣшеная скорость привела его только на четверть часа раньше въ городокъ, пустыя улицы котораго онъ проѣхалъ медленно по неровной мостовой, пока не слѣзъ съ потной лошади на маленькой базарной площади передъ гостинницей Германа Мейнка „Берлинскій дворъ“. Онъ сказалъ Гертѣ, что у него есть дѣла въ городѣ и подразумѣвалъ подъ этимъ консультацію съ своимъ адвокатомъ, по одному пограничному спору, который, по словамъ Пазедага, поднялъ въ его отсутствіи одинъ неуживчивый сосѣдъ. Ему сдѣлалось страшно при одной мысли, что при теперешнемъ расположеніи духа онъ долженъ разбирать это непріятное дѣло; но онъ уже былъ здѣсь, и Робину необходимъ былъ часъ отдыха. И такъ онъ собрался въ короткую дорогу къ доктору Михаэлису, молодая жена котораго сидѣла съ своей подругой на скамейкѣ передъ воротами. Самого доктора не было дома. Онъ былъ уже съ часъ времени въ казинò, гдѣ офицера эскадры давали своему товарищу, который былъ прикомандированъ къ военному училищу и на другой день утромъ долженъ

былъ уѣхать, прощальный вечеръ съ пуншемъ, при которомъ онъ, какъ резервный офицеръ этого полка, не могъ не присутствовать. Ульрихъ поблагодарилъ даму за увѣдомленіе и учтиво отказался отъ предложенія послать за мужемъ, — что это дѣло совсѣмъ не спѣшное; и что онъ завтра и въ болѣе удобное время опять пріѣдетъ въ городъ.

Онъ пошелъ дальше по улицѣ. Она выходила на маленькую площадь, обсаженную деревьями и снабженную лавочками. Отсюда видно было все озеро во всю его длину и, между прочимъ, то мѣсто, которое называли въ городѣ „гаванью“: это были нѣсколько длинныхъ, выступавшихъ въ самое озеро, мостовъ, между которыми стояли, привязанныя на цѣпи: буксирный пароходъ, двѣ яхты, принадлежащія: одна коммерціи совѣтнику Бланку и другая-офицерскому клубу, полдюжины большихъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, лодокъ и дюжина большихъ и маленькихъ гребныхъ судовъ.

Ульрихъ усѣлся на одну свободную скамью и блуждалъ взорами по озеру, на зеркальной поверхности котораго отражалась еще послѣдняя, съ каждою секундою все болѣе потухающая вечерняя заря. По правую сторону, почти безъ перерыва, слѣдовали лѣса, чрезъ которыя онъ только что прибылъ; по лѣвую — плоскій, пологій берегъ, который повсюду съ своими полями и лугами гладко спускался къ озеру, изъ

котораго тамъ, въ отдаленіи, не ясно выдѣлялась масса деревьевъ Зеегаузенскаго парка. Противоположную сторону, гдѣ лежалъ его Вистеней, заволакивалъ уже блѣдно-синій туманный покровъ, — такъ что можно было-бы подумать, что смотришь куда-то въ безграничное море, — того моря, которое разстилалось предъ ними, въ то время какъ они сидѣли на дюнѣ, бокъ-о-бокъ, только онъ немножко ниже, чѣмъ она, что-бы тѣмъ свободнѣе можно было смотрѣть ей въ глаза. Они говорили о далекихъ странахъ, о философіи, искусствѣ и поэзіи. Потомъ у ней являлась какая-либо смѣшная причуда, и она смѣялась — тихимъ, пріятнымъ мелодическимъ смѣхомъ, какого онъ никогда не слыхалъ ни отъ одной женщины. И потомъ она вдругъ вскакивала, а онъ еще минуточку оставался лежать, чтобы насладиться ея стройною, эластическою фигурою, какъ она теперъ такъ превосходно вырисовывалась въ вечерней полутемнотѣ. Такъ продолжалось, пока она, смѣясь, не окликала его: — Если вы тотчасъ же не встанете, то я скажу объ этомъ завтра Оттерндорфу. Онъ посадитъ васъ за голодный столъ и вы не получите мучного кушанья!

О, милые, пріятные часы! И нѣтъ никого кто-бы возвратилъ ему одну минуту всего этого блаженства! Если бы она была даже на самомъ отдаленномъ краю свѣта, онъ пошелъ-бы къ ней съ неотступною мольбою и считалъ бы

себя вознагражденнымъ, если бы только могъ прикоснуться хотя бы къ краю ея одежды!

Онъ очнулся отъ своихъ думъ и мечтаній, смущенно оглядѣлся вокругъ и долженъ былъ припомнить, какъ онъ пришелъ сюда. На сосѣдней лавочкѣ усѣлась парочка влюбленныхъ. Молодой человѣкъ съ жаромъ говорилъ что-то дѣвушкѣ, которая нѣсколько разъ стыдливо открывала свои глаза и тотчасъ же опускала ихъ. А кромѣ этого площадь была пуста; только на ближайшемъ къ нему мосту стоялъ еще одинъ господинъ, который смотрѣлъ на озеро. Онъ обращенъ былъ спиною къ Ульриху. Фигура показалась Ульриху знакомою. Не Гвидонъ-ли это Венделинъ? Въ своемъ нелюдимомъ настроеніи — уже въ виду простой возможности подобной встрѣчи — онъ быстро поднялся; но въ этотъ самый моментъ обернулся и Гвидонъ, увидалъ его, узналъ и сдѣлалъ по направленію къ нему нѣсколько скорыхъ шаговъ. Объ отступленіи теперь нельзя было уже думать.

— Любезный Рандовъ, какъ я счастливъ, что такъ неожиданно васъ встрѣтилъ!

Гвидонъ взялъ его обѣ руки; изъ свѣтло-голубыхъ его глазъ сіяла такая несомнѣнная сердечная радость, что Ульрихъ не могъ противиться.

— Также какъ и я, любезнѣйшій Венделинъ, — отвѣчалъ онъ; но какъ вы попали сюда? Я думалъ, что вы въ Ганноверѣ?

— Я былъ — два дня, — а передъ тѣмъ около недѣли въ Берлинѣ. Иначе я давно бы зашелъ къ вамъ въ вашъ Вистеней — самопонятно. Въ Берлинѣ я слышалъ, что вы возвратились, или только на этихъ дняхъ возвратились-бы — отъ вашей тещи.

— Стало быть, опять на старой охотничьей тропѣ!

— Что вы! Я... я... но объ этомъ мы должны при случаѣ по-говорить по-подробнѣе. А прежде всего, дружище, какъ ваше здоровье? Мнѣ кажется, вы...

— Я выгляжу не хорошо. И всѣ находятъ это. Очень понятно: мнѣ что-то не здоровится.

— Мнѣ сердечно жаль. Говоря откровенно: своимъ здоровьемъ я также недоволенъ. Я предполагаю сдѣлать большое путешествіе. И уже давно уѣхалъ-бы, только моя мама нѣсколько озабочиваетъ меня.

— И мнѣ, въ свою очередь, также жаль. Я знаю, какъ вы сильно привязаны къ ней.

— У меня вѣдь никого нѣтъ больше на свѣтѣ, а вы — самопонятно! — вы вѣдь все-таки мой другъ?

— Я думаю, Гвидонъ, никогда не далъ вамъ повода сомнѣваться въ этомъ.

— Нѣтъ, ей Богу, этого вы никогда не сдѣлали.

Это былъ даже глупый вопросъ, о которомъ я не подумалъ. Это только... я... я въ такомъ

настроеніи духа, въ которомъ ваша дружба еще цѣннѣе для меня, чѣмъ когда-либо.

— Яснѣе, плутовка Китти въ концѣ концовъ основательно-таки приворожила васъ.

— Ради Бога, Рандовъ, я клянусь вамъ, вы ошибаетесь — совершенно ошибаетесь.

— Тогда позвольте мнѣ отъ всего сердца поздравить васъ.

— Съ чѣмъ?

Ну, хотя бы съ тѣмъ, что я совершенно ошибаюсь.

Глаза Гвидона почти испуганно выступили изъ орбитъ.

— Ахъ, вотъ что! — растянуто проговорилъ онъ, ну, да — самопонятно! Но знаете вы, Рандовъ, я уже часто васъ просилъ: вы не должны со мною говорить иронически, но всегда совершенно ясно, и такъ, что бы я все понималъ.

— Если бы васъ услыхалъ кто-нибудь другой, что вы такъ говорите!

— Я вполнѣ говорю серьезно: я не на столько проницателенъ. Это уже мое несчастіе. Это мнѣ никогда не казалось такъ ясно, какъ теперь.

Молодой человѣкъ вздохнулъ и съ опечаленнымъ видомъ смотрѣлъ предъ собою. Какъ ни тяжело было Ульриху переносить свою собственную боль, ему жаль стало бѣднаго малаго, который издавна былъ его любимцемъ.

— У васъ есть что-то на сердцѣ, Гвидонъ, — сказалъ онъ. — Что такое? можетъ быть, я по-

могу вамъ, или по крайней мѣрѣ — могу посовѣтовать вамъ.

— Если вы узнаете это, то вы посовѣтуете мнѣ — броситься вонъ туда — въ озеро.

Ульрихъ засмѣялся; но его смѣхъ былъ не натуральнымъ: еще за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ ему серьезно хотѣлось быть на днѣ озера.

— Это вѣдь всегда еще можно, — проговорилъ онъ. — Прежде всего намъ слѣдуетъ, можетъ быть, подумать о возвратномъ пути. Или, можетъ быть вамъ угодно остаться въ городѣ?

— Сохрани Богъ! я только такъ заѣхалъ въ Салховъ, чтобы что-нибудь сдѣлать.

— Это хорошее совпаденіе. И я тоже здѣсь на лошади; но и безъ того я хотѣлъ отправиться съ вами въ обратный путь. Отъ жары въ лѣсу сегодня я довольно-таки перенесъ. Вы остановились, однако, у Мейнка?

— Само собою разумѣется. То есть: я дѣйствительно только остановился и не велѣлъ даже разсѣдлывать.

— Тѣмъ лучше. Мой Робинъ между тѣмъ, вѣроятно, уже отдохнулъ.

— Друзья поднимались отъ гавани по улицѣ вверхъ. Начинало смеркаться. У каждаго дома, возлѣ дверей, стояла скамейка и всѣ онѣ заняты были неутомимо болтающими матерями, тетушками и взрослыми дочерями, въ то время какъ дѣти, не боясь быть задавленными, смѣясь и перекликаясь между собою, играли на улицѣ.

И жена доктора Михаэлиса еще сидѣла на своемъ старомъ мѣстѣ.

Теперь предъ нею стоялъ господинъ, который, въ ту самую минуту, когда съ поклономъ прошелъ мимо Улврихъ, быстро обернулся: это былъ его университетскій товарищъ фонъ Одербрехтъ. Въ первый моментъ г. фонъ Одербрехтъ сдѣлалъ движеніе, какъ будто онъ хотѣлъ подойти къ нему, но потомъ раздумалъ и удовольствовался лишь учтивымъ поклономъ, чтобы сейчасъ же обратиться къ дамѣ. Гвидонъ сказалъ что-то, что Ульрихъ не разслыхалъ. Онъ думалъ о томъ послѣобѣденномъ времени, когда онъ сидѣлъ съ Элеонорою у окна въ переполненной комнатѣ маячнаго домика въ Нордернеѣ, и какъ тогда прошелъ одинъ господинъ, въ которомъ онъ призналъ Одербрехта. Онъ тогда надѣялся, какъ и теперь, съ увѣренностью, что онъ ошибался. Зналъ-ли онъ, однако, злой языкъ этого человѣка и виртуозность, съ какою онъ распустилъ на своего ближняго худую молву. И именно теперь онъ имѣлъ всякое основаніе желать, чтобы молва объ немъ, если уже нельзя было ея избѣжать, по крайней мѣрѣ шла не съ этой стороны.

— Ваши отношенія къ г. Одербрехту все еще не улучшились? — спросилъ Гвидонъ.

— На сколько возможно, мы избѣгаемъ другъ друга. Къ сожалѣнію, здѣсь это не такъ легко, какъ въ Нордернеѣ, гдѣ мы, я думаю,

и четырехъ разъ не видались, не смотря на то, что по недѣлямъ были тамъ въ одно и то-же время.

— А хорошо вы провели время въ Нордернеѣ?

— Такъ хорошо, что я отдалъ-бы десять лѣтъ моей жизни, если бы я могъ при тѣхъ же условіяхъ побыть тамъ еще разъ.

Гвидонъ вопросительно посмотрѣлъ на него со стороны, но ничего не сказалъ.

Передъ „Берлинскимъ дворомъ“ конюхъ Гвидона медленно водилъ взадъ и впередъ обѣихъ лошадей. Между тѣмъ какъ сѣдлали Робина, Гвидонъ приказалъ принести бутылку Редерера и сервировать его на столикѣ передъ домомъ. Столько времени всегда найдется, чтобы выпить стаканъ шампанскаго, въ особенности на свиданіи двухъ старыхъ друзей, послѣ мѣсячной разлуки! И замѣчательно! Прежде онъ, какъ Ульрихъ знаетъ, не особенно цѣнилъ этотъ напитокъ; но съ нѣкотораго времени у него явилась постоянная страсть къ нему. Его мама думаетъ, что это отъ нервовъ. Не имѣлъ ли уже Ульрихъ подобное странное состояніе нервовъ?

Ульрихъ отвѣтилъ, что въ его жизни это неоднократно случалось съ нимъ; только онъ не могъ найти, чтобы при извѣстномъ режимѣ нервы улучшались.

— На минуту, пожалуй, — отвѣчалъ Гвидонъ,

наполняя себѣ бокалъ и залпомъ осушая его. И жизнь состоитъ, вѣдь, только изъ мгновеній.

— Вы сдѣлаетесь еще философомъ, Венделинъ, — сказалъ Ульрихъ, а про себя подумалъ: это все — Китти! бѣдный малый!

— Я желалъ-бы, я былъ-бы имъ! — воскликнулъ Гвидонъ. — Тогда вѣдь играютъ у дамъ совсѣмъ другую роль.

— Это зависитъ во многомъ отъ дамъ, мой другъ. Я знаю многихъ, которыя отъ философіи и даже предъ философомъ открещиваются три раза.

— О тѣхъ я не говорю. Само собою разумѣется — я говорю объ избранныхъ натурахъ!

— Объ исключеніяхъ, на которыхъ нельзя строить правилъ.

— Но которыя все-таки встрѣчаются.

— Выпьемъ-же за исключенія!

— Да здравствуютъ они! — съ энтузіазмомъ воскликнулъ Гвидонъ и поставилъ опорожненный стаканъ на столъ такъ сильно, что онъ разбился.

— Хорошее предзнаменованіе, — сказалъ Ульрихъ. — А теперь намъ пора отправиться въ путь.

— А не выпить ли намъ еще одну....

— Ни за что. Вы знаете, мнѣ предстоитъ еще долгій путь.

Они сѣли на лошадей и поѣхали, сопутствуемые конюхомъ, по узенькимъ улицамъ, которыя

съ каждою минутою погружались въ темноту. Ни въ одномъ домѣ не видно было свѣта; только въ казино, около котораго они проѣзжали, были освѣщены окна перваго этажа. Въ предмѣстьи между разбросанными амбарами сдѣлалось опять свѣтлѣе; и когда они изъ предмѣстья достигли открытаго поля, то пылающая вечерняя заря, которая распространилась по всему западному горизонту и почти достигала зенита, заставила забыть, что день окончился уже съ часъ тому назадъ.

Глава седьмая.

Дорога, которую нужно было сдѣлать нашимъ путникамъ, для Ульриха была на добрую треть длиннѣе, чѣмъ для Гвидона, имѣніе котораго, отдаваемое въ аренду, непосредственно примыкало къ Зеегаузену, между которымъ и городомъ находились только два имѣнія, прежде Вальдовскихъ, а теперь принадлежащихъ городу. За Салховомъ до Вистеней простирались далеко по озеру владѣнія Брандтовъ, Земловъ и Пустовъ. Извилистая, проходящая между различными имѣніями и по онымъ, зимою иногда очень дурная общинная дорога была теперь, послѣ цѣлаго ряда лѣтнихъ дней, превосходною, въ особенности для всадниковъ, а

принимая во вниманіе, что они должны были проѣхать еще значительное пространство, умѣренная рысь была соотвѣтствующимъ родомъ ѣзды.

— Вашъ Робинъ, все-таки, капитальная лошадь и держится превосходно, — сказалъ Гвидонъ.

Онъ дѣлалъ это примѣчаніе всякій разъ, какъ они встрѣчались на лошадяхъ, послѣ чего обыкновенно слѣдовалъ обычный разговоръ объ ихъ верховыхъ лошадяхъ въ частности и вообще о лошадяхъ. Сегодня Ульриху не хотѣлось перейти на эту тему. Онъ былъ убѣжденъ, что у Гвидона было что-то на душѣ, что его тяжело угнетало и думалъ, что онъ знаетъ положительно, что это такое. Хотя Гвидонъ раньше горячо оспоривалъ то, что онъ любитъ Китти и на самомъ дѣлѣ прежде держался съ крайнею сдержанностью по отношенію къ очень яснымъ авансамъ, дѣлаемыхъ ему со стороны матери и дочери. Но чувства людей непостоянны, и Ульрихъ всегда боялся, что его слабо-характерный другъ въ концѣ концовъ все-таки попадетъ въ разставленныя для него сѣти. Если этого не было, то что ему нужно было дѣлать въ Берлинѣ? Съ какою цѣлью онъ теперь останавливался въ Сальховѣ, и совсѣмъ неудобно жилъ въ арендаторскомъ домѣ, который онъ въ другое время, прямо только ради сосѣдства съ Зеегаузеномъ, съ намѣреніемъ избѣгалъ? Откуда вдругъ у него то возбужденіе, которое сегодня говорило изъ каждой его

мины, движенія и рѣчей? и это внезапное пристрастіе къ шампанскому, отъ котораго, по его увѣренію, ему постоянно бываетъ худо? Къ сожалѣнію — дѣло было ясно! Такое кокетливое, внутренно пустое созданіе, къ тому же вполна стоящее подъ властью ея легкомысленной, суетной, и совершенно эгоистической матери, какъ Китти, могла сдѣлать добросердечнаго и слабаго Гвидона только безконечно несчастнымъ. Однимъ несчастливымъ супружествомъ болѣе въ добавокъ ко всѣмъ другимъ безчисленнымъ несчатливымъ! Этого не было-бы, по сознанію Ульриха, если-бы онъ могъ воспрепятсвовать этому. Но конечно, въ такихъ вещахъ даже и добродушнѣйшіе люди легко оскорбляются, а Китти была сестра Герты! И говорить противъ члена своей собственной фамиліи было не особенно пріятно для него.

Между тѣмъ какъ Ульрихъ все еще обдумывалъ, какъ бы ему всего лучше приступить къ этому трудному предмету, неожиданно Гвидонъ заговорилъ, поворачиваясь въ сѣдлѣ къ нему: вы давеча выразились, что вамъ такъ хорошо понравилось въ Нордернеѣ. Я думаю, вамъ еще лучше понравилось бы, если-бы вы познакомились тамъ съ одною дамою, которая въ одно и то-же время была съ вами.

— Въ дамскомъ знакомствѣ у меня не было недостатка, — отвѣтилъ Ульрихъ съ грустною усмѣшкою.

— Даму, о которой я думаю, нельзя сравнить ни съ какою другою.

Ульрихъ внимательно прислушался. Неужели онъ дѣйствительно былъ на ложныхъ слѣдахъ?

— Въ самомъ дѣлѣ! — сказалъ онъ. — Вы возбуждаете мое любопытство. Можно спросить, кто это была?

— Прежде чѣмъ я скажу это, я долженъ засвидѣтельствовать одно, — отвѣчалъ Гвидонъ. — Вы не должны думать, что я принимаю въ дамѣ иное какое-либо участіе, кромѣ чисто дружественнаго — самопонятно!

— Самопонятно! — съ улыбкою повторялъ Ульрихъ любимое словцо своего друга. — Стало быть, я не знаю эту даму? Я думаю, не могли встрѣтиться съ нею въ Нордернеѣ?

— Она именно увѣряла меня, что этого не было. Вы можете себѣ представить, я спросилъ ее объ этомъ — самопонятно. Я познакомился съ нею, когда въ предпослѣдній разъ ѣхалъ изъ Ганновера въ Берлинъ — въ поѣздѣ желѣзной дороги — мы были все время одни въ купэ. Она ѣхала прямо изъ Нордернея. Самопонятно — я представился ей, и мы вступили въ разговоръ и — говорили также и о васъ.

— Что едва-ли интересовало даму, — прибавилъ Ульрихъ.

— Ну, нѣтъ! Вы знаете, если дѣло касается васъ, я всегда воодушевляюсь и могу тогда го-

ворить очень хорошо. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ не было никакого искусства. Я еще не встрѣчалъ дамы, которая бы такъ легко умѣла поддерживать разговоръ.

— Какимъ образомъ?

— Ну, своимъ... да, это трудно сказать — своимъ... я дѣйствительно не знаю, какъ бы это выразить. Это очаровательно — просто очаровательно!

Съ того самого момента, какъ Гвидонъ сказалъ, что онъ встрѣтился съ дамою по дорогѣ изъ Ганновера въ Берлинъ, у Ульриха сильно забилось сердце. Возможно-ли это?

— Не помните-ли вы случайно число, когда вы сдѣлали такое пріятное знакомство?

— Очень отчетливо: это было 22го іюля.

— У Ульриха сердце застучало еще сильнѣе: 22го Элеонора выѣхала изъ Нордернея. Первымъ важнымъ остановочнымъ пунктомъ, вѣроятно, былъ Ганноверъ. А въ Берлинѣ жили ея родственники!

— Не будетъ нескромностью, если я спрошу фамилію ея? — Ульрихъ какъ-то странно и хрипло проговорилъ это; Гвидонъ остановилъ свою лошадь.

— Не поѣхать-ли намъ, можетъ быть, нѣсколько потише? При такой духотѣ очень легко вспотѣть. Могу я предложить вамъ нѣсколько коньяку? Фридрихъ всегда возитъ одну фляшку

при себѣ. Это понижаетъ температуру крови, какъ я слышалъ это отъ доктора Балтазара.

Не насмѣшка ли это? Сердце Ульриха, казалось, спрашивало объ имени, а этотъ человѣкъ говоритъ тутъ о температурѣ крови!

— Благодарю! Вы хотѣли мнѣ сказать фамилію этой дамы.

— Ну, не изъ знатныхъ, какъ, навѣрное, предполагаете: просто фрейлейнъ Элеонора Риттеръ.

Теперь Ульрихъ почти разсмѣялся бы вслухъ: онъ такъ положительно ожидалъ этого!

— И вы разстались въ Берлинѣ?

— Въ Берлинѣ — самопонятно.

— И на всегда? Я полагаю: у васъ нѣтъ никакихъ видовъ снова встрѣтиться съ дамою на вашемъ жизненномъ пути?

Гвидонъ смущенно засмѣялся.

— О, кто знаетъ! — проговорилъ онъ, — даже очень большіе виды! Впрочемъ я раздѣляю эти виды, какъ вы изволили выразиться, со многими людьми, между прочимъ и — съ вами.

— Со мной?

— Вы даже еще скорѣе меня могли бы имѣть это удовольствіе, если бы вы вашу супругу сегодня послѣ обѣда... я видѣлъ ее на дорогѣ, когда ѣхалъ верхомъ изъ „Берлинскаго двора“ въ Салховъ... даже раскланялся, какъ слѣдуетъ, но она не узнала меня... разстояніе было нѣсколько большое... да и не пред-

полагала меня видѣть здѣсь, разумѣется — но что я хотѣлъ сказать: да, если бы вы сегодня послѣ обѣда проводили вашу супругу къ вашей тещѣ.

У Ульриха начала кружиться голова; ужъ не хотѣлъ-ли онъ свести его съ ума?

— Я не понимаю этого, — глухо проговорилъ онъ.

— О, Боже, это даже дѣйствительно непонятно, — отвѣтилъ Гвидонъ, ударомъ хлыста отгоняя овода, который кружился около его вороного; — такая дама, какъ фрейлейнъ Риттеръ, — клянусь честью, Рандовъ, — настоящая принцесса! — и теперь — ей Богу, я едва могу выговорить: компаньонка г-жи генеральши.

— Невозможно! — вырвалось у Ульриха.

— Если бы я не отъ самой вашей уважаемой тещи слышалъ это, которая уже въ Берлинѣ разсказывала мнѣ объ этомъ, и если бы это не было подтверждено г-жею Беккеръ, когда я вчера прибылъ въ Салховъ. Въ одномъ сосѣднемъ имѣніи отъ другого, какъ вы знаете, ничего не можетъ быть скрыто. — Великій Боже! развѣ это не...

Гвидонъ не договорилъ. Изъ еловаго лѣсочка, который стоялъ на границѣ Зеегаузена и Салхова, и въ который они только что хотѣли завернуть, вышли двѣ дамы въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ, безъ шляпокъ и перчатокъ, какъ обыкновенно дамы ходятъ дома или въ саду.

Разстояніе между ними и дамами было такъ незначительно, что съ той и другой стороны моментально и одновременно распознали другъ-друга. Дамы остановились; еще черезъ полминуты передъ ними остановились и всадники, снявъ шляпы.

— Фрейлейнъ Клементина — какой счастливый случай! Фрейлейнъ Риттеръ — какъ ваше здоровье? хорошо? само собою разумѣется! Вы позволите мнѣ познакомить васъ съ моимъ другомъ, барономъ Рандовымъ?

— Какъ твое здоровье, Ульрихъ? хорошо? — самопонятно! — сказала Клементина съ ея плутовскою улыбкою, подавая Ульриху руку. — Ты должна знать, Элеонора, это-мой любимый зять.

— Если ты поѣдешь быстро, то еще догонишь свою жену; едва ли прошло десять минутъ, какъ только она высадила насъ — прямо за лѣсочкомъ.

— Десять минутъ трудно наверстать, фрейлейнъ Клементина, — сказалъ Гвидонъ; а — вашъ зять сегодня порядкомъ загналъ Робина. Я позволилъ-бы себѣ другое предложеніе: если позволятъ дамы — проводить васъ немножко на возвратномъ пути.

— Чтобы только насладиться пылью!

— Фридрихъ! Фридрихъ!

Однимъ прыжкомъ Гвидонъ выскочилъ изъ сѣдла и бросилъ поводъ подскакавшему конюху.

— Вотъ это мнѣ нравится, — воскликнула

Клементина. — Ну, Ульрихъ, если ты уже не можешь догнать Герту...

Ульрихъ стоялъ уже на землѣ.

— Поставь Робина между твоею лошадью и Викторомъ, Фридрихъ, и пропусти трензель Виктора чрезъ кольцо Робина! Постой, я помогу тебѣ! Такъ! Ты остаешься всегда на добрые пятьдесятъ шаговъ позади насъ! Теперь все въ порядкѣ, мои сударыни!

Между тѣмъ какъ Гвидонъ и конюхъ связывали лошадей, Ульрихъ держалъ лошадь послѣдняго. Клементина и Элеонора нѣсколько отошли въ сторону, на край дороги.

— О, Боже, какъ ты блѣдна! — прошептала Клементина. Развѣ тебѣ это непріятно?

— Совсѣмъ нѣтъ; я рада познакомиться съ твоимъ зятемъ.

— Тогда я оставлю его тебѣ, по возможности, одного. Графъ Гвидонъ!

— Что хочешь ты дѣлать?

— Оставь меня только! — Графъ Гвидонъ!

— Фрейлейнъ Клементина?

— Я необходимо должна поговорить съ вами на пять минутъ. А между тѣмъ эти оба могутъ уйти впередъ и постараться наверстать то, что они пропустили въ Нордернеѣ.

— Вы видите, милостивая сударыня, что въ теченіи пяти минутъ вы должны довольствоваться мною, — сказалъ Ульрихъ, кланяясь Элеонорѣ.

— Я думаю, что вы не затрудните меня, — отвѣтила Элеонора съ серьезной улыбкой.

— Безъ всякихъ длинныхъ комплиментовъ! — воскликнула Элеонора.

Все общество тронулось съ мѣста; впереди — Ульрихъ и Элеонора, затѣмъ — Гвидонъ и Клементина, которые съ намѣреніемъ замедляли свои шаги; а въ почтительномъ разстояніи отъ нихъ — конюхъ съ лошадьми.

Глава восьмая.

Гвидонъ остался мало доволенъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ Клементиною. Его затемненные взоры покоились на обѣихъ стройныхъ фигурахъ предъ нимъ. Онъ охотно желалъ бы быть на мѣстѣ Ульриха, хотя онъ сказалъ себѣ, что онъ былъ бы тогда въ ужасномъ смущеніи. Свиданіе съ нею наединѣ — tete-à-tete — послѣ послѣдней сцены между ними въ салонѣ тайной совѣтницы!

Когда онъ предложилъ прогулку, то онъ думалъ объ общей бесѣдѣ, которая бы доставила ему удовольствіе быть въ обществѣ обожаемой дѣвушки, не неся при этомъ никакой отвѣтственности. Но, естественно, этого не должна была замѣтить его сопутница. Поэтому онъ сказалъ, послѣ того какъ они молча сдѣлали нѣсколько

шаговъ другъ подлѣ друга, въ своемъ обычномъ ласковомъ тонѣ: вы желали мнѣ что-то сообщить, фрейлейнъ Клементина?

— Потомъ, — сказала Клементина, которая ничего не имѣла ему сообщить. — А сперва скажите, давно ли вы въ Салховѣ?

— Со вчерашняго утра.

— Знаете что; мама̀ очень недовольна будетъ если она узнаетъ объ этомъ? Со вчерашняго утра! Да вы въ десять минутъ могли бы прискакать сюда! Г. рыцарь, такова-то ваша горячая любовь?!

— Ахъ, фрейлейнъ Клементина, не дразните меня! — съ мольбою въ голосѣ произнесъ Гвидонъ. — Вы вѣдь лучше всего знаете, какъ вамъ думать объ этомъ.

— До сихъ поръ я вѣрила этому, — отвѣтила Клементина, которая хотѣла удержать Гвидона еще нѣсколько на этой темѣ. Но вы, кажется, недавно въ Берлинѣ у ея превосходительства — вашей тетушки — загладили всѣ ваши грѣшки; мама и Китти совсѣмъ, вѣдь, сгораютъ съ того времени! И что у васъ за дѣла въ Салховѣ, что вы и не вспомнили о Зеегаузенѣ? Или г-жа Беккеръ привязала васъ своими рыжими волосами? Берегитесь! съ г. Беккеръ нельзя шутить.

— Я не зналъ, что вы можете быть такими жестокими.

— Только теперь я открыла въ себѣ этотъ

талантъ, — шутливо отвѣтила Клементина. — Да и вообщее я только что открыла себя. Развѣ вы не находите, что я сдѣлалась совершенно другою?

— Въ самомъ дѣлѣ, — фрейлейнъ Клементина, я едва узнаю васъ.

— И я себя тоже. И видите, всему причиною — вонъ та великая чародѣйка!

И она указала при этомъ рукою на шедшую впереди Элеонору.

— Фрейлейнъ Риттеръ? — само собою понятно!

Онъ сказалъ это въ такомъ странномъ подавленномъ тонѣ, а его любимое словцо такъ своеобразно протянулось, что Клементина посмотрѣла на него быстрымъ удивленнымъ взглядомъ. Онъ только что еще былъ очень краснымъ въ лицѣ, а теперь на столько-же поблѣднѣлъ. Верхняя губа его съ свѣтлорусою бородкою нервно подергивалась, а его блѣдные глаза имѣли какой-то стеклянный блескъ.

— А-а! — прошепала Клементина. И когда онъ, очевидно, совсѣмъ забывши про нее, молча зашагалъ дальше, она окликнула его, положивъ руку на его плечо: — Гвидонъ!

Онъ остановился и пристально посмотрѣлъ на нее съ безпомощно смущенною улыбкою.

— Гвидонъ, вы всегда мнѣ говорили, что послѣ вашей мамà я самый лучшій вашъ другъ на

свѣтѣ. Не пришелъ-ли тотъ моментъ, когда я могу доказать это?

Съ того момента, когда онъ сегодня вечеромъ встрѣтилъ Ульриха подъ каштанами у озера, его тайна была у нею постоянно на языкѣ; тщетно онъ искалъ мужества для своей исповѣди въ шампанскомъ. Но это было такъ тяжело высказать предъ человѣкомъ, хотя бы онъ былъ его самый уважаемый другъ. Но ей, которую онъ любилъ, какъ свою сестру, ей онъ могъ, даже долженъ былъ сказать.

И онъ разсказалъ это ей въ своей прямодушной простой манерѣ: какъ онъ полюбилъ Элеонору при первомъ взглядѣ на нее — такъ кажется это ему теперь — и во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ онъ долженъ былъ разстаться съ нею въ Берлинѣ, на вокзалѣ. И какъ онъ съ того времени не имѣлъ ни одной покойной минуты, и какъ его измѣнившееся поведеніе обратило вниманіе его матери — самопонятно — и какъ онъ ей откровенно сознался во всемъ и такъ хорошо описалъ Элеонору, какъ только онъ это могъ. И какъ его добрая мама тогда сказала ему: если эта дама соотвѣтствовала бы его описанію, — а она не сомнѣвается въ этомъ — то пусть она была-бы тою дѣвушкою, которую она всегда желала имѣть своею невѣсткою, и что онъ долженъ съ ея благословеніемъ испытать свое счастіе. Онъ это и сдѣлалъ потомъ — въ послѣдній день въ Берлинѣ, — но Элеонора, кото-

рая, конечно, во всемъ прочемъ была сама доброта, объявила ему, что ея сердце болѣе не свободно. Клементина можетъ вообразить себѣ все его отчаяніе. Сперва онъ хотѣлъ себя убить; но подумалъ о своей мамà и — оставилъ эту мысль — само собою разумѣется! А теперь нужно представить себѣ его радостный испугъ, когда онъ, въ тотъ же самый вечеръ, у ея превосходительства — тетушки — встрѣтилъ дамъ и узналъ отъ нихъ, что Элеонора идетъ съ ними въ Зеегаузенъ. Въ своемъ восхищеніи онъ, должно быть, сказалъ такія вещи, которыя генеральша и Китти, какъ онъ теперь узналъ, къ своему сожалѣнію, неправильно истолковали для себя, хотя онъ и не можетъ отрицать, что для него важность оставаться съ ними въ добромъ согласіи, неожиданно стала весьма понятною. Это, конечно, было-бы безграничною глупостью предаваться еще и теперь надеждамъ. Но его мамà, когда онъ сообщилъ ей о своемъ неудачномъ предложеніи, сказала: въ жизни такой прекрасной дѣвушки, какъ Элеонора, и которая, какъ она предполагаетъ, вышла изъ своихъ „teens“, вообще нѣтъ ни одного момента, когда бы она могла совершенно свободно располагать своимъ сердцемъ. Въ немъ все еще скрывается образъ послѣдняго поклонника. И все дѣло только въ томъ, чтобы вытѣснить этотъ образъ. А это всегда, пожалуй, можетъ стоить трудовъ; но, если дѣйствительно любишь, не нужно жалѣть

трудовъ. И онъ никакихъ трудовъ не пожалѣлъ-бы — самопонятно; и такимъ образомъ онъ предварительно переселился въ Салховъ, къ крайнему удивленію. г. и г-жи Беккеръ, которые совершенно не знали, чего онъ тамъ хочетъ и, говоря откровенно, онъ и самъ не знаетъ этого хорошенько-то.

— Вѣдь вы понимаете, фрейлейнъ Клементина, — заключилъ онъ свою исповѣдь, — то странное положеніе, въ которомъ я нахожусь. Если я не являюсь въ Зеегаузенѣ, то я также хорошо могъ бы оставаться въ Вендельгофѣ. И если я приду, то ваша мама и Китти будутъ думать, что я прихожу ради Китти. И это для меня самая мучительная мысль — самопонятно! Теперь посовѣтуйте мнѣ, добрѣйшая Клементина! Что мнѣ дѣлать?

Между тѣмъ какъ Клементина заставила говорить Гвидона, не прерывая его, она имѣла время обсудить, что ей отвѣтить на этотъ вопросъ, которымъ онъ, безъ сомнѣнія, закончилъ бы свою рѣчь. Что Гвидонъ любитъ Элеонору — это казалось ей, какъ только онъ сказалъ это, совершенно понятнымъ, даже чѣмъ-то неизбѣжнымъ, но за то предположеніе, что Элеонора должна отвѣчать на эту любовь, столько же нелѣпымъ. Но чѣмъ дольше говорилъ Гвидонъ, тѣмъ болѣе, къ своему собственному удивленію, она чувствовала себя склонною сдѣлать уступки съ этой стороны. Хотя внутренно она довольно

Bayerische Staatsbibliothek München

часто смѣялась надъ нимъ, или въ своей благодушной манерѣ открыто дразнила его, но она знала, что онъ былъ совершенный джентльменъ съ прекраснѣйшимъ сердцемъ и съ любящею и нуждающеюся въ любви душею. Если бы это только была не Элеонора, которую онъ любилъ! И именно Элеонора должна была быть въ состояніи, какъ такая, въ полной мѣрѣ оцѣнить такое благородное, прямое сердце, какъ сердце Гвидона. И какъ роскошно она принимала бы гостей въ своемъ княжески богатомъ домѣ! Разумѣется, если ея сердце не было болѣе свободно, какъ она сказала Гвидону! Но развѣ не всегда это говорятъ молодыя дѣвицы, если онѣ не знаютъ, что имъ иначе сказать, чтобы освободиться отъ ухаживателя? Или она — что болѣе, чѣмъ вѣроятно, не хвасталась этимъ. Тогда опять умная мама Гвидона была права. Во всякомъ случаѣ нельзя было похитить всякую надежду у бѣднаго человѣка, который, очевидно, близокъ былъ къ отчаянію. Теперь, когда Гвидонъ окончилъ свою рѣчь, которая на этотъ разъ, исключительнымъ образомъ, такъ ясно лилась у него изъ устъ, и она была также готова съ своимъ отвѣтомъ.

— Любезный Гвидонъ, — начала она, — сперва: я поздравляю васъ съ вашимъ выборомъ. Болѣе благородной дѣвушки, какъ Элеонора, не существуетъ. Собственно она должна бы быть царицей.

— Совершенно такъ, какъ я только-что сказалъ Ульриху! — въ восхищеніи воскликнулъ Гвидонъ. „Настоящая, урожденная принцесса“ — сказалъ я.

— Знаетъ Ульрихъ о вашей любви?

— Ни слова! То есть: онъ мой лучшій другъ, — вы думаете, что я долженъ бы...

— Я думаю, вы ничего ему не скажете. Я совсѣмъ неопытна въ этихъ дѣлахъ. Но между вами, мужчинами, мнѣ кажется, такія признанія всегда — ваше собственное дѣло. И онъ возвратился изъ путешествія крайне разстроеннымъ и, можетъ быть, не такъ ласково выслушалъ бы васъ, какъ вы ожидаете.

— Вы ангелъ, Клементина, — сердечно произнесъ Гвидонъ, взявъ ея руку и поднося къ своимъ губамъ. Вы не забываете ничего. Но что вы мнѣ посовѣтуете теперь дѣлать?

— Тутъ трудно посовѣтовать, — отвѣтила Клементина. — Я думаю только, что если мужчина объясняется въ своей любви къ дѣвушкѣ, а она ему должна отказать, потому что ея сердце болѣе не свободно, то ради этого она не можетъ еще потерять расположеніе къ нему. Вы вѣдь, сказали мнѣ также, что Элеонора очень любезна и добра была къ вамъ и сама предложила вамъ свою дружбу. Если она это сдѣлала, то она также и думала — фразъ она не знаетъ. Слѣдовательно, она и дальше будетъ къ вамъ любезна и добра, и вы пока не можете

ничего болѣе ожидать и требовать. Это все-таки нѣкоторое сближеніе, и чѣмъ болѣе Элеонора будетъ имѣть случаевъ видѣть васъ и наблюдать за вами, тѣмъ больше она научится и цѣнить васъ.

— Если бы только это случилось, — пробормоталъ Гвидонъ. — Вы знаете, у меня нѣтъ преувеличенно высокаго мнѣнія о себѣ. Я — да, да, я знаю, что вы хотите сказать: я не долженъ падать духомъ. И онъ у меня есть; я могъ бы для нее сдѣлать все, — все! Но случай!

— На сегодня онъ пропущенъ, — сказала Клементина, и въ этомъ еще, можетъ быть, нѣтъ никакого несчастія. Это лучше, вы прежде всего снова увидались и обмѣнялись нѣсколькими учтивыми словами. Затѣмъ завтра вы сдѣлаете намъ послѣобѣденный визитъ, извинитесь, что не могли раньше придти, а на слѣдующій день должны были-бы вернуться назадъ — въ Вендельгофъ. Дольше здѣсь ужъ ради Китти вы не можете оставаться.

— Развѣ не будутъ все еще думать, что все что̀ бы я ни дѣлалъ, я дѣлаю это ради вашей сестры?

— Этого едва-ли возможно будетъ избѣгнуть; но тутъ мы ничего не можемъ измѣнить. А въ одинъ изъ слѣдующихъ дней мы намѣрены сдѣлать вашей мама̀ визитъ. Я вамъ дамъ знакъ и вы, разумѣется, должны придти. Можетъ быть, вы устроите это такъ, что бы это похоже

было на случайность. Если же нѣтъ, то вы должны взять рискъ на себя.

— Я беру его на себя.

— Хорошо. При второмъ случаѣ не придется такъ много рисковать: пятнадцатаго числа у насъ будетъ озерный праздникъ.

— И это совсѣмъ не опасно. Ахъ, Боже мой! Клементина, какъ вы добры и умны!

— Я сама удивляюсь себѣ. Кажется, если совсѣмъ нѣтъ повода, какъ у меня, дѣлать глупости за свой собственный счетъ, то относительно легко быть умною для другихъ людей. Но теперь подойдемъ немного; тѣ оба остановились. О Боже, мы уже у нашего парка! Какъ это возможно?

Глава девятая.

Хотя сообщеніемъ Гвидона Ульрихъ подготовленъ былъ къ возможности встрѣчи съ Элеонорою, все же эта неожиданная встрѣча у окраины лѣсочка въ первую минуту совершенно лишила его присутствія духа. Онъ дрожалъ всѣми членами и не осмѣливался открыть глазъ изъ опасенія выдать себя. Когда онъ рисовалъ себѣ въ своей фантазіи эту встрѣчу, — а онъ это часто дѣлалъ, — это было что-то другое, чѣмъ теперь. Тогда они находились бы од-

ни — онъ и она — они бросились бы въ объятія и клялись бы никогда, никогда не оставлять другъ друга. Теперь это были четверо незнакомыхъ глазъ, предъ которыми слѣдовало учтиво раскланяться, четыре чуждыхъ уха, чтобы обмѣняться предъ ними нѣсколькими пустыми фразами. А когда теперь дѣйствительно ихъ свела смѣшная выдумка Клементины, то разстояніе между ними и тѣми сначала было такъ незначительно, что могли только вести вслухъ какой нибудь банальный разговоръ, при которомъ одинъ изъ нихъ не зналъ, что онъ сказалъ, и что другой отвѣчалъ. Хотя наблюдающіе глаза и оставались позади нихъ, они ни разу не могли подать другъ другу руки до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, разстояніе между ними настолько увеличилось, что сдѣлался возможнымъ свободный, полугромкій разговоръ.

— Элеонора, любишь-ли ты меня еще? — началъ Ульрихъ.

— Да, отъ всего моего сердца.

— И я тебя — невыразимо. Ахъ, я сомнѣвался въ твоей любви. И какъ мнѣ было не сомнѣваться, послѣ того какъ ты такъ выровалась отъ меня въ Нордернеѣ и написала мнѣ прощальное письмо! Я провелъ ужасныя недѣли. Теперь опять все хорошо. Теперь я знаю, что ты меня любишь. Вѣдь ты не была бы здѣсь, если бы не сдѣлала этого.

Элеонора испугалась до глубины души, и въ

ней зашевелилось что-то, какъ бы отъ оскорбленной гордости. И онъ еще могъ думать, что она добровольно здѣсь и все такъ устроила мудро, что они должны были снова встрѣтиться. Ни одного момента болѣе не могла она оставлять его въ этомъ заблужденіи.

— Нѣтъ, — сказала она въ нѣжномъ, но твердомъ тонѣ голоса, — это не такъ. Что меня привело сюда — это случай, газетное объявленіе. Я и не подозрѣвала объ отношеніяхъ генеральши къ тебѣ. Я думала, что ушла къ незнакомымъ людямъ и въ незнакомую страну. Все это я узнала лишь тогда, когда не могла вернуться назадъ.

— То есть, если бы ты знала то, что̀ ты теперь знаешь, то не прибыла бы сюда?

Печальный тонъ, въ которомъ онъ сказалъ это, глубоко тронулъ ее; но это не могло быть иначе.

— Нѣтъ,. — сказала она въ томъ же кроткомъ, но твердомъ тонѣ, — я бы не пришла.

— Ахъ! — простоналъ онъ.

И потомъ послѣ короткой мучительной паузы, когда онъ слышалъ только ея тяжелые вздохи: такъ это все было лишь пустой сонъ. Мнѣ только снилось, что мы любили другъ друга. Твои ласковыя рѣчи, твои милые взоры, поцѣлуй твоихъ устъ — все, все это было лишь однимъ сномъ! Мое отчаяніе потерять тебя, безграничное желаніе свиданія съ тобою, всѣ тѣ ужасно про-

веденныя ночи, пустые, потерянные дни, горькая боль въ собственномъ сердцѣ и ту, которую я приготовилъ другимъ сердцамъ — и этотъ теперь безумный восторгъ, когда я снова увидалъ тебя — все это напрасно! все это ни къ чему! А ты говоришь, что еще любишь меня!

Элеонора должна была молча вынести эту бурю — молча и дрожа отъ болѣзненнаго ожиданія. Она чувствовала, что никогда еще такъ не любила Ульриха, какъ въ эту минуту, и что, если бы онъ теперь взялъ ее въ свои руки, усадилъ бы на своего коня и умчался бы съ нею, — она безъ сопротивленія сдѣлалась бы его собственностью. И потомъ она подумала о той блѣдной женщинѣ, рядомъ съ которою она только-что сидѣла въ каретѣ, и о дѣвочкѣ, напротивъ нея, съ большими, меланхолическими, ищущими любви глазами.

— Ульрихъ, — сказала она дрожащимъ голосомъ, — выслушай меня спокойно, — умоляю тебя, если не ради тебя, то — по крайней мѣрѣ, для меня! Я повторяю тебѣ: я люблю тебя, можетъ быть — болѣе, чѣмъ когда-либо. Что пережилъ ты — и я это пережила; что перестрадалъ ты — и я ни-сколько не избавлена была отъ этого. И все-таки еще разъ скажу: если бы я съ самого начала знала, что я тебя найду здѣсь, а убѣжала бы, куда бы не занесли меня мои ноги. Потомъ, когда я уже была здѣсь, я сказала себѣ: это воля судьбы: ты должна имѣть случай загладить все,

насколько это возможно. А онъ, который благороденъ и привыкъ разсуждать справедливо и не можетъ жить въ несправедливости также мало, какъ и ты, — онъ поможетъ тебѣ. Да, Ульрихъ, ты долженъ помочь мнѣ! И ты поможешь мнѣ, хотя ты теперь и внѣ себя и называешь меня измѣнницею. А вонъ тамъ и другіе, которые намъ помогутъ. Вотъ Клементина. Мнѣ нужно только взглянуть въ ея душевныя черты, чтобы знать, какъ героически переносятъ самыя тяжелыя страданія. Вотъ твоя жена...

— Ради Бога, — глухо произнесъ Ульрихъ, — ничего объ ней!

— Да, объ ней! — твердо настаивала Элеонора; — я должна объ ней говорить. Прежде я имѣла объ ней ложное представленіе; теперь я узнала ее. Она не всегда можетъ удовлетворить такому умному человѣку, какъ ты; но она не глупа и честна и во многихъ отношеніяхъ во сто разъ лучше меня. И она любитъ тебя, Ульрихъ, любитъ безгранично. Ульрихъ! дорога ко мнѣ идетъ по ея трупу! Въ этомъ я теперь такъ крѣпко убѣждена, какъ въ своей собственной жизни, и ты, Ульрихъ, точно также. Ты съ намѣреніемъ обманываешь себя, когда ты стараешься убѣдиться, что это обстоитъ иначе. Въ рѣшительный моментъ ты не могъ бы сдѣлать этого. Ради чего допускать тотъ моментъ, предъ которымъ мы должны были бы

стоять пристыженными, или черезъ который перенесло бы насъ только ужасное преступленіе? Говорить-ли мнѣ еще о твоихъ дѣтяхъ? Ульрихъ, съ такими дѣтьми нельзя считать себя несчастливымъ.

Она замолчала, потому-что отъ возбужденія немогла далѣе продолжать.

Ульрихъ не тотчасъ отвѣтилъ, а потомъ — и въ такомъ тонѣ, который пронзилъ ея душу: Ты вѣдь, за это время, все отлично обдумала. Можетъ быть, ты будешь теперь еще такъ добра сказать мнѣ, что̀ бы ты желала, чтобъ я сдѣлалъ.

Какъ онъ долженъ былъ ужасно страдать, что могъ говорить съ ней такъ жестоко и сурово! Но отступать она не могла и не хотѣла.

— Я не ожидала такого вопроса, на который ты самъ себѣ долженъ отвѣтить, — сказала она грустно.

— Почему нѣтъ? — сказалъ онъ въ томъ-же горькомъ тонѣ. — Почему я не долженъ также и въ этомъ пунктѣ позволить себя поучить? Вѣдь я долженъ былъ сегодня вечеромъ многому новому научиться.

— Ульрихъ, развѣ ты не чувствуешь, что отнимаешь у меня такимъ образомъ и самое единственное и послѣднее: вѣру къ тебѣ?

Онъ язвительно засмѣялся: „Почему-же и это нѣть, если уже все другое потеряно!“

— Тогда мы видѣлись, стало-быть, въ пос-

лѣдній разъ. Я теперь оставлю это мѣсто, какъ только представится удобный случай. Твоя супруга просила меня навѣстить ее. Я охотно согласилась, въ полной увѣренности, что ты меня поймешь и поможешь мнѣ, какъ другъ. Такъ какъ ты не хочешь быть имъ —

— Конечно! когда предлагаютъ любовь, а взамѣнъ этого даютъ простую дружбу!

— Были и есть мужчины, которые гордятся моею дружбою.

— Напримѣръ-вашъ Ганноверскій спутникъ. Онъ не находилъ еще такой дамы, которая такъ облегчала-бы ему бесѣду! Это было восхитительно — просто восхитительно — само-собой понятно!

— Для дамы всегда пріятно имѣть джентльмена, который былъ-бы ей обязанъ.

— Покончимъ мы этотъ смѣшной разговоръ жестокимъ оскорбленіемъ! — Если кто изъ насъ обоихъ имѣетъ право быть обиженнымъ, такъ это я.

— Какъ это и нельзя было иначе ожидать въ разговорѣ съ человѣкомъ, который безъ сомнѣнія не джентльменъ.

— Довольно!

Элеонора остановилась и быстро обернулась, махая платкомъ Клементинѣ и Гвидону. Ея дыханіе было порывисто, тонкія ноздри вздрагивали отъ раздраженнаго волненія. И изъ-за

этого-то безчисленныя горячія слезы! Ни одна не должна больше омочить ея рѣсницы.

Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, устремивъ на нее пристальные, пылающіе глаза, желая уничтожить ее взглядомъ, и, въ тоже время, съ сумасброднымъ желаніемъ, въ присутствіи тѣхъ обоихъ, которые теперь поспѣшно приближались, прижать къ своей груди и покрыть ея гордыя уста горячими поцѣлуями.

— Боже мой, — воскликнула Клементина, подходя задыхаясь.

— Вотъ вы бѣжали! Должно быть интересный разговоръ былъ! Ни одного раза вы не обернулись къ намъ.

— Да, дѣйствительно, — сказалъ Гвидонъ, — ни одного раза! Фрейлейнъ Клементина была въ отчаяніи. Про себя я не могу говорить — само-собой понятно.

— Вы, неблагодарный, — воскликнула Клементина, — развѣ я для васъ не была интересна?

— И вы были, — отвѣтилъ Гвидонъ, — до восхищенія. Но это не можетъ препятствовать, чтобы я съ прискорбіемъ не почувствовалъ лишенія общества уважаемой фрейлейнъ.

Онъ обратился къ Элеонорѣ, которой удалось, улыбаясь, отвѣтить нѣсколько вѣжливыхъ словъ.

— Вознаградите себя завтра! — сказала Клемеитина.

Графъ Гвидонъ хочетъ намъ сдѣлать завтра

послѣ обѣда визитъ; можетъ быть и ты присоединишься къ нему, Ульрихъ?

— Я боюсь, именно завтра не будетъ у меня времени, — отвѣтилъ Ульрихъ.

— Ну, тогда — въ другой разъ! Но право, Элеонора, мы должны спѣшить домой, иначе мы получимъ хорошій выговоръ. До свиданія!

Она подала руку Ульриху и Гвидону; и Гвидонъ простился съ Элеонорой съ глубокимъ поклономъ и дружескимъ рукопожатіемъ. Клементинѣ показалось страннымъ, что Элеонора и Ульрихъ удовольствовались однимъ поклономъ.

Глава десятая.

Ворота въ паркъ со скрипомъ заперлись за дамами; Фридрихъ стоялъ съ лошадьми въ готовности. Кавалеры усѣлись на лошадей и поѣхали рысью назадъ, тѣмъ же путемъ, которымъ они только-что прибыли. На западной сторонѣ вечерняя заря почти поблѣднѣла: однако, было еще довольно свѣтло, такъ что можно было ѣхать безъ особенной осторожности. Такимъ образомъ чрезъ нѣсколько минутъ они достигли лѣсочка на границѣ Салхова, гдѣ они прежде встрѣтили дамъ.

— Ну, что скажете вы? — воскликнулъ Гви-

донъ, неожиданно прерывая молчаніе, которое царствовало до того времени; — развѣ я слишкомъ много утверждалъ?

— Что вы утверждали? — переспросилъ Ульрихъ, пробужденный отъ своихъ непріятныхъ думъ.

— Какъ вы спрашиваете! что фрейлейнъ Элеоноры нельзя сравнивать ни съ какою другою дамою.

— Фрейлейнъ Элеонора! Посмотри-ка! Вѣдь это уже звучитъ очень по-пріятельски!

— Извините! Это такъ вырвалось у меня. Я долженъ бы во всякомъ случаѣ фрейлейнъ Риттеръ сказать.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь — въ особенности передъ своимъ старымъ другомъ! Скажите-ка лучше прямо, что вы обожаете ее!

— Я... обожаю фрейлейнъ Риттеръ? — вскричалъ Гвидонъ съ смущенною улыбкою. — Какъ пришла къ вамъ, ради Бога, эта странная мысль?

— Какъ приходитъ нѣчто подобное, если комбинируютъ извѣстныя вещи. Напримѣръ, ваша встрѣча съ красивою дамою въ день, коего число вы такъ отчетливо помните; по цѣлымъ часамъ пріятный разговоръ, — а разговаривать она горазда — sapristi! — Потомъ она является у насъ — я оставляю въ сторонѣ, случайно или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, — вы первый, который это узнаетъ и изъ своего зна-

нія тотчасъ же дѣлаетъ соотвѣтствующее употребленіе, какъ это доказываетъ и ваше присутствіе здѣсь, въ Салховѣ. Только вы, мнѣ кажется, дѣйствуете нѣсколько робко. Пропустить два дорогихъ дня! Конечно, съ моею тещею шутить нельзя, и Китти очень легко ухватится за всю руку, если ей подаютъ маленькій палецъ. Съ другой стороны: кто не отваживается, тотъ не выигрываетъ. А съ этимъ — болѣе уже не новымъ, но испытаннымъ совѣтомъ желаю вамъ — покойной ночи!

Выѣхавъ изъ лѣсочка, они прибыли на одно мѣсто, гдѣ отъ общинной дороги помѣщичья дорожка прямо вела во дворъ имѣнія Салховъ. Прежде чѣмъ Гвидонъ, удивленный, даже испуганный странною рѣчью своего друга, могъ выговорить хоть одно слово, этотъ послѣдній пришпорилъ Робина и скрылся отъ него въ вечерней темнотѣ. Онъ охотно послѣдовалъ бы за нимъ, въ увѣренности, что догонитъ его. Викторъ былъ еще бодръ и болѣе прыткій конь. Но къ чему бы это послужило? Ульрихъ, видимо, желалъ остаться одинъ.

Ульрихъ желалъ остаться одинъ; онъ не могъ бы ни одной минуты долѣе выносить сопровожденіе этого — въ другое время пріятнаго ему человѣка. А что и какъ онъ тутъ только что сказалъ — Гвидонъ имѣлъ право чувствовать себя оскорбленнымъ. Можетъ быть, завтра утромъ онъ пошлетъ ему вызовъ. Теперь ему

было все равно. И онъ имѣлъ безспорное право: онъ не былъ-бы Гвидономъ, если бы его сердце не размягчилось. А Клементина была его повѣренная — вѣдь она пять минутъ говорила съ нимъ! Результатъ — предполагаемый на завтра визитъ и такъ далѣе. И она — о, Боже! она — графиня Венделина! Вотъ это было бы не дурно! Натурально, слѣдовало бы прежде всего отдѣлаться отъ стараго поклонника. Но ничего нѣтъ легче этого! Ему только-что дали отставку подъ предлогомъ, что онъ благословленъ былъ женою и дѣтьми! Но вѣдь это, моя дорогая, вы должны были знать еще въ Нордернеѣ! Но чего не дѣлаютъ отъ милой скуки! Нашъ братъ идетъ на заячью охоту; а ей подобныя заводятъ маленькую пріятную интрижку съ первымъ попавшимся. Вѣдь это ни къ чему, абсолютно ни къ чему не обязываетъ, если вслѣдъ затѣмъ можно прекрасно говорить о долгѣ! И я глупецъ ее любилъ! Вотъ такъ, Робинъ! Иди шагомъ! Она не достойна того, чтобы мы изъ-за нея ломали себѣ шею. А домой мы оба прибудемъ все еще рано.

Уже наступила ночь, когда Ульрихъ на сильно усталомъ Робинѣ въѣхалъ на свой дворъ. Герта, которая уже съ часъ тому назадъ вернулась домой, только что усѣлась съ мадемуазелью Дидье за чайный столъ, — такъ какъ ждать болѣе казалось безполезнымъ, — какъ она услыхала со двора его голосъ, гдѣ онъ го-

ворилъ съ г. Пазедагомъ. Мадемуазель, которая только-что подала своей госпожѣ чашку, замѣтила, что мадамъ, которая и безъ того вернулась очень блѣдною изъ ея поѣздки, поблѣднѣла еще болѣе и чашка задрожала въ ея рукѣ. Мадамъ опустилась въ кресло, очевидно въ предположеніи, что г. баронъ тотчасъ-же войдетъ въ комнату. Но шаги барона направлялись чрезъ сѣни въ его комнату. Мадамъ продолжала сидѣть, не двигаясь, съ полузакрытыми глазами. Не шевелилась и мадемуазель и наблюдала за паровыми облачками, которыя поднимались изъ водяного котелка, крышка котораго время отъ времени стучала. Это былъ единственный шумъ, если не считать равномѣрнаго „тикъ-такъ“ маятника на карнизѣ камина.

Такъ прошло десять минутъ. Затѣмъ мадамъ попросила ее беззвучнымъ голосомъ позвонить въ столовый колокольчикъ, послѣ чего явился Иванъ и получилъ приказаніе сообщить барину, что г-жа баронесса ожидаютъ его къ чаю.

Спустя нѣсколько минутъ Иванъ пришелъ снова и доложилъ, что г. баронъ проситъ баронессу не ждать его; что г. баронъ послѣ такого жаркаго дня чувствуетъ себя нѣсколько утомленнымъ и желаетъ тотчасъ-же отправиться въ постель.

Мадамъ сказала: хорошо, Иванъ! но продолжала сидѣть, отклонившись назадъ и не при-

касаясь къ своему чаю, который между тѣмъ, конечно, долженъ былъ сдѣлаться холоднымъ.

На вопросъ гувернантки, не можетъ-ли она налить ей свѣжую чашку — не послѣдовало никакого отвѣта. Такимъ образомъ и мадемуазель молча должна была выпить свой точно также остывшій чай и также тихо съѣла при этомъ свой бутербродъ, на сколько это позволяли ея фальшивые зубы. У мадемуазель не было къ мадамъ никакого влеченія; но когда она, время отъ времени украдкою взглядывая на нее, видѣла, что она поблѣднѣла еще больше и ея голова страннымъ образомъ качалась туда и сюда, ей стало жалко ея, и она спросила, не чувствуетъ ли себя мадамъ нездоровою, и не можетъ-ли она что-нибудь сдѣлать для нея.

Но и на этотъ вопросъ не послѣдовало никакою отвѣта. Тогда мадемуазель встала и пошла въ спальную комнату госпожи, гдѣ, какъ она знала, на туалетномъ столикѣ стоялъ флаконъ съ англійскою солью.

Мадемуазель могла пробыть тамъ, по ея разсчету, не болѣе трехъ минутъ.

Поэтому она не мало испугалась, когда снова войдя, она не замѣтила мадамъ въ ея креслѣ за чайнымъ столомъ, и потомъ, съ удивленіемъ осмотрѣвшись вокругъ, она увидала ее посреди комнаты на коврѣ, лежащею на спинѣ и совершенно безъ движенія. Въ первую минуту она подумала, что мадамъ умерла — что она находила

вполнѣ понятнымъ. Но этого не было: чрезъ нѣсколько минутъ мадамъ оправилась на столько отъ своего припадка, что могла оттолкнуть флаконъ, который мадемуазель постоянно держала передъ нею и медленно подняться съ ея помощію.

Мадемуазель не мало удивилась силѣ характера своей госпожи. Но ей было довольно непріятно, когда мадамъ, отвергнувъ ея помощь, нѣсколько глухимъ, но спокойнымъ голосомъ сказала: я хочу идти спать. Пожалуйста, оканчивайте вашъ чай одни! А потомъ посмотрите еще разъ за Лили. У ней была передъ тѣмъ нѣсколько горячая головка. И еще одно: не говорите ничего барону! это напрасно напугало бы его. Подобнаго рода припадки у меня были и прежде довольно часто; они ничего не значатъ.

Глава одиннадцатая.

Клементина была не мало удивлена, когда Элеонора, въ то время какъ онѣ поспѣшно черезъ паркъ шли къ дому, вмѣсто того чтобы излиться въ восторженныхъ похвалахъ объ Улирихѣ, сперва, не говоря ни слова, шла рядомъ съ нею и потомъ на ея усердные прямые вопросы: какъ понравился ей ея зять? не показался-ли онъ ей любезнѣйшимъ кавалеромъ? — дала лишь скудные и уклончивые отвѣты. Въ

ея чрезмѣрномъ поклоненіи предъ Ульрихомъ она могла найти для такого страннаго поведенія лишь одно объясненіе, именно: впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Элеонору, было непобѣждающее; она тотчасъ-же и безнадежно влюбилась въ него. Надъ этимъ она могла бы искренно посмѣяться, если бы дѣло не имѣло и своей серьезной стороны. Она сама могла бы безнадежно любить, это ничего не значило, она ничего не могла ожидать отъ жизни. Но Элеонора — это было совсѣмъ другое дѣло; это могло быть большимъ несчастіемъ и не для нея одной. Ульрихъ не былъ счастливъ въ своей супружеской жизни; никто не зналъ этого лучше, чѣмъ она; и если существовала на землѣ одна, которая, казалось, создана была для него, то это была Элеонора. И этому несчастію она первая помогла, когда она предъ тѣмъ свела ихъ обоихъ, гордясь своею хитростью, съ какою она устроила это свиданіе. Между тѣмъ какъ Гвидонъ — да, вотъ это было-бы кстати! Это могло бы послужить, по меньшей мѣрѣ, выходомъ: Элеонора должна выйти за Гвидона. Ей хотѣлось за него говорить, показать его ей въ самомъ лучшемъ свѣтѣ. Можетъ быть, она потомъ и обратила-бы свои гордые глаза съ Ульриха на этого добраго человѣка, который, вѣдь, дѣйствительно заслуживалъ того, чтобы его любили, и который всячески старался, бы чтобы осчастливитьее.

Эти мысли занимали Клементину во время ужина, за которымъ мама въ видимо хорошемъ настроеніи духа говорила почти одна. Что графъ Гвидонъ уже со вчерашняго утра находился въ Салховѣ, не показываясь сюда, это было, конечно, большимъ проступкомъ съ его стороны, и онъ долженъ былъ за это, если бы онъ только на утро прибылъ сюда, получить хорошій выговоръ. Это его давнишняя робость! естественно! Но она такъ шла къ нему! Безъ нея онъ не былъ бы и на-половину тѣмъ любезнѣйшимъ кавалеромъ, каковымъ онъ былъ, и которому она преимущественно предъ всѣми другими отдавала предпочтеніе. Само собою разумѣется, предполагаемый визитъ у графини матери слѣдуетъ отложить до тѣхъ поръ, пока онъ не можетъ участвовать въ загородной поѣздкѣ — предложеніе, котораго не одобряла Китти; по ея мнѣнію, не слѣдовало баловать молодыхъ людей, они и безъ того довольно высокомѣрны.

Въ своей разговорчивости мама, казалось, и не замѣтила молчаливость Элеоноры; но для Клементины она была худымъ признакомъ, который только подтверждалъ ея подозрѣніе, — подозрѣніе, которое почти стало увѣренностью, когда Элеонора, послѣ того какъ онѣ были наверху въ своихъ комнатахъ, не поболтавъ обычный часокъ и ни разу не поцѣловавъ ее, разсталась съ нею съ пожеланіемъ „покойной ночи“, какъ бы разсѣянно брошеннымъ.

Для Элеоноры это была худая ночь. Какъ могла бы она даже только подумать о снѣ! Предъ ея глазами всегда стоялъ онъ, любимый мужчина, его прекрасное, благородное лицо, искривленное отъ раздраженнаго отчаянія. Развѣ онъ не былъ въ правѣ — быть сердитымъ и отчаявшимся? Онъ требовалъ отъ нея невозможнаго. Но, великій Боже, онъ былъ именно мужчина и онъ любилъ ее — слѣдовало-ли ему терпѣливо покориться своей судьбѣ? Любила бы она его, если бы онъ это сдѣлалъ? И могла ли она, которая была подготовлена къ этой встрѣчѣ, приготовила каждое слово — на его вспыльчивость отвѣтить вспыльчивостію, на его колкость — колкостью, на его оскорбленія — оскорбленіями? Развѣ онъ не былъ джентльменъ? Кто же былъ послѣ этого? слѣдовало ли ему улыбнуться, въ то время какъ она попирала его сердце? Не онъ, — а она была мелочна и жалка. Съ того самаго часа онъ имѣлъ право презирать ее.

Пускай! Можетъ быть, это было для него самое лучшее. Затѣмъ онъ стеръ бы ее съ доски своихъ воспоминаній и написалъ-бы на ней имя своей жены, или какое это ни было другое имя. А она пошла бы своею дорогою дальше, — уединенною дорогою, изъ темноты въ темноту. Ибо это одно было для нея внѣ сомнѣнія, — темной ночью для нея свѣтилась единственная, неизбѣжная

и безжалостная звѣзда: она могла быть его супругою, но быть его любовницею она не желала никогда.

И такъ прочь, прочь отсюда!

Но какъ это начать? Она должна имѣть нѣчто, что похоже было бы на основаніе. Въ теченіе восьми дней представится больною? Что ослаблена здоровьемъ? Сожалѣть, что она должна будетъ такъ скоро оставитъ такое пріятное положеніе? Или писать теткѣ-тайной совѣтницѣ — и просить ее — вытребовать назадъ свою племянницу для ея больной Тильхенъ? Или жениться на графѣ Гвидонѣ? Почему бы и нѣтъ? Онъ былъ хорошій ѣздокъ, и она любила такъ страстно ѣздить верхомъ! Это превосходно согласовалось одно съ другимъ. Онъ былъ богатъ, а она бѣдна — и это не менѣе. Онъ — само добродушіе, она причудлива; онъ скроменъ, она съ большими претензіями — могла-ли быть болѣе приличная и подходящая пара? И вообще если такъ строго и такъ торжественно серьезно смотрѣть на жизнь, что вышло бы изъ этого? Какъ далеко она при этомъ зашла? Она стала компаньонкою старой дворянской интригантки съ большими жадными зубами и ея куклы-дочери съ глупою кокетливою улыбкою! Цѣпи изъ чистаго золота въ концѣ концовъ не давятъ такъ тяжело. И если онѣ давятъ, ну, тогда и сбрасываютъ ихъ. Это была, вѣдь, мода дня. И почему не продѣлать эту моду?

А моды существуютъ лишь для молодости и красоты. Если старъ и некрасивъ уже не спрашиваютъ болѣе о модѣ, какъ и мода ни о комъ.

Все это волновало ея бьющееся сердце и ея разстроенный мозгъ. И затѣмъ она сидѣла въ постели и не переставая плакала о томъ, котораго она хотѣла сдѣлать безконечно счастливымъ и сдѣлала бы, и который былъ теперь такъ безконечно несчастливъ, какъ и она сама.

Только когда уже стало разсвѣтать, она заснула тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ. Когда она проснулась, былъ уже свѣтлый день; Клементина сидѣла у края ея постели и держала одну ея руку въ обѣихъ своихъ рукахъ.

— Я оставила бы тебя еще дольше спать, моя дорогая. Навѣрное, ты плохо спала; я слышала, какъ ты еще долго возилась въ постели. Но теперь уже десять часовъ, а черезъ часъ мы отправимся въ путь. Куда? — вообрази себѣ: сегодня утромъ, чуть свѣтъ, приходитъ письмецо отъ графини съ просьбою, не пожелаемъ ли мы сдѣлать ей удовольствіе отобѣдать съ нею въ четыре часа дня. Въ надеждѣ на принятіе предложенія она позволитъ себѣ выслать свой экипажъ, чтобы въ немъ удобнѣе было проѣхать для четырехъ дамъ, — понимаешь ты, мое сердце: для четырехъ дамъ! — чѣмъ въ элегантномъ, но тѣсномъ кабріолетѣ мамà. Очень внимательно — не правда-ли? А потомъ, часъ

спустя, еще записочка отъ графа Гвидона: онъ проситъ позволенія сопровождать дамъ верхомъ въ Вендельштейнъ и обѣщается ровно въ двѣнадцать часовъ быть къ услугамъ дамъ. Это будетъ такъ мило. Погода великолѣпна; дорога, по меньшей мѣрѣ на послѣдней половинѣ, очень красивая. Замокъ Вендельштейнъ и паркъ — ну, ты выросла въ княжескихъ палатахъ, но красивѣе онѣ не будутъ. А графиня — я не знаю ни одной такой восхитительной пожилой дамы, и ты увидишь, что она спеціально думала о тебѣ, иначе она не прислала-бы своего ландо. Не правда-ли, моя дорогая, ты вѣдь поѣдешь вмѣстѣ съ другими? Пожалуйста, пожалуйста — для меня!

— Кто же говоритъ тебѣ, что я не хочу? — возразила Элеонора.

Клементина немножко покраснѣла.

— Я думала только, потому что ты такъ худо провела ночь, — нетвердо проговорила она.

Элеонора приподнялась на локтяхъ, пригладила Клементинѣ спутанные, мягкіе волоса, сбившіеся съ ея нѣжнаго чела, и испытующе посмотрѣла въ ея глаза.

— Дитя, сообщилъ тебѣ графъ вчера вечеромъ что-нибудь?

Клементина покраснѣла до ушей, одинъ моментъ она, казалось, обдумывала, сказать-ли ей правду, затѣмъ она смѣло сказала: да! онъ мнѣ разсказалъ все.

— И ты еще думаешь, что я должна принять приглашеніе его матери?

— Даже очень. Если ты не можешь его осчастливить — ты вѣдь ничѣмъ не рискуешь. А если-бы ты, все-таки, могла его ... ахъ, мое сердце, онъ такой добродушнѣйшій человѣкъ и такъ невыразимо любитъ тебя — если-бы ты могла его осчастливить!

Она бросилась въ объятія Элеоноры.

— Ты забавная дѣвушка, — проговорила Элеонора, нѣжно освобождаясь отъ нея. — А теперь иди! Я хочу оправиться и одѣться получше.

Глава двѣнадцатая.

Ровно въ назначенный часъ экипажъ графини остановился предъ домомъ, сопровождаемый графомъ Гвидономъ верхомъ. Экипажъ былъ открытое, обитое серебристо-сѣрымъ шелкомъ ландо, подъ которое заложены были четыре прекрасныхъ свтло-сѣрыхъ жеребца, управляемыхъ двумя жокеями съ сѣделъ. Графъ Гвидонъ соскочилъ со своего блестящаго вороного и поспѣшилъ на верхъ въ галлерею, гдѣ уже его встрѣчали дамы. Онъ поцѣловалъ у генеральши руку, поздоровался съ тремя дѣвицами и только хотѣлъ извиняться, какъ генеральша перебила его. За такой проступокъ, какъ — быть два дня въ Салховѣ и

не заѣхать въ Зеегаузенъ, нѣтъ никакого извиненія, и если она ему прощаетъ, то дѣлаетъ это лишь ради его любезной мамà, которая тоже, конечно, заслуживаетъ немножко выговора. Зачѣмъ было посылать экипажъ? Но безъ избытка въ добротѣ графиня никогда не обходится. Это, она знаетъ не съ сегодняшняго дня.

Генеральша была въ розовомъ настроеніи. Совершенно немотивированное пребываніе Гвидона въ Салховѣ, неожиданное приглашеніе графини, посылка такой блестящей кареты, которою даже сама графиня пользовалась лишь въ очень рѣдкихъ, торжественныхъ случаяхъ — все это могло имѣть лишь одно объясненіе. Здѣсь и для нея важно было — не показывать виду, явиться простодушно веселою. Для Китти дѣло обстояло существенно иначе. Молодая дѣвица, руки которой могутъ просить въ скоромъ времени, не можетъ поступать такъ, какъ будто она ничего не замѣчаетъ. Ей предстоитъ только выборъ — быть-ли дикою розочкою, которая окружаетъ себя колючими шипами, или лотосомъ, который съ опущенною головою молчаливо ожидаетъ наступленія ночи. Оба прелестны; но это зависитъ отъ характера искателя, чѣмъ рѣшается все дѣло. Генеральша и Китти, послѣ краткаго, но содержательнаго совѣщанія, которое онѣ устроили тотчасъ по полученіи приглашенія, согласились на томъ, что въ этомъ случаѣ слѣдуетъ отдать предпочтеніе лотосу. Развѣ

Гвидонъ не представилъ еще разъ разительнаго доказательства своей ребяческой робости! Не подготовить его предварительно — значило-бы отклонить его отъ цѣли.

— И такъ, мое милое дитя, если я могу посовѣтовать, то это именно: принять нѣсколько болѣзненный видъ и по временамъ бросать полный, по возможности горячій взглядъ, но который тотчасъ же долженъ опускаться, — понимаешь ты?

Китти заявила, что она совершенно поняла свою мамочку, и потомъ вышла на-встрѣчу Гвидону въ галлереѣ, согласно полученной инструкціи, къ немалой потѣхѣ Клементины, которая дѣлала глазами Элеонорѣ плутовской взглядъ, на который та отвѣчала утомленною улыбкою.

Платки и шали для обратной поѣздки разложены были въ каретѣ на приличныхъ мѣстахъ; поддерживаемыя Гвидономъ, дамы заняли мѣста; лакеи и егеря вскочили на козлы, а Гвидонъ и конюхъ на лошадей. Поѣздъ открылся.

Это была забавная поѣздка въ рессорномъ, удобномъ экипажѣ, по полямъ, которыя окончили свою лѣтнюю работу и какъ бы сонливо тянулись въ солнечномъ сіяніи; по лугамъ, на которыхъ стояли аисты, которые, казалось, размышляли о своемъ возвратномъ путешествіи; мимо лѣсовъ, которыхъ листва тамъ и сямъ начала уже окрашиваться, между тѣмъ какъ справа, то ближе, то дальше мелькало озеро,

котораго спокойная поверхность свѣтилась, какъ металлическій полированный щитъ. Затѣмъ достигли сѣверо-западнаго угла озера и добрались, какъ объяснилъ Гвидонъ, который вскачь подскочилъ къ каретѣ, изъ Брандтовскаго владѣнія въ Рандовское. Дорога приближалась все болѣе къ помѣщичьему двору и потомъ нѣкоторое разстояніе вела около рѣшетки, похожаго на паркъ сада, аллеи котораго постоянно представляли виды на заднюю сторону господскаго дома. На это обратили вниманіе Элеоноры, которая въ первый разъ ѣхала этою дорогою. Въ отвѣтъ она только кивнула головою. Это былъ, стало быть, его домъ. Тутъ развернулась его жизнь! Эти маленькія, бѣгающія на террассѣ въ бѣлыхъ платьицахъ фигурки были его дѣти — отъ жены, которую онъ не любилъ. А она, которую онъ любилъ, проѣзжала здѣсь по пыльной большой дорогѣ, во ста шагахъ отъ него, даже не предчувствовавшаго объ этомъ, который сто миль пространствовалъ бы босымъ, чтобы увидѣть ее снова! И вчера вечеромъ они отпраздновали свое свиданіе ссорою и разстались во гнѣвѣ!

— Графъ Гвидонъ! — воскликнула генеральша.

— Что вамъ угодно, — отвѣтилъ Гвидонъ, близко приблизившись къ каретѣ, которая теперь ѣхала шагомъ.

— Я только что вспомнила — не можете-ли вы попросить Герту и Ульриха, или по

крайней мѣрѣ — Ульриха, сегодня послѣ обѣда прибыть въ Венделыптейнъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — если-бы я уже не сдѣлалъ этого. Но, открыто говоря, вчера вечеромъ Ульрихъ былъ въ такомъ дурномъ настроеніи, въ такомъ — тише, Викторъ! — въ такомъ странномъ по отношенію ко мнѣ, — такъ что я дѣйствительно не имѣлъ смѣлости...

— Ну, тогда лучше для нихъ остаться дома. И у Герты былъ вчера не хорошій день. Ужасно для такого веселаго темперамента, какъ мой, быть окруженнымъ худо настроенными, меланхолическими людьми. Да, да, милая Китти, я разумѣю тебя! Куда дѣвался твой забавный смѣхъ? Я увѣряю васъ, графъ, что съ нѣкотораго времени мое дитя совсѣмъ перемѣнилось.

— Но, мамочка!

— Ахъ, что! У меня нѣтъ болѣе терпѣнія съ тобою! Добрѣйшій графъ, будьте любезны и помогите мнѣ урезонить мое дитя! Вы единственный человѣкъ, котораго она слушается.

— Я не премину, сударыня...

Гвидонъ былъ радъ, что ему не пришлось договорить. Подковы передней каретной лошади уже стучали по узкому мосту, который здѣсь — въ концѣ парка Вюстеней — велъ черезъ рѣченку, въ которой вода озера устремлялась на сѣверъ, по направленію къ морю. Такимъ образомъ у него было желанное основаніе немного поотстать. О да! если бы она была одна — нѣтъ, нѣтъ! — не

одна! Это привело бы его въ ужасное смущеніе! — Но если бы она сидѣла въ каретѣ съ любезною и доброю Клементиною безъ обѣихъ другихъ дамъ! ей Богу! онъ не отступалъ бы отъ нея! Генеральша была сегодня ужасна съ ея любезною словоохотливостью. О, если бы она была за тридевять земель! И Китти съ меланхолическимъ взоромъ и жалкою улыбкою! Какъ это случилось? Обѣ дамы, очевидно, полагали, что приглашеніе относится только къ нимъ. Онъ уже напередъ сказалъ объ этомъ мамѣ. Но мамѣ отвѣтила: не безпокойся объ этомъ, мой милый! Мама была безгранично умна — самопонятно! — Но какъ она хотѣла это сдѣлать — и главное: подозрѣвала-ли Элеонора, о чемъ тутъ собственно идетъ дѣло? Она выглядѣла сегодня такъ серьезно и довольно торжественно. О, если бы мама тотчасъ же сказала-бы: да, мой милый, вотъ эта, или никакая! — въ этомъ совершенно нельзя было сомнѣваться. Только что-же было-бы этимъ выиграно? Ея сердце принадлежало другому — въ Англіи — само собою разумѣется! Тамъ такъ чертовски много знатныхъ молодыхъ людей — молодцовъ въ 6 футовъ ростомъ, съ ясными, отважными взорами и стальными мускулами. Они не испугались-бы и черта. Это внушаетъ дѣвушкамъ уваженіе. Но мама была права: почему же она снова здѣсь, въ Германіи? терпѣнія, терпѣнія побольше, мой милый!..

И между тѣмъ какъ Гвидонъ повторялъ себѣ утѣшительныя слова матери, онъ замѣтилъ, что подпруга подъ нимъ начала ослабѣвать. Онъ подозвалъ Фридриха и велѣлъ ему подвязать ее покрѣпче. Остановка пришлась ему кстати. Все-таки чрезъ это увеличивалось разстояніе между нимъ и впереди ѣдущею каретою.

— О, царь небесный! Я и не подумалъ объ этомъ! Вотъ генеральша останавливается. Она собаку съѣла. — Такъ, такъ Фридрихъ! Садись-ка опять на лошадь! Въ другой разъ лучше сѣдлать! — Grands dieux! Теперь она даже машетъ мнѣ платкомъ — ужасная женщина! — Ѣду, сударыня, ужъ ѣду!

И Гвидонъ вскочилъ опятъ на лошадь и поскакалъ галопомъ. Позади Вюстеней было еще нѣсколько помѣстій, дворы которыхъ оставались въ нѣкоторомъ отдаленіи. Потомъ они достигли владѣній Венделина, какъ о томъ генеральша не преминула сообщить Элеонорѣ. И что отъ этого пункта нужно было еще ѣхать цѣлый часъ легкою рысью, чтобы въ этомъ направленіи достигнуть цѣли, тогда какъ въ другомъ — для этого нужно полтора часа и даже болѣе — утвержденіе, въ которомъ Элеонора не сомнѣвалась никакимъ образомъ, и все-таки Гвидонъ, который подозванъ былъ къ каретѣ, долженъ былъ подтвердить его. Онъ сожалѣлъ, что не можетъ показать дамамъ Вендельгофъ, его резиденцію, такъ какъ этому препятствовалъ находящійся между ними лѣсъ.

Мѣстность приняла здѣсь другой характеръ. До сихъ поръ ровная поверхность уступила холмамъ, которые длинными волнами слѣдовали другъ за другомъ: это былъ остатокъ дюнъ, какъ объяснилъ Гвидонъ, которыя нанесло плещущее когда-то до этого мѣста море. А за холмами пошли опять поля, изъ-за которыхъ выступали окруженные деревьями и кустарникомъ хутора. Самые холмы почти сплошь покрыты были буковымъ и хвойнымъ лѣсомъ. Затѣмъ — лѣсъ, въ которомъ въ особенности высоко и густо стояли ели, между тѣмъ какъ почва, на сколько это можно было видѣть изъ-за мелкаго кустарника, покрыта была густымъ мохомъ, или обвита была черничнымъ и брусничнымъ кустарникомъ. Даже на самой дорогѣ трава и подорожникъ такъ пышно разростались, что иногда нисколько не видно было колесныхъ слѣдовъ. Правда, по ней рѣдко ѣздили, такъ какъ она никуда больше не вела, какъ въ замокъ Вендельштейнъ, между тѣмъ какъ большая общинная дорога далеко вправо поворачивала дугою черезъ лѣсъ.

— Еще немножко терпѣнія, мои дамы! — воскликнулъ Гвидонъ, — и мы у цѣли. Затѣмъ черезъ пять минутъ:

— Съ вашего позволенія я выѣду впередъ и увѣдомлю дамъ. Такъ какъ дорога здѣсь была слишкомъ узка, чтобы еще можно было свободно проѣхать мимо кареты, онъ перескоVII. 9

чилъ черезъ ровъ въ лѣсъ, гдѣ въ этомъ мѣстѣ была маленькая просѣка, а отъ нея опять на дорогу впереди кареты и помчался охотничьимъ галопомъ, между тѣмъ какъ конюхъ въ почтительномъ разстояніи слѣдовалъ за экипажемъ.

— Развѣ это не восхитительный мужчина? — воскликнула генеральша, обращаясь къ Элеонорѣ.

Этотъ вопросъ почти въ одной и той-же формѣ она предлагала дорогою по меньшей мѣрѣ разъ шесть. Поэтому Элеонора сочла достаточнымъ отвѣтить на него лишь учтивою улыбкою.

Также и Генеральша, которая въ теченіе всего двухчасоваго путешествія говорила безъ умолку, внезапно замолчала и углубилась въ созерцаніе любимаго дѣтища. Китти отвѣчала на нѣжно испытующій материнскій взглядъ кокетливо-насмѣшливою игрою ея маленькаго красиваго ротика. Она была увѣрена въ своемъ дѣлѣ — еще бы! И со стороны мама не хорошо было сомнѣваться въ успѣхѣ, который ей стоило только пожелать. Стройный Тресковъ, который въ прошлую зиму напослѣдокъ еще на придворномъ балу — такъ до сумасшествія ухаживалъ за нею! Но онъ ничего не имѣлъ, кромѣ долговъ — и ему нельзя было помочь.

Лѣсъ начиналъ рѣдѣть. Между и надъ кустарникомъ, образующимъ живую изгородь, внезапно открылся замокъ Вендельштейнъ. Колеса

кареты заскрипѣли по песку широкой, гладкой дороги, поворачивавшей красивымъ полукругомъ по направленію къ замку. Жокеи погнали лошадей хорошею рысью и мастерски направили ихъ на возвышеніе подъѣзда къ широко раскрытымъ дверямъ замка, на порогѣ которыхъ стоялъ Гвидонъ, съ шляпою въ рукѣ, чтобы помочь дамамъ при ихъ выходѣ.

Глава тринадцатая.

Въ то время какъ дамы отдохнули отъ знойной дороги въ приготовленныхъ для нихъ комнатахъ и поправили свой туалетъ, Гвидонъ, запыленный и въ сапогахъ со шпораши, поспѣшилъ къ графинѣ, которая поджидала гостей въ большомъ, обращенномъ къ сѣверу и террасамъ, салонѣ. Онъ нашелъ ее у одного изъ широко открытыхъ оконъ, ея любимомъ мѣстѣ, сердечно улыбающеюся ему, когда она заслышала по ковру его поспѣшные шаги.

— Мама! милая мама! она — здѣсь!

— Это мнѣ открыли бы твои горячія уста, — отвѣтила графиня, нѣжно отнимая руку назадъ, которую онъ много разъ горячо поцѣловалъ.

— Ахъ, мама, я въ волненіи, а ты...

— Да, мой милый, одинъ изъ насъ обоихъ не долженъ терять головы. Такъ какъ ты

этого, видимо, не можешь, — чего я, впрочемъ, и не требую, — то я, можетъ быть, сама должна буду сдѣлать это.

— Ахъ, мама, если ты теперь не...

— Тотчасъ въ нее влюблюсь? Будь покоенъ, я влюблюсь въ нее — по уши. А что я тебѣ хотѣла еще сказать — это: если и не покажется такъ, и я даже останусь, можетъ быть, противъ моего обыкновенія холодною, такъ ты этимъ не безпокойся! Это только ради другихъ... А Бригита при дамахъ?

— Да, мама.

— Хорошо. А теперь, мой милый, переодѣнься и поторопись опять сюда къ приходу дамъ.

Гвидонъ поспѣшно удалился; графиня сидѣла въ своей качалкѣ, отклонившись назадъ, со сложенными на груди руками и пристально устремивъ взоры впередъ. Въ ея душѣ совсѣмъ не было такъ спокойно, какъ она только что показалась сыну. Ея сердце забилось шибко, исполненными надежды ударами. Если бы ея сынокъ все-таки ошибался теперь! И если онъ не ошибался, и она была такъ прекрасна такъ добра и такъ увлекательно любезна, какъ онъ въ восхищеніи описалъ ее ей, и она оставалась при той же невозможности любить его — бѣдный малый! Рано или поздно онъ перенесъ бы это огорченіе, но какая мать не избавила бы охотно свое дѣтище даже и отъ преходящей скорби.

Прошло еще нѣкоторое время, которое нетерпѣливой показалось почти безконечнымъ. Наконецъ она услыхала шумъ въ передней и голосъ Гвидона, который встрѣтилъ дамъ по дорогѣ къ ней. Когда она поднялась, чтобы идти на-встрѣчу гостямъ, сердце у нея забилось такъ сильно, что, казалось, хотѣло выскочить.

Это, однако, странно, сказала она про себя; какъ будто я еще восемнадцати лѣтъ и ожидаю своего возлюбленнаго.

Элеонора и Клементина уже давно были готовы, но генеральша все еще находила что-нибудь нужнымъ прикрѣпить у Китти, такъ что, въ концѣ концовъ, эта послѣдняя и сама потеряла терпѣніе и въ раздраженномъ тонѣ заявила, что если мама разсчитывала на то, чтобы сдѣлать ее нервозною, то она можетъ быть довольна своимъ результатомъ, послѣ чего мама пробормотала что-то о неблагодарности, къ чему материнское сердце должно быть всегда готово.

Такимъ образомъ настроеніе духа у обѣихъ дамъ было не изъ лучшихъ, когда Бригита, старая наперсница графини, шла передъ ними, а Клементина и Элеонора слѣдовали за нею: сперва чрезъ высокую, прохладную галлерею, въ которую онѣ вошли при самомъ входѣ въ домъ; потомъ по широкой мраморной лѣстницѣ вверхъ въ небольшую, со сводомъ, украшенную по нишамъ статуями ротонду, изъ которой влѣво завѣшанная дорогимъ ковромъ дверь вела въ

одну, на подобіе зала, комнату, гдѣ изъ боковой двери имъ вышелъ навстрѣчу Гвидонъ, который взялся быть проводникомъ, между тѣмъ какъ г-жа Бригита распрощалась съ ними. Онъ смѣнилъ свой дорожный костюмъ свѣтлымъ лѣтнимъ, такъ какъ дамы, по желанію графини, явились также въ костюмахъ для гулянія. Его красивое лицо, въ сравненіи съ его здоровымъ румянцемъ, который обыкновенно украшалъ его, поблѣднѣло, а его рука, которую онъ предложилъ генеральшѣ, дрожала. Онъ замѣтилъ это, къ своему ужасу, и пробормоталъ что-то о тропической жарѣ дорогою, которая охватила его. Генеральша милостиво улыбнулась и сказала, что и съ Китти то-же самое. Она охотно шепнула бы робкому молодому человѣку слово ободренія, но не осмѣлилась ради дѣвушекъ, которыя слѣдовали за ними по пятамъ. И они уже теперь дошли до самой двери, чрезъ которую, какъ она знала, входятъ въ салонъ графини. Теперь казалось несомнѣннымъ, что графиня благопріятствовала проекту; но при неизвѣстномъ для нея характерѣ этой дамы никогда нельзя было сегодня знать, какого намѣренія она была-бы на-завтра; а добрый Гвидонъ былъ мягкимъ воскомъ въ материнскихъ рукахъ. Ей сдѣлалось страшновато на душѣ.

Однако, и изъ другихъ ни одинъ не былъ простодушнымъ, непринужденнымъ; безъ сомнѣнія не былъ имъ и Гвидонъ, который свою

любовь хотѣлъ подвергнуть судейскому приговору, который былъ для него самымъ высшимъ на землѣ; и не Элеонора, которая должна была предстать женщинѣ, съ благословеніемъ которой прибылъ ея сынъ, чтобы тщетно добиваться ея руки; и не Клементина, которая со вчерашняго вечера знала все, принимала такое сердечное участіе въ обоихъ и начинала уже предчувствовать истинное значеніе дня. Спокойнѣе всего относительно была Китти. Увѣренная въ своей побѣдѣ, она колебалась еще только относительно мины, которая-бы лучше всего шла къ ней, если бы Гвидонъ сдѣлалъ ей теперь свое предложеніе.

Въ комнатахъ, которыя прошли, при опущенныхъ занавѣсяхъ царила порядочная темнота въ сравненіи съ могущественнымъ свѣтомъ, который вливался въ салонъ графини чрезъ обои высокія и широкія открытыя окна, а равнымъ образомъ и чрезъ стеклянную дверь, которая, казалось, вела непосредственно на террасу. Въ срединѣ великолѣпной комнаты, залитая свѣтовымъ блескомъ, стояла графиня. Элеонора испугалась. Введенная въ обманъ недостаточнымъ описаніемъ Гвидона, она представляла себѣ его мать маленькою, болѣзненною, старою дамою съ вывѣтреннымъ, ласковымъ лицомъ и добродушными, моргающими и покраснѣвшими глазами подъ большимъ, зеленымъ глазнымъ зонтикомъ. Теперь передъ нею стояла фигура — и такая величественная,

какую она никогда не видала: фигура — далеко выше обыкновенной мѣры и дѣвически стройная, окутанная въ простое, но въ высшей степени элегантное платье изъ серебристо-сѣраго шелка; небольшая голова, которую покрывали густые, полу-серебристые, въ срединѣ расчесанные, а сзади связанные почти въ роскошный узелъ волоса, благородно оформленная, какъ-бы рукою греческаго мастера; черты матово-бѣлаго, только на щекахъ нѣжно раскраснѣвшагося лица въ полной гармоніи съ формою головы, импонируя своею строгою красотою и какъ бы освѣщенная сердечною добротою; большіе голубые глаза, подъ строго выведенною дугою, глядѣвшіе повелительно и вмѣстѣ съ обворожительною ласковостію. И опять этой величественно-доброй фигурѣ соотвѣтствовали осанка, тѣлодвиженія и тонъ голоса, когда она теперь привѣтствовала дамъ и просила ихъ извинить, если она, полуслѣпая, не вышла къ нимъ навстрѣчу дальше. Она подала при этомъ каждой поочередно руку, которую обѣ дѣвушки поцѣловали. Для Элеоноры цѣлованіе руки всегда было отвращеніемъ, и ея родители не знали, что дѣлать съ ней, если княжескія особы посѣщали охотничій замокъ, и нельзя было избѣжать этой церемоніи. Теперь, когда очередь дошла до нея, и стройная, бѣлая, холодная рука коснулась ея руки, она охотно склонила свою голову. А когда она опять подняла ее и взглянула, она вторично ис-

пугалась выраженія неподвижно направленныхъ на ея лицо большихъ, голубыхъ глазъ: доброта изъ нихъ, казалось, совершенно исчезла, и только осталась ревнивое чувство собственнаго достоинства и величія. Но это только на нѣсколько мгновеній. А потомъ снова появилась, какъ солнечное сіяніе на голубой лазури; строгость исчезла въ добродушной улыбкѣ, и выпуская руку Элеоноры, которую она до этого времени держала крѣпко, послѣ вторичнаго мягкаго пожатія, графиня проговорила ея тихимъ, но звучнымъ голосомъ, которому проблескъ иностраннаго акцента придавалъ еще больше прелести, на половину обратясь къ другимъ дамамъ:

— Любезная фрейлейнъ должна извинить мою нескромность. Она еще не знаетъ, что я должна ближе видѣть новое лицо, если оно не должно остаться для меня незнакомымъ.

Клементина, которая въ безмолвіи ея исполненнаго любви сердца ожидала и надѣялась, что графиня-мать еще какимъ-нибудь образомъ отличитъ избранницу ея сына, видѣла себя обманутою. Но съ этимъ разочарованіемъ она стояла не одна. Ни одна изъ дамъ не могла похвалиться, что была принята высокою хозяйкою внимательнѣе, чѣмъ другія. Ея важная снисходительность была для всѣхъ одна и та-же; свою рѣчь, которая у ней, не прерываясь, мелодически лилась изъ ея нѣжныхъ устъ, она обращала попеременно то къ тѣмъ, то къ другимъ.

Между тѣмъ двое слугъ начали обносить прохладительное питье, а скоро появились и другіе, приглашенные къ обѣду гости: баронъ фонъ-Троттау, старый весельчакъ, ея ближайшій сосѣдъ, съ своимъ племянникомъ — молодымъ офицеромъ, который жилъ у дяди въ деревнѣ, воспользовавшись восьмидневнымъ отпускомъ въ виду предстоящихъ тягостей лагерной жизни на маневрахъ; старшій лѣсничій Витманъ, завѣдывавшій королевскимъ участкомъ, смежнымъ съ лѣсами Венделина, наконецъ, г. фонъ-Буссе, тоже еще молодой человѣкъ, который незадолго передъ тѣмъ купилъ себѣ по сосѣдству земли и сдѣлалъ обязательный визитъ графинѣ.

Наконецъ наступилъ четвертый часъ, — время, назначенное для обѣда. Нѣсколько минутъ передъ тѣмъ видѣли, какъ Гвидонъ съ простодушнымъ видомъ подходилъ къ каждому кавалеру поочередно, чтобы сообщить ему, по видимому, неважное, но дружеское извѣстіе, каковое дѣло онъ покончилъ въ ту минуту, когда два лакея открыли створчатыя двери, ведущія въ столовую.

— Пожалуйста, прошу васъ, господа, — проговорилъ Гвидонъ голосомъ, который звучалъ немного робко, и въ то-же время подходя къ Клементинѣ, что бы предложить ей руку. Генеральша не вѣрила своимъ глазамъ. Здѣсь должно быть недоразумѣніе. Но у ней не было времени обмѣняться, хотя бы однимъ взглядомъ,

съ Китти, которая не менѣе была въ ужасѣ, такъ какъ старый господинъ фонъ-Троттау стоялъ уже предъ нею и предлагалъ ей свою руку. За ними послѣдовала графиня съ старшимъ лѣсничимъ, Китти съ молодымъ Троттау, Гвидонъ съ своею дамою и Элеонора съ г. фонъ-Буссе, а затѣмъ Бригита, которая явилась въ послѣдній моментъ, замыкала шествіе.

Столовая была такъ громадна, что накрытый въ серединѣ ея на одинадцать персонъ столъ, почти исчезалъ въ ней. Величественному впечатлѣнію, какое онъ производилъ, способствовало еще и то, что камковыя занавѣси на четырехъ окнахъ тщательно были сомкнуты, чтобы защититься отъ послѣобѣденнаго солнца, но за то горѣли свѣчи на огромной люстрѣ въ серединѣ зала, а со стѣнъ распространяли свѣтъ прилично разставленные канделябры. Столъ блисталъ серебрянымъ сервизомъ, которымъ онъ уставленъ былъ. Къ двумъ лакеямъ въ ливреяхъ присоединились еще двое другихъ, между тѣмъ какъ дворецкій во фракѣ въ неизбѣжныхъ короткихъ панталонахъ до колѣнъ, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ пряжками сервировалъ за буфетомъ, который занималъ почти всю узкую сторону зала. Съ того времени какъ Элеонора покинула Англію, она не видала еще такой роскоши; да этотъ просторный покой, съ своими высокими темными панелями, гобеленами на верхней части стѣнъ и своимъ разнообразнымъ

убранствомъ изъ старыхъ картинъ въ дорогихъ позолоченныхъ рамахъ, и съ рыцарскими эмблемами на потемнѣвшей бронзѣ, — все это непосредственно напоминало ей банкетный залъ въ замкѣ Гленморъ. Ею овладѣло нѣсколько грустное настроеніе, которое однако было не безъ пріятности. Всѣ радостные и горестные часы ея жизни промелькнули въ ея умственномъ взорѣ, какъ бы задернутые темнымъ покровомъ, въ которомъ отдаленныя части зала еще болѣе затемнѣвались. Даже боль отъ раны, которою страдало ея сердце, не была такою жгучею. Въ этомъ великосвѣтскомъ мірѣ отреченіе показалось первымъ изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ, единственно достойнымъ благородной души. Безпрестанно она должна была обращать свои взоры на хозяйку дома, сидѣвшую напротивъ нея, и она чувствовала, что очарованіе, какое оказала на нее эта знатная женщина, постоянно усиливается. Что сдѣлало это нѣжное чело такимъ яснымъ и неизмѣннымъ? Что придавало этимъ на-половину ослѣпнувшимъ глазамъ глубокій блескъ? Что ея улыбкѣ, которая иногда играла на ея нѣжныхъ устахъ, эту обворожительную прелесть, хотя она была только какъ бы солнечнымъ сіяніемъ, которое скользитъ надъ непостижимой глубиной?

Въ этомъ полетѣ ея мыслей она была благодарна своему кавалеру слѣва, что онъ, казалось, не причислялъ оживленную бесѣду къ обѣден-

нымъ удовольствіямъ, но за то почти все свое вниманіе прилагалъ къ вещественнымъ наслажденіямъ, также и Гвидонъ, ея сосѣдъ справа, хотя онъ едва прикасался къ кушаньямъ, видимо потерялъ свою добродушную словоохотливость. Только, что онъ иногда обращался къ ней, чтобы сдѣлать какое-либо неважное замѣчаніе; и отъ Элеоноры не ускользнуло, что всякій разъ свою храбрость онъ почерпалъ изъ ободряющаго взгляда своей матери. Во всякомъ другомъ случаѣ эта рабская зависимость молодого человѣка въ возрастѣ графа отъ женщины, будь она даже его матерью, показалась бы ей смѣшною или презрительною; здѣсь она была склонна сдѣлать исключеніе: избѣжать вліянія такой властной личности, вѣроятно, не могъ бы ни одинъ человѣкъ, всего менѣе сынъ. Къ тому же ее тронула почтительная вѣжливость, которая говорила изъ каждаго его взгляда и слова, какъ будто онъ имѣетъ ее просить о прощеніи, что онъ какъ-нибудь поставилъ ее въ мучительное положеніе нанести ему обиду. Она такъ охотно сказала бы ему доброе слово и все-таки не могла этого, потому что онъ такъ нарочно избѣгалъ какой-нибудь болѣе задушевной бесѣды.

Такимъ образомъ при молчаливости ея сосѣдей она, къ ея удоволствію, оставалась бы предоставленною самой себѣ, если бы старикъ фонъ-Троттау, сидѣвшій напротивъ нея наискосокъ, не сдѣлалъ бы замѣчательнаго открытія.

Онъ прежде не понялъ фамилію Элеоноры и уже только теперь, къ концу обѣда, попросилъ генеральшу повторить его, которая могла прибавить къ этому и еще нѣкоторыя немногія частности, какія Элеонора сообщила ей до обѣда изъ своей ранней юности. Но теперь, прежде чѣмъ онъ удалился въ свои имѣнія, онъ былъ по дипломатической части и между прочимъ въ то самое время, когда Элеонора, еще какъ дитя и дѣвушка-подростокъ, жила у своихъ родителей, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ посланникомъ при маломъ герцогскомъ дворѣ. Его называли тогда — „красавцемъ Троттау“, и воспоминаніе о томъ періодѣ было для него, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, самымъ драгоцѣннымъ въ его жизни. Такой добрый случай — освѣжить воспоминаніе о томъ въ этомъ обществѣ, онъ не желалъ упустить. Какъ оказалось, онъ очень хорошо зналъ отца Элеоноры; нѣсколько разъ онъ былъ его сосѣдомъ при загонѣ звѣрей на герцогскихъ охотахъ; возможно даже, что своею жизнію онъ обязанъ былъ его рѣшительности и храбрости. Въ самомъ густомъ лѣсу, гдѣ никакое отступленіе невозможно, на него напалъ пристрѣленный кабанъ, котораго отецъ Элеоноры въ рѣшительную минуту однимъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ, въ то время какъ изъ другихъ товарищей — охотниковъ ни одинъ не осмѣлился еще стрѣлять, изъ опасенія вмѣсто звѣря попасть въ человѣка.

Этотъ анекдотъ старикъ разсказалъ со всею подробностію и такъ какъ онъ владѣлъ мощнымъ органомъ и все болѣе оживлялся, то привлекъ вниманіе всего общества за столомъ. Оно же и дальше имѣло слышать, какой примѣрный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ былъ г. дворцовый капитанъ и какимъ уваженіемъ онъ пользовался у своего государя; такъ же какъ еще и теперь сохраняютъ въ благодарной памяти имя капитанши по сосѣдству съ замкомъ, въ особенности же въ городкѣ при подошвѣ замковой горы. Въ этомъ онъ самъ лично убѣдился, когда два года тому назадъ, на возвратномъ пути изъ Киссингена, онъ посѣтилъ мѣста своихъ дорогихъ воспоминаній.

И теперь явился отрывокъ изъ этихъ воспоминаній, которому, какъ согласились бы съ нимъ господа, онъ, — долженъ-бы совершенно особенно радоваться.

— Да, господа, — воскликнулъ онъ, — на сколько вѣрно то, что я имѣю честь и удовольствіе сидѣть здѣсь, за этимъ столомъ, подлѣ нашей сіятельной хозяйки, точно также я зналъ эту прекрасную взрослую даму, напротивъ меня, когда она еще была маленькою пяти-или шестилѣтнею дѣвочкою и играла съ тогдашнимъ наслѣднымъ принцемъ, а теперь владѣтельнымъ молодымъ княземъ, на лугу предъ замкомъ Гашенсъ. На ней было бѣлое платьице съ голубымъ поясомъ, и носила свои темные волоса въ

локонахъ, которые при бѣганьи распускались у ней кругомъ головы. Я могъ бы даже еще больше разсказать; но о благосклонности, которуой пользовались у дамы, хотя-бы она была пести лѣтъ отъ роду, и даже хотя могли бы быть ея отцомъ, глубое молчаніе есть дѣло чести, въ особенности для такого стараго хостяка, воспоминанія котораго въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе подозрительны. Такимъ образомъ, многоуважаемая Фрейлейнъ, не какъ награду за молчаніе, которое само собою разумѣется, но только какъ знакъ того, что вы съ удовольствіемъ встрѣтили стараго друга вашихъ высокочтимыхъ родителей, я прошу позволенія осушить этотъ бокалъ за ваше здоровье.

Старый кавалеръ, держа наполенный бокалъ шампанскаго въ поднятой рукѣ, съ важностію эксдипломата низко поклонился Элеонорѣ, а когда Гвидонъ и ея сосѣдъ по столу просили о чести присоединиться къ его превосходительству, то и два другихъ еще кавалера, имѣя бокалы въ рукахъ, также поклонились, а нѣсколько минутъ спустя графиня подала знакъ къ поднятію изъза стола, и это показалось всѣмъ въ такомъ видѣ, какъ будто этою маленькою овацiею въ честь Элеоноры она хотѣла достойнѣйшимъ образомъ заключить этотъ торжественный обѣдъ.

Глава четырнадцатая.

Общество отправилось въ гостинную, изъ которой можно было выйти прямо на просторную террасу, пристроенную ко всему заднему фасаду замка. Здѣсь, подъ парусиннымъ навѣсомъ, собирались пить кофе. Господинъ фонъ-Тротау опять подошелъ къ Элеонорѣ, и такъ какъ онъ не могъ больше пожать у нея руки и тысячу разъ увѣрять ее, какъ онъ счастливъ, встрѣтивъ ее здѣсь, то, чтобы удержать ее только при себѣ, онъ началъ разъяснять ей архитектуру замка, какъ одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ строеній въ свѣтѣ.

— Навѣрное, вы уже замѣтили, многоуважаемая фрейлейнъ, — и не правда-ли, вы не убѣжите отъ меня, разъ у меня сорвется съ языка — „моя милочка“, — что я хотѣлъ сказать? — да, что дорога изъ лѣсу такъ нѣжно вьется къ замку. Вонъ тамъ поднимается холмъ, на хребтѣ котораго стоитъ замокъ, постепенно повышаясь съ той стороны и круто спускаясь, какъ вы видите, сюда, въ сторону, обращенную къ ручейку. Строитель его былъ Гвидонъ Венделинъ, — перворожденные этой фамиліи зовутся всѣ Гвидонами, — генералъ во времена Великаго Курфюрста, онъ былъ произведенъ послѣднимъ въ званіе графа и между прочимъ — что всего важнѣе — былъ пожалованъ двумя квадратными милями песку и лѣса, — кромѣ этого

здѣсь тогда еще ничего не было. Конечно, графу захотѣлось имѣть замокъ въ своемъ княжескомъ помѣстьѣ; такъ какъ онъ много путешествовалъ по Италіи и былъ въ восторгѣ отъ тамошнихъ замковъ и дворцовъ на отвѣсныхъ скалахъ, то выстроилъ его тоже на горѣ.

Конечно, горъ въ этой мѣстности не водится, а крутыхъ и въ поминѣ нѣтъ. Тогда ихъ долженъ былъ замѣнить холмъ — именно, вотъ этотъ, который, къ сожалѣнію, состоялъ не изъ гранита или мрамора, даже не изъ песчаника, но за то изъ чистаго, крѣпко осѣвшагося песку. Нужно замѣтитъ, песокъ — хорошее основаніе для постройки, если только онъ не можетъ разсыпаться, къ чему онъ имѣетъ особенное свойство, разъ его тяжело надавятъ и имѣется отклоненіе въ сторону, какъ въ данномъ случаѣ.

Такъ какъ песочный холмъ непремѣнно долженъ былъ выдержать замокъ, то ничего не оставалось дѣлать, какъ только, такъ сказать, оградитъ его стѣной. Это была кропотливая работа и поглотила большія суммы, но у графа онѣ были, и онъ твердо настаивалъ на своемъ. И вотъ такимъ образомъ начали строить по ту сторону крѣпкій фундаментъ — вы знаете, что это значитъ, моя милая — это для того, чтобы укрѣпить песокъ; вслѣдъ затѣмъ выровняли холмъ такъ глубоко, что выгадали много мѣста въ подвальномъ этажѣ для погреба, кухни и т. п. помѣщеній; затѣмъ выстроили настоящій под-

вальный этажъ, который разширялся и входилъ въ холмъ въ длину и въ вышину до тѣхъ поръ, пока на этомъ узкомъ подвальномъ этажѣ и на снесенномъ за нимъ гребнѣ не нашлось достаточно мѣста для постройки болѣе широкаго главнаго этажа. Но такъ какъ подвальный этажъ былъ недостаточно высокъ и глубокъ для величественнаго входа, то его нужно было провести чрезъ главный этажъ, который такимъ образомъ раздѣлился на двѣ половины. И опять, чтобы достать мѣсто для мраморной лѣстницы къ главному этажу, пришли къ мысли объ устройствѣ ротонды, чрезъ которую удобно сообщаются эти, расположенныя къ сѣверу, помѣщенія, тогда какъ для лучшаго соединенія съ помѣщеніями, расположенными къ югу, служитъ та великолѣпная галлерея, которая ведетъ вверху, у передней стѣны зала, надъ порталомъ, отъ одной стороны до другой. Сравнительно съ прежней здѣсь была уже болѣе легкая работа.

И вотъ тогда оставалось только срыть крутой спускъ холма къ рѣкѣ для огромной террасы, на верхней и болѣе широкой ступени которой мы теперъ и находимся. Но я вамъ надоѣлъ, моя милая, своимъ пространнымъ разъясненіемъ!

— Ничуть, ваше превосходительство, — отвѣчала Элеонора, — теперь можно смотрѣть совсѣмъ другими глазами на это мѣсто, зная, какъ оно возникло.

— Не правда-ли? не правда-ли? — воскликнулъ съ оживленіемъ старый господинъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю исторію построенія этого замка, онъ меня вдвое интересуетъ. О, Боже, вѣдь я много видѣлъ, странствуя по бѣлому свѣту, — напримѣръ Тиволи! Что за диво? если за вами величественныя скалы, а передъ вами Кампанья и почва, которая въ изобиліи производитъ кипарисы, пиніи, — кактусы, рододендронъ, камеліи, магноліи, дикій жасминъ и все другое, что разростается, какъ сорная трава. Но здѣсь, вотъ это — такъ сказать — создано просто изъ ничего! Осмотритесь кругомъ: какой прекрасный фасадъ въ лучшемъ стилѣ ренесансъ! Ну, да, вѣдь онъ даже выписывалъ себѣ архитектора изъ Италіи! И вотъ встаньте хоть сюда! Развѣ это не чудесный видъ?!

Онъ подвелъ Элеонору къ периламъ террасы, которая спускалась подъ ними пятью уступами, соединенными каменной лѣстницей, къ берегу рѣки, вода которой ясно просвѣчивала тамъ и сямъ между деревьями и кустарникомъ. Каменный мостъ отъ нижней лѣстницы нѣсколько вычурною дугою велъ черезъ рѣчку въ длинный англійскій паркъ, луговая поверхность котораго лежала здѣсь — въ голубоватой тѣни отъ густой рощицы, а тамъ — въ яркомъ солнечномъ сіяніи. Тамъ-же, гдѣ только высокія деревья не заслоняли видъ, можно было разглядѣть черезъ

паркъ равнину, которая далеко протянулась, какъ море, изъ котораго, на подобіе острововъ, выныривали помѣщичьи дворы съ окружающими ихъ садами.

— И стоитъ только подумать, — воскликнулъ онъ, — что все это, двѣсти лѣтъ тому назадъ, послѣ ужасной войны, было не что иное, какъ песчаная и болотистая пустыня и дикій лѣсъ, въ которомъ обитали волки и медвѣди.

— И не забудемъ еще того, — сказала Элеонора, — что мнѣ кажется самымъ лучшимъ и достопочтеннымъ: именно, что эти великолѣпныя зданія могли быть созданны у насъ для блага бѣднаго человѣка, а не только на его счетъ, какъ это бываетъ такъ часто въ Италіи, гдѣ при видѣ всего великолѣпія мнѣ съ прискорбіемъ припоминалась бѣдность, которая окружаетъ ихъ, и про которую строители ничего не знали и знать не хотѣли, а, можетъ быть, даже и не должны были знать, чтобы не потерять мужества къ своей роскошной жестокости.

Пожилой господинъ большими глазами смотрѣлъ на нее.

— Да, да, — сказалъ онъ, — вы правы, совершенно правы; они ничего не должны были знать! Вы какъ разъ угадали. Вообще вы — вы должны мнѣ дѣйствительно еще разъ подать руку! Я очень радъ, что имѣлъ счастіе... я чуть было не сказалъ: познакомиться съ вами, между тѣмъ какъ я уже давно — ну, сколько

времени будетъ этому? Такъ лѣтъ шестнадцать, да? И все еще — о, Боже, я не понимаю нашихъ нынѣшнихъ людей. Если-бы я — ну, любезный графъ?

— Извините! — сказалъ Гвидонъ, который уже съ полминуты стоялъ позади нихъ. Мама желала-бы знать, не угодно-ли его превосходительству участвовать въ прогулкѣ — на могилы богатырей — она сдѣлала это предложеніе.

— Если ваша мама сдѣлала это предложеніе, то это равносильно приказанію. Я буду тотчасъ-же ...

Г. Троттау поспѣшно удалился, чтобы отыскать графиню, которая сидѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи на террасѣ, подъ парусиннымъ навѣсомъ, съ генеральшею и г-жею Брита. Гвидонъ все еще оставался возлѣ Элеоноры, съ неопредѣленною, нѣсколько смущенною улыбкою на добромъ лицѣ.

— Теперь онъ опять не знаетъ, какъ ему начать разговоръ, для котораго откомандировала — его мама, думала Элеонора.

— Какъ малъ, однако, міръ! — сказала она. Вотъ встрѣчаются на желѣзной дорогѣ два человѣка, которые никогда прежде не видались, пріятно проболтаютъ часокъ времени, распрощаются по видимому навсегда; а пять недѣль спустя они опять уже стоятъ другъ подлѣ друга, благодаря тому же случаю, который свелъ ихъ въ первый разъ.

— Развѣ это нескромно, если я свидѣтельствую, что за это я благодаренъ случаю? — сказалъ Гвидонъ.

— Ничуть, — отвѣтила Элеонора, — во всякомъ случаѣ и со мною случается тоже самое. Я искренно была рада, г. графъ, когда вчера вечеромъ я увидѣлась съ вами, а сегодня съ удовольствіемъ прибыла сюда.

Щеки Гвидона побагровѣли.

— Выдѣлаете меня счастливымъ, сударыня! — проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — И моя мама...

— Я только что хотѣла заговорить про нее. Я не знаю, извѣстно ли вамъ: я никому и никогда не лыцу. И такъ я могу сказать, что каждый вамъ долженъ завидовать, что вы имѣете такую мать; и что я причисляю мое знакомство съ ней къ счастливѣйшимъ случаямъ моей жизни.

— Ахъ! если бы вы въ самомъ дѣлѣ знали ее, — воскликнулъ Гвидонъ, — вы, именно вы!

Онъ вдругъ замолчалъ и, казалось, не могъ найти больше прерванную нить разговора.

— Что это за прогулка, про которую вы только-что говорили? — сказала Элеонора.

— Къ могиламъ богатырей, — отвѣтилъ Гвидонъ скоро и, видно было, съ большимъ облегченіемъ. — Въ самомъ дѣлѣ, это мѣсто въ лѣсу, черезъ который мы проходили, достойно

мниманія. Двѣ могилы, обставленныя огромными камнями. Вирховъ два года тому назадъ, по моей просьбѣ, изслѣдовалъ ихъ и нашелъ множество интереснѣйшихъ вещей.

— Далеко это?

— Меньше четверти часа!

— Хорошо. Я, признаться сказать, немного устала и лучше бы осталась здѣсь, гдѣ такъ очаровательно хорошо. Но если нужно —

— Нѣтъ! Нѣтъ! не нужно! — сказалъ Гвидонъ скоро. — Напротивъ! Я... я имѣю къ вамъ порученіе отъ мамà... одну просьбу —

— Ко мнѣ? Отъ вашей мамà?

— Да, не будете ли настолько любезны остаться съ нею, пока мы сдѣлаемъ прогулку. Если-бы вы...

— Какъ вы только можете спрашивать, графъ?

— Тогда я могъ-бы... я вижу, что уже собираются. Они подошли къ обществу, которое теперь подъ парусиннымъ навѣсомъ собралось вокругъ графини, за исключеніемъ Китти и лейтенанта фонъ-Троттау, которые стояли у баллюстрады и вели оживленный разговоръ, часто прерывавшійся смѣхомъ Китти.

— Я... я имѣю еще просьбу къ вамъ отъ себя лично, — сказалъ Гвидонъ, когда они молча

прошли нѣсколько шаговъ, но въ которой вы мнѣ, конечно, откажете, если —

— Въ чемъ она состоитъ, графъ?

— Послѣ завтра нашъ озерной праздникъ. Вы придете?

— Я не знаю. Это совсѣмъ зависитъ отъ г-жи генеральши?

— Если вы придете — будутъ танцовать — не удостоите-ли вы меня чести танцовать съ вами первый вальсъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

Гвидонъ опять очень покраснѣлъ и хотѣлъ было что-то отвѣтить, но въ это время подошли къ нимъ Китти и лейтенантъ, — Китти въ нервномъ возбужденіи, — лейтенантъ съ самодовольной улыбкой, крутя свою бородку.

— Представьте себѣ, графъ Гвидонъ! — воскликнула Китти. — Господинъ фонъ-Тротгау былъ на послѣднемъ придворномъ балу и не представился мнѣ! Какъ вы это находите?

— Не понятно — само собой разумѣется! — пробормоталъ Гвидонъ.

— Не правда-ли? За это самое и въ наказаніе онъ долженъ мнѣ теперь предложить руку на всю дорогу — туда и обратно.

— Развѣ это наказаніе? — спросилъ Гвидонъ разсѣянно.

— Я, по крайней мѣрѣ, знаю людей, кото-

рымъ бы это было наказаніемъ! — отвѣтила Китти въ самомъ колкомъ тонѣ.

— Китти! Китти! — позвала генеральша.

— Иду, иду, мамà! — отозвалась Китти, идя впередъ, сопровождаемая лейтенантомъ.

— Вы еще совсѣмъ прогадаете съ Китти, — сказала Элеонора, улыбаясь.

— Вы не можете себѣ представить, что это мнѣ рѣшительно все равно, — отвѣтилъ Гвидонъ чистосердечно.

Генеральша вышла къ нимъ навстрѣчу изъ кружка графини. Ея строгіе глаза блистали непріятно и тонкія губы были крѣпче, чѣмъ обыкновенно, притиснуты къ здоровымъ зубамъ.

— Графиня желаетъ васъ оставить здѣсь, милая Элеонора, — сказала она въ жеманномъ, холодномъ тонѣ; — чтобы часикъ поговорить съ вами по-англійски. Я, конечно, съ удовольствіемъ позволила это.

— Благодарю васъ, сударыня, — отвѣтила Элеонора спокойно, между тѣмъ какъ Гвидонъ взглянулъ строго на генеральшу, но она, къ счастью, не замѣтила этого, такъ какъ сейчасъ-же отвернулась.

— Shocking! — пробормоталъ онъ.

— Why, dear count, — сказала Элеонора спокойно; — she is the mistress, and I am used to be treated as governess.

— But you shouldn't — вскипѣлъ онъ. — I

can't stand it. And I have a great mind to tell that — that woman...

Онъ не могъ дальше говорить; подошли другіе, почти готовые къ прогулкѣ, дамы съ зонтиками, мужчины съ палками, которыя Гвидонъ велѣлъ принести изъ своего запаса. Главный лѣсничій взялся быть проводникомъ.

Его сіятельство фонъ-Тротау отвелъ Элеонору немного въ сторону и увѣрялъ ее почти шопотомъ въ полу-сердитомъ, въ полу-юмористическомъ тонѣ, что если-бы онъ зналъ, что она не участвуетъ въ прогулкѣ, то десять лошадей не привезли-бы его на проклятыя могилы богатырей, гдѣ онъ уже былъ разъ двѣнадцать, не видя въ нихъ ничего достопримѣчательнаго.

Китти выполнила свою угрозу и, схвативши за руку лейтенанта, съ вызывающимъ взглядомъ посмотрѣла на генеральшу, на который эта отвѣчала строгою гримасою, которая должна была замѣнить улыбку. Гвидонъ былъ послѣдній, который оставилъ террасу, послѣ того какъ его мать сказала ему тихо нѣсколько словъ. Слуги убрали кофейный приборъ, г-жа Бригита плотно придвинула для барыни качалку къ балюстрадѣ и потомъ тоже удалилась. Графиня и Элеонора остались однѣ.

Глава пятнадцатая.

— Вамъ, вѣдь, тоже пріятно, что мы остаемся здѣсь? — начала графиня, когда Элеонора по ласковому знаку хотѣла сѣсть возлѣ нея. Не всѣ имѣютъ пристрастіе къ свѣжему воздуху.

— Я, по крайней мѣрѣ, имѣю его, — отвѣтила Элеонора.

— Это хорошо, сказала графиня. Тогда мы будемъ имѣть то, что англичане называютъ „chat“. Времени у насъ останется довольно. Они проѣздятъ четверть часа туда и четверть обратно, и раньше полчаса г. лѣсничій не окончитъ своей лекціи о могилахъ богатырей. Это его конекъ. Впрочемъ, чтобы бѣдняжки не умерли отъ скуки, я распорядилась выслать имъ напередъ маленькое утѣшеніе. Все это она проговорила въ веселомъ, даже забавномъ тонѣ, между тѣмъ какъ на ея устахъ играла прелестная лукавая улыбка. Какъ ни мало Элеонора боялась людей, она, когда осталась наединѣ съ почтенною дамою, все-таки почувствовала нѣкоторое стѣсненіе, которое теперь разрѣшилось тихимъ смѣхомъ.

— Смѣйтесь только смѣлѣй, — сказала графиня; — я люблю такой смѣхъ, въ особенности, если смѣются такъ, какъ вы. Если кому, подобно мнѣ, суждено пользоваться почти исключительно только слухомъ, то получаешь чувствительность,

которая дѣйствуетъ не всегда пріятно. Органъ, какой имѣетъ генеральша, можетъ сдѣлать меня больною. И къ тому же я убѣждена, что человѣкъ отвѣтственъ за свой голосъ, по скольку мы, слабыя созданія, вообще отвѣтственны за что-либо, что, конечно, можетъ быть еще мало достаточнымъ. У васъ такой голосъ, который благодѣтельно дѣйствуетъ на мой слухъ, — настоящій голосъ Корделіи. Мнѣ досадно было за столомъ, что старикъ Троттау, едва-ли далъ вамъ слово выговорить. Теперь вы это можете наверстать! Все, что говорили за столомъ о вашихъ родителяхъ и о васъ самихъ изъ вашего дѣтства, — очень заинтересовало меня. Я съ удовольствіемъ послушала бы еще объ этомъ. Рано вы потеряли вашихъ родителей?

Элеонора не знала, какъ это случилось. Хотя графиня и не обнаружила особеннаго любопытства, которое скорѣе заставило бы ее замолчать, она чувствовала себя привлеченною какъ бы симпатическою силою, которой она не противилась, да и не желала противиться и которой она непринужденно раскрыла свое сердце. Разсказывая исторію своей жизни, ей казалось, какъ будто она сама видѣла все въ новомъ свѣтѣ, который пролилъ необыкновенную ясность на вопросы, которые до этого момента казались ей темными и спутанными. Остроумное замѣчаніе, хорошо поставленный вопросъ, который ея слушательница время отъ времени вставляла мимо-

ходомъ, — все это она не считала перерывомъ, а лишь приглашеніемъ къ дальнѣйшему разсказу. Наконецъ, когда она дошла до разсказа о своихъ приключеніяхъ въ Англіи, графиня положила ей руку на колѣно и сказала по-англійски: пожалуйста, разсказывайте теперь дальше по-англійски. Я съ удовольствіемъ слушаю его, хотя, какъ вы видите, и недастоточно говорю на немъ. Страна и люди востаютъ еще яснѣе предъ глазами, если при этомъ слышишь еще и нарѣчіе, на которомъ они говорятъ. Сверхъ того, — прошу извиненія, — удержать васъ при себѣ заставила меня — непреодолимая потребность въ англійскомъ языкѣ. Я ничего не хочу лгать на добрыхъ людей.

При этомъ она искренно разсмѣялась, къ чему присоединилась и Элеонора, и продолжала дальше разсказывать по-англійски, на которомъ она говорила свободно, какъ на своемъ родномъ языкѣ, и снова должна была смѣяться, когда графиня, слушая съ напряженнымъ вниманіемъ, пробормотала на своемъ англійскомъ, на которомъ она говорила плавно, только съ нѣкоторымъ иностраннымъ акцентомъ: это превосходно! это похоже на главу изъ Диккенса!

Теперь она покончила съ англійскимъ эпизодомъ и своими приключеніями. А что слѣдовало затѣмъ — это не принадлежало болѣе къ ея собственной жизни, о чемъ она могла бы разсказать и охотно разсказала бы. Разъ ея

жизнь роковымъ образомъ соединилась съ жизнію другого человѣка — это было святилищемъ, черезъ порогъ котораго она не могла ввести третье лицо, будь это даже чудная женщина, которая вотъ тутъ сидѣла противъ нея.

— Благодарю васъ, отъ всего сердца благодарю васъ! — сказала графиня. — Вы подарили мнѣ драгоцѣнный часъ времени. Я могу сказать: ваша личность, ваше поведеніе, ваша рѣчь и голосъ — все это съ самаго перваго момента показалось мнѣ удивительно симпатичнымъ. Но все это были лишь разсѣянные пріятные звуки; теперь у меня — полный аккордъ и — я люблю васъ.

Элеонора была слишкомъ возбуждена, чтобы найти отвѣтъ. Да и графиня молчала нѣкоторое время, а потомъ продолжала въ болѣе тихомъ тонѣ: я знаю, вы мнѣ разсказали все, что вы могли сказать. Если же вы умолчали о томъ, что обыкновенно въ жизни молодой дѣвушки самое главное, — если вы умолчали о вашемъ сердцѣ, то я опять знаю — изъ вашихъ, дорогихъ мнѣ устъ — почему. Скажите мнѣ — женщинѣ, которая могла-бы быть вашею матерью и которая — вашъ другъ и даже болѣе того — скажите мнѣ только одно: счастлива-ли ваша любовь?

— Она безнадежна, совершенно безнадежна, — глухо отвѣтила Элеонора.

— Я тоже думала это, сказала графиня. —

И послѣ маленькой паузы продолжала: могу я разсказать вамъ исторію другой безнадежной любви? — вотъ послушайте! — За тридцать лѣтъ съ небольшимъ въ Норвегіи жила одна дѣвушка — ну, назовемъ ее Фредерикою — каковое имя, къ слову сказать, ношу и я. Ея родъ послѣ королевскаго былъ самымъ знатнѣйшимъ въ странѣ; да, онъ могъ бы почитать себя не менѣе знатнымъ, чѣмъ тотъ, такъ какъ его предки еще въ давнія времена, въ теченіе столѣтій, владѣли государствомъ. Отъ его славы, конечно, ничего не осталось, кромѣ имени, которое всякій Норвежецъ произносилъ съ благоговѣніемъ, да и теперь еще произноситъ. Впрочемъ, отецъ дѣвушки, которая была его единственною дочерью, жилъ не лучше и не хуже, чѣмъ его сельскіе сосѣди — землевладѣльцы. Отъ времени до времени онъ долженъ былъ, конечно, являться ко двору, въ качествѣ перваго представителя своего округа, и такъ какъ онъ все-таки принадлежалъ нѣкогда къ грандамъ страны. Туда онъ бралъ съ собою, можетъ быть, когда она уже подросла и свою дочь. Для нея это былъ необыкновенный переходъ отъ ея привычной сельской замкнутости къ пышной и блестящей жизни. Я не знаю, правы-ли были люди, но они находили Фредерику прекрасною. Предположимъ, они были правы. Во всякомъ случаѣ, она видѣла себя, какъ только она показывалась, окруженною чрезмѣрными почестя-

ми, которыя, если не трогали ея сердца, то все-таки занимали ея фантазію. Но за то она никогда не возвращалась домой, какъ это говорится, не разбивъ нѣсколько другихъ сердецъ. Это совсѣмъ не нравилось ея отцу. Онъ былъ уже не молодъ и охотно желалъ-бы видѣть предъ смертію жизнь своей дочери обезпеченною; а онъ, какъ я уже сказала, былъ бѣденъ и желалъ дочери земного, свѣтскаго счастія, безъ котораго онъ лично съ достоинствомъ умѣлъ обходиться. И вотъ, когда она уже въ четвертый разъ появилась при дворѣ и ей шелъ двадцать первый годъ, еще разъ явился къ ней женихъ, который выглядѣлъ серьезнѣе, чѣмъ его предшественники, или котораго она сама, по крайней мѣрѣ, принимала серьезнѣе, — и не потому, что онъ былъ серьезнѣе другихъ — это не произвело бы на Фредерику ни малѣйшаго впечатлѣнія, — но потому что онъ своею скрупулезною честностію, своею безконечною добротою сердца и, наконецъ, своею, безъ сомнѣнія, искреннею, благородною любовію, казалось, предлагалъ ручательство супружескаго счастія, если таковое можетъ быть. Она дала ему свое согласіе, — дала его послѣ ужасной борьбы съ своимъ сердцемъ, которое угрожало чрезъ это разорваться на тысячу частей: ибо она любила другого пылкою, безумною страстію. Это былъ сынъ сосѣда, нѣсколько лѣтъ старше ея. Они вмѣстѣ выросли, вмѣстѣ учились, занима-

лись музыкою, потому что она была очень музыкальна, и ея душа была преисполнена музыкою. Такимъ образомъ, чтобы образовать и усовершенствовать его талантъ, — а у насъ художники, ученые, чиновники, военные — всѣ почти выходятъ изъ крестьянскаго сословія, — его отецъ послалъ его сперва въ Христіанію и Стокгольмъ, а потомъ въ Парижъ, гдѣ его удивительный талантъ произвелъ фуроръ, такъ что онъ, собственно двадцатилѣтній юноша, возвратился къ намъ уже знаменитымъ человѣкомъ и только затѣмъ — чтобы обручиться, обручиться съ дѣвушкою, также сосѣдскою дочерью, моею спеціальною, задушевною подругою; она была годомъ старше его, и онъ издавна любилъ ее, а со мною онъ только игралъ. Вскорѣ послѣ его обрученія — при которомъ я не присутствовала — мой отецъ въ первый разъ взялъ меня въ Христіанію — мы увидались снова. Мнѣ было только что семнадцать лѣтъ. Мы встрѣтились, какъ старые друзья, и въ то время, когда онъ — чтобы быть ближе къ своей невѣстѣ, проживалъ у насъ въ деревнѣ, начали снова нашу прежнюю жизнь съ совмѣстнымъ чтеніемъ и музыкою. Онъ былъ красивѣйшій мужчина, какого только можно было видѣть, и ему не нужно было прилагать никакихъ стараній, чтобы дѣвушки влюбились въ него. Мнѣ онъ отдалъ самое лучшее, что онъ могъ и что умѣлъ — съ того времени я не могла снова слышать никакой игры на

скрипкѣ — и... я не знаю, было-ли это спустя нѣсколько недѣль, дней или часовъ — я уже любила его, а онъ-меня. Я знала это, если бы онъ даже и не сказалъ мнѣ объ этомъ. Но онъ мнѣ открылъ это въ одинъ блаженный часъ — и я вырвалась отъ него съ разбитымъ сердцемъ — вѣдь этого не могло быть. Его невѣста — назовемъ ее Брита — безупречное созданіе, была моею подругою, которая безконечно много сдѣлала добра мнѣ, рано лишившейся матери. И она любила Гялмара всею душею и ради него отказала не одному завидному жениху; видѣть себя оставленною имъ — для нея равносильно было смерти, и я лучше ограбила бы церковь, чѣмъ лишила бы ее самаго дорогого для нея человѣка. Это я и сказала ему. Онъ отвѣтилъ, что если Брита не можетъ жить безъ него, то также и онъ не можетъ жить безъ меня; что все его искусство было лишь предчувствіемъ его любви ко мнѣ и въ этой любви оно достигло своего высшаго пункта, съ котораго оно должно теперь опуститься все ниже и ниже — до жалкаго безсилія и обратиться въ ничто, если я не останусь подлѣ него, какъ его самое лучшее „я“. Я отвѣтила ему, что то, что я потеряла съ нимъ, имѣетъ для меня не меньшую цѣнность, чѣмъ для него его искусство. Но что выше счастья, искусства и всего на свѣтѣ должна стоять добрая совѣсть, которую нельзя сохранить въ чистотѣ, если свой долгъ ставишь ни

во что; а что было-бы его и моимъ священнѣйшимъ долгомъ — это достаточно ясно предписано намъ. Я требовала отъ него доказательства, что безъ меня онъ не можетъ быть великимъ художникомъ. Онъ долженъ совершить по Европѣ предположенное большое путешествіе. Когда онъ прибылъ-бы назадъ, мы поговорили бы снова. Спустя годъ онъ возвратился съ заслуженною славою и деньгами. Потребованное мною доказательство онъ не могъ привести съ собою: газеты всѣхъ странъ единогласно утверждали, что онъ первый въ свѣтѣ скрипачъ. Но этимъ я все-же не побѣдила: его страсть ко мнѣ сдѣлалась еще сильнѣе, необузданнѣе и сокрушительнѣе. Я не хочу удлинять этой печальной исторіи больше, чѣмъ сколько нужно для пониманія. Прошло три года, въ которые мое сердце не имѣло ни одного покойнаго часа. И какъ могло быть иначе, если я должна была видѣть, какъ Гялмаръ изнурялъ себя въ исполинской борьбѣ между долгомъ и страстію, — видѣть, какъ его мрачное предсказаніе, что безъ меня онъ долженъ упасть въ своемъ искусствѣ, казалось, приходило въ исполненіе; а бѣдная, ничего не предчувствовавшая Брита мало-по-малу пришла къ сознанію ужаснѣйшаго положенія, въ которомъ мы находились всѣ трое, не находя въ своемъ любящемъ сердцѣ силы отказаться отъ счастія, на которое она все еще надѣялась, что оно достанется ей. Я не была въ правѣ оспоривать у ней эту на-

дежду, какъ бы мало я ни раздѣляла ее. Простой разсчетъ: теперь насъ трое несчастныхъ; если онъ и я послѣдуемъ нашей страсти, останется лишь одна — этотъ разсчетъ не шелъ мнѣ въ голову, какъ-бы часто Гялмаръ не повторялъ его мнѣ. Я не могу быть счастливою за счетъ Бриты! былъ мой неизмѣнный отвѣтъ. Кромѣ того, это было-бы ужаснымъ ударомъ для моего благомыслящаго отца, который такимъ образомъ состоявшемуся союзу никогда не далъ бы своего благословенія. Должно было случиться что-нибудь рѣшительное. Было-ли это справедливое дѣло, на что я рѣшилась — я не знаю: человѣкъ вѣдь долженъ такъ часто довольствоваться лишь желаніемъ справедливаго. Но я думала, пока Гялмаръ еще питаетъ одну искру надежды, онъ не можетъ преодолѣть свою несчастную страсть, и что эта искра должна погаснуть, если бы я вышла за мужъ. Такимъ образомъ я сдѣлалась невѣстою, а потомъ и женою графа.

Графиня замолчала, отерла глаза платкомъ, который она держала въ рукахъ на колѣняхъ и пристально смотрѣла на открывающійся предъ нею ландшафтъ. Элеонора не посмѣла шевельнуться и едва перевести духъ. Даже если бы графиня, сама не подозрѣвая того, не отождествила Фредерику ея разсказа съ самой собою, она давно уже знала-бы, что героиня разсказа сидѣла передъ нею въ этой почтенной, пріятной фигурѣ.

И этотъ разсказъ такъ болѣзненно напомнилъ ей о другомъ, который она сама могла-бы разсказать — даже тѣми-же словами. Но этого графиня не могла знать. При всемъ томъ ей казалось, какъ будто дружеская рука держала передъ нею зеркало, въ которомъ она видѣла свое собственное лицо съ такою скорбью, которая все-таки не была болѣе такою чувствительною, какъ сегодня: какъ будто теченіе лѣтъ нѣжнымъ крыломъ вѣяло надъ нею и охладило жгучую рану.

Графиня снова повернулась къ ней; ея вѣки сдѣлались красными, какъ бы отъ сдержаннаго рыданія, но голосъ, который при послѣднихъ ея словахъ немножко дрожалъ, сталъ опять твердымъ, когда она продолжала съ кроткою улыбкою:

— Не правда-ли, странная благодарность за все прекрасное и пріятное, что вы разсказали мнѣ, — эта горестная исторія? Ну, по крайней мѣрѣ, она кончается лучше, чѣмъ она началась. Я не раскаялась въ своемъ выборѣ — ни на одну минуту: мой мужъ, какъ и его сынъ, не былъ великимъ человѣкомъ, но онъ былъ всегда добрымъ — въ прекрасномъ значеніи этого слова. Если вы меня спросите, была-ли я счастлива, то я, въ свою очередь, спрошу: что такое счастье? и рожденъ-ли человѣкъ къ нему? къ тому счастію, котораго онъ ожидаетъ въ лѣта страстной юности, — разумѣется, нѣтъ.

Это пріятный сонъ, изъ котораго, къ сожалѣнію, только слишкомъ скоро приходится пробудиться. Но что такое и страданіе?

Если его переживаютъ — а какое не переживается? — спустя нѣсколько лѣтъ-тоже только сновидѣніе, отъ котораго пробуждаются, благодарятъ-ли теперь за это Бога или нѣтъ. Поэтому не называемъ себя слабыми и безхарактерными; намъ слѣдовало, можетъ быть, такими быть, если намъ должно было жить. Но тутъ опять, конечно, позволительно спросить: зачѣмъ мы и вообще живемъ? Я частенько спрашивала себя объ этомъ и только одинъ отвѣтъ нашла на это, который если и не разрѣшаетъ всякое сомнѣніе, все-же дѣлаетъ сноснымъ наше существованіе, именно: при всѣхъ обстоятельствахъ дѣлать то, что мы, по нашему крайнему разумѣнію, считаемъ нашимъ долгомъ. Если наше бытіе не отъ Бога, но есть изобрѣтеніе діавола, то мы, по меньшей мѣрѣ, обманомъ лишили его удовольствія. Тогда мы не спрашиваемъ уже о счастіи, которымъ онъ хотѣлъ насъ одурачить, и о несчастіи, которымъ онъ хотѣлъ насъ помучить. Мы освободились отъ него; даже — вы не увидите въ этомъ никакого богохульства, — по крайней мѣрѣ, его не должно быть, — если это богъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, — то освободились и отъ него. Это должно даже согласоваться съ его намѣреніемъ: свободный, каковъ онъ, вѣдь, есть, ненави-

дить рабство; и что такое иначе люди, которые гонятся за счастіемъ и дрожатъ предъ несчастіемъ, какъ не рабы? Гялмаръ — я неохотно произношу это имя, но оно теперь принадлежитъ уже исторіи — былъ именно одинъ изъ таковыхъ. Хотя счастіе сдѣлало его надменнымъ, онъ не могъ, однако, перенести несчастія. Если бы я сдѣлалась его, — а это рано или поздно должно было бы открыться, — и этимъ была-бы запечатлѣна моя, какъ и его судьба. Нѣтъ надобности любить того, кого уважаютъ; но кого должно любить, того слѣдуетъ и уважать. И онъ можетъ быть не былъ геніемъ, какимъ я его считала въ моей юной фантазіи: геній, что я теперь называю этимъ именемъ и что, я думаю, единственно таковымъ можно назвать, если не хотятъ злоупотреблять этимъ высокимъ словомъ, — никогда не погибаетъ въ распутствѣ — никогда!

— А что стало съ Бритою? Тихое, кроткое существо, которое вы видите здѣсь, въ домѣ, какъ бы добраго генія, все созидающаго: г-жа Брита, какъ я ее назвала въ шутку и какъ она теперь всѣми, даже прислугою, называется не шутя. Я не знаю, что я стану дѣлать, если она умретъ раньше меня; и я думаю, если я умру раньше ея, то она тотчасъ-же умретъ вслѣдъ за мною.

— Такъ! Теперь я окончила. И почему я разсказывала вамъ эту длинную исторію? О,

Боже, только теперь это приходитъ мнѣ въ голову! — чтобы показать вамъ, какъ выглядитъ одна, которая пережила безнадежную любовь. Посмотрите-ка хорошенько на меня вашими большими, прекрасными глазами! Не правда-ли? Вѣдь это не такой ужасный видъ.

Элеонора исполнила, какъ ей было сказано. Но она видѣла благородное, блѣдное, кротко улыбающееся лицо только на одинъ моментъ. Потомъ она уже не видѣла его болѣе за крупными слезами, которыя выступили у ней на глазахъ. А затѣмъ она соскользнула внизъ со своего стула на колѣни и рыдая прижалась своимъ блѣднымъ лицомъ къ груди и рукамъ графини.

— Дитя мое, дитя! — слышало она нѣжный, кроткій голосъ надъ своею головою. — О, Боже, какъ охотно я назвалась-бы вашею матерью! Обѣщайте... обѣщай мнѣ одно: если бы закрылась рана твоей безнадежной любви — а она закроется, повѣрь мнѣ! — и ты могла-бы сдѣлаться супругою моего Гвидона, — а онъ, между тѣмъ не будетъ надоѣдать тебѣ ни словомъ, ни даже однимъ взглядомъ, но будетъ ожидать, какъ вѣрующій обѣтованія, — тогда напиши мнѣ только одно: ты можешь меня назвать своею дочерью! — Хочешь ты этого?

Элеонора не отвѣтила, не могла отвѣтить на это словами, а лишь поникшею головою дала свое согласіе.

— Запечатлѣемъ-же нашъ союзъ! — сказала графиня. Прижавъ ладони къ ея вискамъ, она нѣжно приподняла голову стоящей на колѣняхъ и искренно поцѣловала ее въ уста.

— А теперь встань, мое дитя! Я слышу, идутъ другіе. Имъ не нужно знать, что мы рѣшили между собою.

Глава шестнадцатая.

Прошло съ часъ времени, какъ графиня и ея дамы были опять уже дома. Обратная поѣздка, которую онѣ еще разъ сдѣлали въ экипажѣ графини, но безъ сопровожденія Гвидона, который остался въ Вендельштейнѣ у графини, — не была особенно пріятною, хотя во всю дорогу онѣ сопровождаемы были сперва послѣднимъ мерцаніемъ дня, а затѣмъ чудеснымъ полнолуніемъ. Генеральша все время сидѣла, отклонившись назадъ, въ свой уголъ, притворно представляясь спящею, въ дѣйствительности же переваривая въ себѣ всю злобу, которая наполняла ее. Китти припоминала свои различные интересные разговоры съ лейтенантомъ Тротгау, все болѣе при этомъ утверждаясь въ убѣжденіи, что она совершенно была права, противясь мамà и наказавъ Гвидона за его равно-

душіе. Смѣло начатый флиртъ съ лейтенантомъ Троттау былъ просто мастерскою штукою. Несомнѣнно, красивый молодой человѣкъ „prima vista“ влюбился по уши въ нее, и какъ извѣстный наслѣдникъ своего богатаго дяди онъ былъ — „faute de mieux“, пожалуй, завидною партіею. Въ виду предстоящаго озернаго празднества онъ упрашивалъ ее на каждый танецъ, который только будетъ у нея еще свободнымъ, и она съ увѣренностію надѣялась при этомъ случаѣ довести дѣло до конца. Клементина съ своей стороны думала только о Гвидонѣ и Элеонорѣ. Съ гордостію, которая наполняла ея сердце, она видѣла въ обоихъ милыхъ существахъ ея любимцевъ, которымъ она должна доставить къ ихъ счастію то, что теперь, послѣ того какъ Элеонора видимо подружилась съ графинею, стояло ближе и вѣрнѣе къ осуществленію. Ея умная Элеонора должна все-таки понять, что добрый, славный Гвидонъ дослуживаетъ, по меньшей мѣрѣ, столько же вниманія, какъ и юный сынъ лорда, поблекшій образъ котораго все еще безпокоилъ ея прекрасное сердце.

Если такимъ образомъ мать и дочери, каждая занятая своими мучительными или радостными мыслями, оставались безмолвными, то Элеонора, у которой голова и сердце полны были различными мыслями и ощущеніями, конечно, не чувствовала себя расположенною нарушить молчаніе, которое царило непрерывно,

не считая того или другого замѣчанія, сдѣланнаго съ той или другой стороны.

Даже когда прибыли домой и экипажъ графини, остававшійся на ночь на хуторѣ, въ Зеегаузенѣ, отосланъ былъ назадъ, оказалось, что, при видимомъ всеобщемъ утомленіи, приходилось отказаться отъ обычной, въ другое время столь восхваляемой генеральшею, вечерней бесѣды за чашкою чая. Такимъ образомъ всѣ разстались между собою уже въ передней комнатѣ, — генеральша и Китти исчезли въ своихъ комнатахъ, въ первомъ этажѣ, а Элеонора и Клементина поднялись по лѣстницѣ въ ихъ жилыя комнаты.

Клементина съ радостію отказалась отъ бесѣды внизу въ надеждѣ вознаградить себя за это гораздо большимъ и сердечнымъ обмѣномъ мыслей съ Элеонорою у себя наверху. Но она почувствовала себя очень разочарованною, когда Элеонора, дойдя до своихъ дверей, остановилась немного, пожелала ей „покойной ночи“ и съ поцѣлуемъ въ чело, который ей показался очень холоднымъ, разсталась съ нею.

Этого еще никогда не случалось за все время, когда онѣ считались подругами — съ перваго вечера по прибытіи Элеоноры. Придя въ свою уединенную комнату, дрожащею рукою поставила Клементина подсвѣчникъ на столъ и бросилась въ ближайшій стулъ, заливаясь слезами. Злая, недобрая, неблагодарная Элеонора! Но, можетъ быть, ея любимица была больна — она

выглядѣла такою блѣдною внизу, въ сѣняхъ! Или она оскорблена была поведеніемъ мамà и Китти, которое вѣдь было совершенно несноснымъ! Она сама — о, Боже! — она привыкла къ подобнаго рода обращенію; Элеонора могла требовать, что-бы ее не трактовали битыхъ два часа, какъ воздухъ. Если его превосходительство — старикъ Троттау такъ глупо любезничалъ съ нею, или графиня такъ видимо отличала ее — она, вѣдь, не могла не допустить это. И если Гвидонъ . . . конечно, она стояла на дорогѣ между Гвидономъ и Китти, и возможно, что мамà и Китти начали понимать это, если уже не поняли. И Элеонора поняла это своимъ тонкимъ чувствомъ, ближайшимъ слѣдствіемъ чего было бы то, что она при этихъ обстоятельствахъ не могла и не желала бы долѣе оставаться въ этомъ домѣ.

Когда Клементина пришла къ этому заключенію, которое сразу-же показалось ей совершенно несомнѣннымъ, исполненная ужаса, она начала ходить по комнатѣ, ломая руки. Элеонора хочетъ уйти! Что станетъ съ нею безъ Элеоноры! Она должна просто умереть отъ сердечнаго страданія. Да, тысячу разъ лучше, чѣмъ опять быть обреченною къ прежней, жалкой жизни и такъ дальше переносить отъ мамà все, какъ самая худшая служанка, а отъ Китти, какъ безсильное существо, на которомъ можно безнаказанно вымѣщать всякій капризъ! Не постучать-ли ей въ

дверь и не умолять-ли Элеонору, пока она не впустила-бы ее, а потомъ упасть къ ея ногамъ, обнять ея колѣни и сказать: Элеонора, если ты уйдешь и не возьмешь меня съ собою, я прямо убѣгу въ озеро?

Вдругъ она услышала нѣчто, что заставило ея сердце остановиться на одинъ моментъ, а затѣмъ забиться еще сильнѣе. Она услыхала шумъ у двери Элеоноры, а потомъ мягкіе, столь знакомые ей шаги мимо ея двери, по направленію къ боковой лѣстницѣ, которая въ концѣ корридора прямо вела въ садъ. Это могло быть только одно: слѣдующее утро не застанетъ уже Элеонору въ этомъ домѣ. Въ три дня она обворожила арендатора Безекова, какъ и всѣхъ, за исключеніемъ мамà и Китти. По ея просьбѣ, какъ-бы поздно это ни было, онъ тотчасъ-бы запрягъ лошадей и свезъ бы ее въ городъ. Тамъ осталась-бы она на ночь въ гостинницѣ, а утромъ, съ раннимъ поѣздомъ, поспѣшила-бы въ Берлинъ, — чтобы не видѣться болѣе никогда.

Все это съ быстротою молніи промелькнуло въ головѣ Клементины, которая ни на минуту не подумала, какъ все это въ высшей степени невѣроятно. Она должна остановить Элеонору, или — еще лучше — бѣжать вмѣстѣ съ нею.

Шляпа и мантилья остались у нея внизу, въ прихожей. Она схватила легкій платокъ, который попался ей подъ руку, набросила его на голову и плечи и поспѣшила за Элеонорою,

которую она надѣялась догнать еще въ корридорѣ, или-же на лѣстницѣ. Но она, должно быть, потеряла больше времени, чѣмъ она думала: корридоръ и лѣстница, которая достаточно освѣщалась мѣсячнымъ сіяніемъ чрезъ высокое, узкое сѣнное окно, были пусты; пусто было и то, что она могла обозрѣть изъ сада, когда она теперь стояла внизу, въ двери, которую Элеонора оставила незатворенною. Но о направленіи, которое избрала себѣ бѣглянка, не могло быть сомнѣнія: это — около дома, черезъ большую, открытую площадь предъ главнымъ входомъ, или если она, какъ можно предположить, хотѣла избѣжать его, то дальше черезъ садъ по дорогѣ къ боковой калиткѣ, чрезъ которую онѣ вчера, во время ихъ прогулки, пошли и возвратились назадъ. Оттуда можно было по проселочной дорогѣ, которая подъ прямымъ угломъ выходила на общинную дорогу, въ пять минутъ дойти до хутора. — Совершенно увѣренная въ своемъ предположеніи Клементина пошла теперь по этому направленію медленнымъ шагомъ, и если колотье въ сердцѣ становилось слишкомъ сильнымъ — она прислонялась къ дереву, пока не проходилъ припадокъ. Даже если-бы г. Безековъ и очень поторопился, все-же пока лошади выведены были изъ конюшни и стояли предъ телѣжкою, должно было пройти добрыхъ полчаса. —

Элеонорѣ не сидѣлось въ комнатѣ. Уже до-

рогою ей постоянно казалось, будто она должна выпрыгнуть изъ кареты и бѣжать въ ночную темноту. Что тамъ говорила графиня объ исполненіи долга и объ отреченіи — все это было хорошо и она сама себѣ говорила объ этомъ сотни разъ, — но въ основѣ это была все-таки трусость и измѣна въ любви, которую могъ совершить только тотъ, кто не любилъ дѣйствительно всѣми силами души, всѣми своими чувствами. Тогда и графиня не любила! — это было невозможно. Она могла отказаться отъ Гялмара, потому что ея разсудокъ былъ сильнѣе, чѣмъ ея сердце; и Гялмаръ долженъ былъ погибнуть, потому что его сердце было сильнѣе, чѣмъ его разсудокъ. Графинѣ хорошо было говорить: онъ погибъ-бы и со мною, — онъ не былъ геній. Но когда геній величайшаго художника получалъ свою богатѣйшуго и нѣжнѣйшуго пищу изъ какого-либо другого источника, кромѣ своего сердца? Разбей у него сердце — и ты разобьешь его геній. И къ чему вся эта великая мудрость? Затѣмъ чтобы каждый женился на женщинѣ, которую онъ любилъ, — что средній человѣкъ называетъ такою любовію, — и жилъ съ нею скучновато-честною жизнію, пока въ одинъ день порабощенное сердце не потребовало бы свое — его права биться за другое сердце, которое для него составляло средоточіе міра и весь міръ!

Все это промелькнуло въ разстроенной ду-

шѣ Элеоноры, въ то время какъ она поспѣшно шла по садовой аллеѣ, то окутанная темнотою, то облитая яснымъ свѣтомъ луннаго сіянія, которое отбрасывало ея тѣнь то въ сторону отъ нея, то прямо предъ нею. Она не преслѣдовала опредѣленной цѣли. Сама не сознавая того, спѣшила къ боковой калиткѣ, гдѣ она вчера вечеромъ, при разлукѣ, видѣла, какъ его глаза съ дикой яростію были направлены на нее, посылая какъ бы послѣднее ужасное привѣтствіе. Милые глаза! Ахъ, еслибы только одинъ, единственный разъ посмотрѣть на нихъ, умоляя о прощеніи! И еслибы они съ прощеніемъ глядѣли на нее и бездыханная, пагубная любовь Нордернейскихъ дней могла бы умереть въ послѣднемъ поцѣлуѣ!

Парковая дорога, по которой она шла, проходила какъ разъ совершенно недалеко отъ калитки, около густаго кустарника, въ которомъ устроена была сверху открытая бесѣдка со скамьями. Вдругъ она услышала тихое ржаніе лошади, и въ тотъ-же самый моментъ предъ нею стояла на дорогѣ фигура мужчины, который, должно быть, только что вышелъ изъ бесѣдки. Испугъ и безумная радость охватили ее — это вѣдь могъ быть только онъ! Вотъ онъ уже распростеръ руки и она съ тихимъ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему на грудь, отвѣчая на опьяняющіе поцѣлуи такими же горячими поцѣлуями.

И затѣмъ — никто изъ иихъ не зналъ, какъ они пришли сюда — они сидѣли въ бесѣдкѣ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, увѣряя и запечатлѣвая свои увѣренія блаженными поцѣлуями, что они обои любились и не могли-бы жить одинъ безъ другого.

Потомъ у нихъ пробудились воспоминанія Нордернейскихъ дней: штурмъ, который ихъ свелъ вмѣстѣ; превосходные обѣды за маленькимъ отдѣльнымъ столомъ въ широкой, но низкой столовой у Оттерндорфа, между всею мебельною стукотнею и многократными „bric-à-brac“ съ ворчливымъ хозяиномъ, который такъ грубо поступалъ съ своими гостями, что они постоянно жили въ страхѣ, какъ бы не дошло до сцены между нимъ и Ульрихомъ; и ихъ блужданіе по острову и отдыхъ на тикой песчаной дюнѣ съ видомъ на море; какъ онъ всегда располагался немного пониже, чѣмъ она, чтобы удобнѣе было смотрѣть въ ея глаза; и въ послѣдній день большое путешествіе къ „Бѣлой дюнѣ“, гдѣ они такъ праздно провели дорогое время, употребивъ его на рисованіе, а онъ не находилъ ничего лучшаго, какъ только смотрѣть на нее! О, глупое, милое созерцаніе! зачѣмъ ему всегда нужно было смотрѣть на нее!

И что одинъ и другой говорили при томъ или другомъ случаѣ: какое умное слово сказала она, и какую ужасную глупость онъ! И какъ они на жизнь и смерть спорили и ссорились и

онъ подъ конецъ всегда уступалъ ей — и не потому, чтобъ былъ убѣжденъ! Сохрани Богъ! никогда! — а только просто изъ за учтивости и состраданія къ ея недостаточной женской логикѣ и ужаснымъ пробѣламъ ея поверхностнаго образованія!

Ни одна малѣйшая сцена, ни одно какое-либо незначительное слово не были забыты!

А теперь шелъ споръ о томъ, кто кого сперва полюбилъ! По увѣренію Ульриха — онъ: потому что онъ полюбилъ ее съ самаго перваго взгляда въ ея глаза, и при всемъ ея желаніи она не можетъ оспоривать этого; въ чемъ она должна была уступить и согласиться, что любовь явилась у нея только нѣсколько минутъ позднѣе: именно, въ тотъ самый моментъ, когда штурмъ бросилъ ее въ его руки и почувствовала, что онъ прижалъ ее не крѣпче, чѣмъ это нужно было для поддержанія. Съ какою смѣлостью она должна теперь вознаградить его заключительнымъ поцѣлуемъ.

— И это-послѣдній, мой милый. Я должна идти домой. Иначе Клементина заподозритъ меня. Она спитъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Добрая дѣвушка! Знаетъ она про нашу любвь?

— Ради Бога!

— Но я знаю про другую. Тебѣ не нужно безпокоиться; этотъ человѣкъ не пробол-

тался, я только сообразилъ: графъ Гвидо любитъ тебя.

— По крайнѣй мѣрѣ, онъ мнѣ это сказалъ.

— Измѣнница! когда?

— О, уже недѣля тому назадъ или около того — въ Берлинѣ.

— А ты? Что ты отвѣтила ему?

— Что я потеряла мое сердце — безнадежно... Мой милый, ты долженъ уходить; твой Робинъ отобьетъ подковы.

— Пускай его!

— А дома?

— У меня нѣтъ дома.

— А твоя жена!

— У меня нѣтъ жены. Милая, считаешь-ли ты возможнымъ, чтобы мои уста коснулись устъ другой женщины, послѣ того какъ ты поцѣловала ихъ?

— Ради Бога! Только не объ этомъ! Только не объ этомъ! Не омрачай мнѣ этого единственнаго часа!

— Но это не можетъ такъ оставаться.

— Но какъ-же иначе?

— А вотъ какъ. Тебѣ только не надо прогонять меня, а слѣдовать за мною. Куда? — безразлично! только прочь отсюда! Сейчасъ-же! здѣшній арендаторъ — мой хорошій другъ. Онъ дастъ намъ экипажъ. Завтра къ вечеру мы будемъ на сто миль отсюда. Пойдемъ-же! я умоляю тебя: пойдемъ!

— Ульрихъ, сжалься надо мною! Ты видишь, я должна дѣлать, что ты хочешь. Но ты не можешь желать этого.

— Такъ ты меня не любишь!

— Больше, чѣмъ ты самъ себя любишь. Если случится то, что-ты хочешь — ты сдѣлаешься несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ.

— Несчастнѣе, чѣмъ я уже теперь?

— Въ тысячу разъ несчастнѣе. Не забудь, Ульрихъ, что я также несчастна, какъ и ты.

— Нѣтъ, ты не несчастна. Ты свободна. Ты ни передъ кѣмъ не отвѣтственна. Тебѣ не придеться видѣть горя... ну, что!

— Мой бѣдный, бѣдный Ульрихъ! Да, ты несчастнѣе меня — даже много, много несчастнѣе! „но ты — мужчина.“

— Я терпѣлъ, пока можетъ терпѣть мужчина. Больше я не могу.

— О Боже, Боже!

Оба они плакали, обнявшись. Затѣмъ Элеонора первая высвободилась изъ объятій.

— Намъ нужно разстаться, мой милый: тебѣ еще предстоитъ долгій путь.

— Домой я не поѣду... въ городъ... куда нибудь... только не домой.

— Все равно тебѣ надо уйти отсюда. Сюда ты не можешь больше показываться. Не правда-ли, вѣдь это невозможно?

Послѣ завтра у васъ озерный праздникъ, и я думаю, мы прибудемъ тоже. Ты долженъ

быть тамъ. Тамъ мы еще переговоримъ. Если нѣтъ, я тебѣ напишу. Ты мнѣ это позволишь?

— Отчего-же! Пиши въ городъ — poste-restante.

— Все равно . . . Пойдемъ, я провожаю тебя до твоей лошади. И обнявшись, вышли изъ бесѣдки. —

Клементина дошла по узкой боковой тропинкѣ до густаго кустарника, который окружалъ бесѣдку, какъ вдругъ услышала говоръ не далеко отъ себя. Испугавшись, она остановилась. Это, навѣрное, какая нибудь влюбленная парочка изъ деревни, которая устроила себѣ свиданіе въ этомъ уютномъ, всегда почти открытомъ, господскомъ паркѣ. Неловкое положеніе! Ей оставалось пройти мимо широкаго входа бесѣдки, или же вернуться обратно дальней дорогой. Но это было невозможно. Она была бы рада, если-бъ у нея хватило силъ добраться до арендаторскаго дома.

Въ кустарникѣ было одно пустое мѣсто. Мѣсяцъ, котораго подъ конецъ закрыло облако, выплылъ опять въ полнѣйшемъ блескѣ. Его сіяніе ясно освѣтило въ бесѣдкѣ скамью, на которой сидѣли разговаривающіе: Элеонора и Ульрихъ.

Мыслимо-ли, возможно-ли это?

Но картина оставалась совершенно ясною. Она могла различать на лицахъ каждую черту.

А теперь, при бездыханной тишинѣ вокругъ,

даже и каждое ихъ слово: ласковыя, страстныя слова — исповѣдь, признанія, торжественныя увѣренія, безумно-милая болтовня и поцѣлуй за поцѣлуемъ.

Она хотѣла бѣжать; но больное сердце стучало такъ сильно; она боялась упасть при первыхъ шагахъ и тѣмъ, вѣрнѣе всего, открыть свое присутствіе. Она не могла ничего иного сдѣлать, какъ, обхвативъ обѣими руками стройный стволъ одного деревца; оставаться безъ движенія.

Какъ долго? Она не умѣла бы опредѣлить этого. — Ей показалось это часами, хотя, быть можетъ, прошло только нѣсколько минутъ, пока тѣ оставили бесѣдку.

Но и тогда она оставалась неподвижною: Элеонора должна была возвратиться тою-же дорогой.

Она, — эта стройная фигура, шла поспѣшными шагами назадъ, и такъ близко мимо нея — что казалось чудомъ, если она осталась незамѣченною.

Потомъ она уже не слышала болѣе эластичныхъ шаговъ и, наконецъ, могла осмотрѣться, гдѣ она стояла, и, устремивъ пылающіе глаза въ землю, попытаться привести въ порядокъ въ ея разстроенномъ мозгу все то, что она только что видѣла и слышала.

Это, стало быть, была любовь — не та, о которой она тысячу разъ читала въ книгахъ — но дѣйствительная любовь двухъ здоровыхъ,

прекрасныхъ людей, которые вполнѣ могли наслаждаться этимъ сладостнымъ напиткомъ. Это была любовь, отъ которой она была устронена, какъ отвратительный калѣка съ кривыми бедрами и высокимъ плечомъ! Ахъ! какъ она возненавидовала на эту Элеонору, счастливицу, которую любилъ Ульрихъ! А она не любила его, такъ, какъ слѣдовало бы любить подобнаго Ульриху, такъ какъ она, полюбила-бы и какъ она любила его! Это онъ ей сказалъ: бѣги со мною! — Да, Ульрихъ, да! хоть на край свѣта! Чтобы только сдѣлать тебя счастливымъ, если я могу! и чтобы умереть, если я не въ состояніи, не спрашивая ни людей, ни небо, ни ада смѣю-ли я это!

Что-же остается теперь? Въ озеро? Это было-бы самымъ простымъ средствомъ... Она, можетъ быть, догнала-бы его... Или лечь здѣсь — на сырой землѣ? Тогда рано утромъ она навѣрное была-бы уже трупомъ...

Наконецъ необузданная скорбь разрязилась потокомъ слезъ и измученное сердце почувствовало вновь обычное, тихое, пріятное бїеніе. Ахъ, ея любимцы! Они такъ безгранично были несчастны! Если бы она могла имъ помочь! Какъ охотно она отдала бы за это свою жизнь!

Но этого было недостаточно. Она должна возвратиться домой, въ постель. Она войдетъ такъ тихо, что и Элеонора ничего не услышитъ.

А если бы она и услышала? Почему бы

не могло явиться у нея желаніе пойти прогуляться въ прекрасную лунную ночь? Вѣдь это должно быть позволено бѣдной калѣкѣ, хотя у нея и нѣтъ тайнаго любовника и она увѣрена, что останется одна одинёшенька, какъ камень при дорогѣ, оставленная всѣми — въ эту прекрасную лунную ночь!

БЕЗМОЛВІЕ НЕБА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Глава первая.

— Она заболѣла, или же только все притворяется больной, лишь бы другой предоставить мѣсто; повѣрь мнѣ! — сказала генеральша Киттѣ утромъ въ день морскаго праздника. — Да вѣдь и смѣшно! какъ будто мы приводили ее къ подобнымъ приключеніямъ!

— Почему же ты не потребовала у нея исполненія даннаго слова, когда она предлогала остаться у Клементины? — спросила Китти. — Я не могу больше на нее смотрѣть! —

— Миленькое дитя! возразила ей генеральша, прогуливаясь съ ней по террасѣ и хвотая теперь Китти за руку. — Будь увѣрена, ненавижу я ее какъ и ты, но при первомъ удобномъ случаѣ вылетитъ она у меня. Графиня въ нее просто такъ и влюбилась, а пока ты рефлектируешь сколько нибудь на Гвидо.

— Сколько разъ мнѣ тебѣ повторять, что я этаго не дѣлаю? — закричала Китти. — Робость — пустяки! Въ этомъ ты меня больше не разубѣдишь. Третьяго дня онъ просто гадко поступалъ со мной.

— Зато же ты и передъ Гансъ Троттау до-

вольно сильно кокетировала. Послѣ того какъ я видѣла, что Гвидо же... ты не хочешь повѣрить мнѣ!... Хотя это вздоръ, миленькое дитя!

— Никакой вздоръ! Что я видѣла, то и понятно. Онъ ее цѣлый день обожалъ, какъ сумасшедшій. Держу пари, онъ влюбился въ нее уже на желѣзной дорогѣ. Она послѣ этого начала свое! Отъ этой персоны можно всего ожидать!

— Это было бы ужасно, бормотала про себя генеральша, — болѣе чѣмъ ужасно; это значитъ: мы же сами подбавляли масла въ огонь!

— И совсѣмъ справедливо! сказала Китти. Она знала навѣрняка, что она у насъ сблизится съ нимъ. Да. Это ихъ, заранѣе обработанный, планъ.

— Ужасно! повторила генеральша. Если-бъ ты, по крайней мѣрѣ, была увѣрена въ Гансъ Троттау! Такъ увѣрена, какъ аминь въ церкви. Это увидишь сегодня вечеромъ.

Генеральша вздохнула, но опосалась противорѣчить: Китти снова доказала, что она смекливѣе; за послѣднее время повторялось это чаще, но сознаться въ этомъ генеральшѣ не хотѣлось. Онѣ остановились возлѣ балюстрады; каждая погрузившись въ свои размышленія, глядя на Ивана, который на мосту пристани приготовлялъ лодку для катанія.

Элеонора возвратилась опять къ Клементинѣ,

которую она со вчерашняго утра, за исключеніемъ только короткихъ промежутковъ, не оставляла одной, не смотря на замѣчанія генеральши и Китти, что ея заботы, кажется, совсѣмъ лишни. Сотни подобныхъ замѣчаній пережила и Клементина.

Клементина потвердила, что они на обратномъ пути изъ Вендельштейнъ, по всей вѣроятности, немножко объяснились, но, не смотря на то, она провела спокойно ночь, только подъ утро старыя боли возлѣ сердца пробудили ее. Предписанныя средства доктора Бальтазаръ для подобныхъ припадковъ послужили благопріятно, какъ всегда.

Но средства эти въ дѣйствительности ей не послужили, и благодаря энергичнымъ просьбамъ Элеоноры былъ призванъ докторъ изъ города; онъ осмотрѣлъ, замысловатаго ничего не нашелъ; предписалъ новое средство и, между прочемъ, предложилъ только высшѣе спокойствіе и тишину.

Успокоиться безъ Элеоноры, одно это, было очень печально. День этотъ не принесъ никакого замѣтнаго улучшенія. По словамъ доктора, посѣтившаго ее сегодня передъ обѣдомъ, состояніе ея, долженъ былъ сознаться, не перемѣнилось. Да! если бы оно ухудшилось! Но такъ, — Mᵉˡˡᵉ Риттеръ можетъ совсѣмъ безъ-заботно учавствовать сегодня вечеромъ въ морскомъ праздникѣ. Это, должно быть очень интересное, да, единственно въ своемъ родѣ, но она

бы желала не учавствовать въ этомъ. Онъ уговаривалъ весь свѣтъ, туда собраться; вчера же еще баронессу Рандовъ, которой, при постоянно однѣхъ и тѣхъ-же хозяйственныхъ и домашнихъ заботахъ, не повредило бы маленькое развлеченіе. Призадуматься на счетъ пустяковъ жизни, это самое сомнительнѣйшее дѣло, на которое человѣкъ можетъ пуститься. Тѣмъ не менѣе Элеонора только что просила генеральшу позволить ей остаться дома.

— Ну, что сказала мамаша? — спросила Клементина свою подругу, сидѣвшую опять возлѣ нея на кравати.

— Ея горячее желаніе, чтобъ я съ ними пошла. Не понимаю почему, отвѣтила Элеонора.

— Полагаю, я могу тебѣ это объяснить, сказала Клементина улыбаясь блѣднымъ ротикомъ. — Такъ какъ она не хочетъ показать, какъ ее это злитъ, что графиня Бихъ тебѣ оказывала предпочтеніе, но и то, что Гвидо, своимъ скромнымъ манеромъ, возлагаетъ на тебя надѣжды и ухаживаетъ за тобой.

— Ахъ ты бѣдненькая! кромѣ мыслей о любви у тебя нѣтъ ничего больше въ головѣ.

— Да; конечно я не весталка, подобная тебѣ. Серьезно говоря, милая, скажи сама, когда Гвидо придетъ къ тебѣ и въ одинъ прекрасный день положитъ свою графскую корону къ твоимъ ногамъ, оставишь ли ты ее и его лежать на мѣстѣ?

— Онъ больше не придетъ.

— Ну а если и придетъ?

— Такъ и тогда еще имѣю достаточно времени, чтобъ все обдумать. Пока же засни, по совѣту доктора.

— Развѣ можно спать, пробормотала Клементина, глядя на одѣяло.

Молча разсмотривала ее Элеонора нѣкоторое время какимъ — то испытывающимъ взглядомъ; затѣмъ произнесла:

— Клементина! сознайся, сверхъ твоихъ страданій еще что-то мучаетъ тебя; быть можетъ это только ихъ послѣдствія. Не можешь ли мнѣ довѣриться?

— Про тебя я такъ забочусь! сказала Клементина, продолжая смотрѣть на одѣяло.

— Про меня? Какъ такъ? Почему?

— У меня то вѣрное предчувствіе, что тебѣ не долго у насъ выдержать. Я не могу тебя въ этомъ обвинять: при всей своей вѣжливости и любезности онѣ завидуютъ тебѣ, и это обученіе англійскому стало теперь одною пустою фантазіей. Если же ты уйдешь, такъ я должна остаться опять съ этими двумя! о это ужасно! Посмотри! это было бы такъ прекрасно: ты бы вышла замужъ за Гвидо, стала бы графиней, и если же въ свободные часы, въ часы досуга понадобилось тебѣ въ компаніонкѣ, тогда вспомнила бы про бѣдную Клементину, взяла бы ее

къ себѣ, только изъ-за состраданія, знаешь! тогда была бы и у тебя своя Брита, какъ и у твоей тещи и — и —

Она закрыла лицо руками и залилась горькими слезами.

— Дитя, дитя мое! совсѣмъ испуганно закричала Элеонора, — тебѣ нужны спокойствіе, тишина, ты волнуешься, да изъ-за чего? ровно изъ-за ничего, повѣрь, изъ-за ничего. Я выйду, за-мужъ, за твоего-же графа, если еще разъ приподнесетъ къ моимъ ногамъ свою корону. Однажды онъ сдѣлалъ это... въ вагонѣ желѣзной дороги... корону своего малаго чемоданчика... его просьбами была принуждена положить мои ноги на нее. Но ты понимаешь, того мнѣ было недостаточно. Для этого должна быть уже настоящая графская корона, та чистаго восемнадцатикаратнаго золота, та, съ которой онъ вечеромъ ложится спать. Теперь находишь сама, что ты должна смѣяться надъ своей наивностью. Будь мнѣ моей доброй Клементиной и попробуй заснуть! Я должна отправить нѣсколько писемъ, и охотно хотѣла-бы еще сегодня послѣ обѣда вручить ихъ курьеру. Дверь оставлю открытой, и если тебѣ понадобится кое-что, такъ, прошу, позови меня.

Довольно долго просидѣла Элеонора за своимъ портфелемъ, пока смогла написать первое слово.

Въ ея сердцѣ, въ ея головѣ было очень печально. При мысли про чудный часокъ вчерашней ночи, при его пріятныхъ воспоминаніяхъ, бросающихъ свои чудные лучи сквозь ея смѣшанныя думы, пробуждалось печальное и больное чувство. Она сдѣлала то, чего не хотѣла и даже не смѣла: она усилила страсть Ульриха, которая, по ея мнѣнію, ради собственной новой страсти къ новому ужасному пламени, послѣ сцѣны предъидущаго вечера, должна превратиться у него въ гнѣвъ и ненависть. Тотчасъ-же вчера она написала ему письмо и выразила въ немъ свою искреннюю благодарность за его любовь, на которую она отвѣчаетъ ему, такою-же чистою, выходящей тоже изъ глубины ея души и сердца, въ чемъ онъ теперь навѣрно не сомнѣвался, но вмѣстѣ съ тѣмъ на колѣняхъ умоляла его больше отъ нея ничего не требовать, не требовать, что-бъ она стала его женой. Это вполнѣ не возможно! Она никогда не могла бы позабыть, что для своего счастья должна была-бы похитить женѣ-мужа, а дѣтямъ-отца. Какъ ни страшна эта борьба, а она все таки лучше хотѣла бы явиться въ его глазахъ малодушной и жалкой, но спокойно и терпѣливо переносить даже то самое прискорбное: сомнѣніе его въ ея любви и его недовѣріе къ ней, нежели быть осужденной собственною совѣстью.

Это была роковая жалоба на письмо послѣднѣй ночи въ Нордерней, превратившаяся

теперь въ короткій, сомнительный крикъ бѣднаго сердца.

Это письмо она хотѣла дать вчера курьеру, который по условію являлся въ зеегаузенъ въ опредѣленные часы ежедневно послѣ обѣда. Сквозь землю хотѣла бы она провалиться со стыда, что сама сунула ему секретнымъ образомъ въ руки это письмо, что она поспѣшила за нимъ, оправдываясь, какъ будто забыла что-то, и этотъ человѣкъ безъ всякихъ подозрѣній и замѣчаній положилъ письмо въ карманъ, хотя, какъ ей показалось, съ удивительнымъ взглядомъ на постъ-рестантный адресъ его. Нѣтъ, нѣтъ! это не можетъ дальше такъ продолжаться. Хотя бы и лопнуло его дорогое сердце — такъ нельзя. Она должна уйти.

Тетя сильно бы удивилась, если-бъ она послѣ этихъ нѣсколькихъ дней вернулась домой. Вотъ и письмо ея, на которое уже два дня неотвѣчено. И такъ Донъ-Фернандо значитъ, дѣйствительно числа пятнадцатаго хотѣлъ оставить пенсіонъ. Онъ отказалъ въ квартирѣ. „Онъ говоритъ,“ пишетъ тетя, „что республика Чили нуждается теперь во всѣхъ своихъ сынахъ отечества;“ но я увѣрена, что онъ не возвращается домой, а только нанялъ меблированныя комнаты, и то на Краузенской улицѣ. Эту потерю я перенесу: — изъ всѣхъ моихъ молодыхъ господъ, онъ былъ мнѣ менѣе всего симпатиченъ — и не почувствовала бы ея, если-бъ мой проектъ исполнился,

именно: получить мальчиковъ, какъ когда — то, а не господъ. Не смотря на мое объявленіе, помѣщенное въ трехъ различныхъ дневникахъ — мнѣ совѣстно признаться — ни въ одномъ опозиціонномъ до сихъ поръ еще не послѣдовало предложенія. Мнѣ жаль выброшенныхъ на это денегъ. Къ тому и моя милая, бѣдная Тильхенъ при своемъ ослабленіи нуждается въ частомъ хорошемъ попеченіи, почему и не могу отказать Августѣ — Эмилія уже отправлена — не смотря на то, что помощница въ моемъ положеніи составляетъ уже роскошь. Перваго Октября переберусь на меньшую квартиру, распродавъ большую половину моей мебели, съ которой мое старое сердце такъ крѣпко срослось! О, если не поможетъ Господь Богъ! я не знаю, что произойдетъ съ Твоими бѣдными родственниками.“

Добрая старушка! Какъ забилось бы ея старамадное сердце отъ радости, если бъ я ей сообщить могла слѣдующее: Дорогая Тетенька! позволь обрученной графа Венделинъ... и я полагаю, это не можетъ обидѣть твою гордость, если въ будущемъ госпожа графиня, твоя племяница... ахъ!

Элеонора провела рукою по глазамъ, какъ будто передъ ними образовывалась картина, которую она должа была уничтожить, и съ быстротою полета набросила перомъ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ ободряла тетю, прибавивъ,

что ей предвидится черезъ нѣсколько дней, послѣ такого теперешняго положенія дѣлъ, отъ котораго она больше, чѣмъ только измучена, опять вернется въ Берлинъ, гдѣ онѣ совокупно будутъ могли обдумать, какъ — бы можно было помочь переживаемой и предстоящей нуждѣ.

Она чувствовала вполнѣ, что это только фразы, но что она можетъ писать, если нѣтъ для этого другаго матеріала?

Она тихо подошла къ открытой двери: Клементина лежала спокойно и, казалось, заснула.

И вотъ человѣкъ, нуждающійся въ ея помощи, подносящій къ ней свои молящіе взоры и ей она не могла помочь. Ахъ, это ужасное, это сокрушающее сознаніе безсилія; фантазія достигаетъ самого высшаго, самого прекраснаго; и чувствуешь, что это не пустой сонъ, а эта жалкая дѣйствительность осуждаетъ на бездѣліѣ ту силу, которая движется въ головѣ, въ сердцѣ!

Она вернулась къ письменному столу и вынула изъ портфеля письмо Борикина, которое получила въ послѣдній день своего прабыванія въ Берлинѣ; вслѣдствіе его полусумасшедшаго, ей не понятнаго содержанія, — она не отвѣчала на него. Сегодня же она получила симпатію къ этому письму, ей понравилась это полусумасшествіе, которое съ жизнью играло „va banque“, которое не призывало больше благоразумныхъ шансовъ.

И ея письмо было полно сверхъ отважнаго

полусумасшествія, длинное письмо, такъ что послѣ окончанія она не могла его прочитать. Ей надоѣло уже, говорить одно, что-бъ въ слѣдующую же минуту брать это обратно, дѣлать то, о чемъ вскорѣ сожалѣетъ.

Нѣсколько часовъ спустя она стояла передъ кроваткой Клементины, уже одѣтая къ празднику.

— Какъ же ты красива, сказала Клементина, — не удивительно, что женщины тебя ненавидятъ, а мущины любятъ. Подъищи себѣ сегодня одного, который добръ и скроменъ, знаешь; и въ которомъ ты увѣрена, что онъ не будетъ мучить тебя ревностью, который хочетъ одного: тебя любить и сдѣлать тебя счастливой.

— Я боюсь, цѣлое можетъ быть немножко скучно, сказала Элеонора; — но я попробую, съ тѣмъ однако условіемъ, что въ моемъ отсутствіи будешь послушною, и когда вернусь вечеромъ ты улыбнешься мнѣ своими милыми глазами.

— Я непремѣнно постараюсь; а теперь еще одинъ поцѣлуй! Ты моя любезнѣйшая, моя лучшая, ты мое все!

Глава вторая.

Уже нѣсколько часовъ продолжался праздникъ, и теперь онъ былъ въ полномъ разгарѣ; соотвѣтственно программѣ, съ пристани гостиницы „Три щуки“, за часъ до заката солнца, раздались три выстрѣла изъ мордира; это былъ сигналъ для жившихъ возлѣ озера, что-бъ они заняли мѣста въ своихъ лоднахъ. Въ прежнія времена эта поѣздка по озеру была обязательной; погода не служила никогда препятствіемъ и даже, если бывала плохой, такъ чѣмъ хуже она становилась, тѣмъ болѣе веселились празднующіе, а праздникъ принималъ болѣе оживленный видъ. Но уже со времени нѣсколькихъ лѣтъ пользовались лодками только тогда, если вода, какъ и на этотъ разъ, безъ противорѣчія была красивая. Лодочное катаніе потеряло тоже свое символическое значеніе съ того времени, когда праздновавшее общество уже, съ давнихъ поръ, не слагалось больше изъ этихъ семи дворянскихъ семействъ, которыя проживали по берегамъ озера! Находилось быть принужденнымъ почтить приглошеніями и гражданскихъ дочерей, прежнихъ фонъ Фойгтскихъ и фонъ Вальдовскихъ, а теперешнихъ городскихъ добряковъ! затѣмъ и представителей города, и офицеровъ двухъ эскадроновъ, горнизующихъ въ немъ; далѣе тѣхъ, которыя съ озеромъ ничего общаго не имѣли, какъ напримѣръ господина фонъ Троттау и дру-

гихъ; такъ, что и само названіе: „Морской праздникъ“ было только понятно „cum grano salis“. Старинную строгую уважаемую традицію напоминало по крайней мѣрѣ то одно обстоятельство, что съ позволенія королевскаго главнаго лѣсничьего какъ гостиница съ ея принадлежностями, такъ, и смежный лѣсъ, уступались въ этотъ вечеръ исключительно только соучастникамъ въ праздничествѣ, да и то еще, что хозяинъ гостиницы обязывался, ни подъ какимъ видомъ, не принимать постороннихъ лицъ.

За эти извѣстія Элеонора была обязана господину Іоахиму фонъ Брандтъ, хозяину имѣній Пустовъ и Земло, который, какъ одинъ изъ устроивающихъ, поторопился этой баришнѣ, находящейся въ первый разъ въ этомъ кружкѣ, удостоить чести, по просьбѣ Гвидо, „потанцовать“ немного съ этой молодой дамой, которая составляла особое protégée его мамаши. Для Гвито была бы неописанная радасть самому исполнить этотъ долгъ; но онъ чувствовалъ, что столь пріятную задачу долженъ предоставить другимъ, и онъ терпѣливо поджидалъ минуты начала бала, которая, о Боже! должна была свести его въ близость съ его возмобленной. Благодаря стараніямъ господина фонъ Брандтъ, Элеонора скоро замѣтила себя окруженной на каждомъ шагу множествомъ внимательныхъ кавалеровъ, изъ числа которыхъ, своими стараніями, отличалось, въ особенности, нѣсколько офицеровъ. Въ иной разъ,

быть можетъ, и было бы ей это досадно, но сегодня она переносила это положеніе особенно охотно, лишь бы не встрѣтиться съ худшимъ: неотлучнаго пребыванія съ генеральшей и съ Китти, которая не покидала маминой сторонки на столько-же, на сколько не покидалъ ее лейтенантъ фонъ Тротта, явившійся сегодня во формѣ.

Тамъ стоялъ опять передъ ней неутомленный господинъ фонъ Брандтъ; тронувъ нѣсколькихъ офицеровъ, разговаривающихъ съ нею, онъ обратился къ нимъ:

— Простите, господа, если я васъ попрошу довѣрить мнѣ на нѣсколько минутъ вашу почтенную собесѣдницу! Милостивая сударыня! моя, женя сгораетъ отъ желанія познакомиться, лично съ Вами, четверть часа ищу Васъ; позволите предложить Вамъ руку?

Элеонора находилась съ ея кавалерами со стороны берега, куда почти многіе стремились, чтобъ запастись вѣрнымъ и хорошимъ мѣстечкомъ для предстоящего, ожидаемаго фейерверка. Пока, остается же еще полъ-часа времени; вѣдь онъ ужъ позаботится, что-бъ послѣ, милостивая сударыня, имѣла мѣсто, увѣрялъ Элеонору господинъ фонъ Брандтъ подорогѣ, когда онъ ее провожалъ черезъ домъ, мимо открытой двери столовой, въ которой виднѣлось много маленькихъ столиковъ, приготовленныхъ для souper, на площатку по другой сторонѣ, откуда, подъ деревьями, пышно украшенными разноцвѣтными фа-

нарчиками, можно было замѣтить еще довольно публики, гуляющей подъ звуками военнаго оркестра, или же разговаривающей группами, отдыхавшими на скамьяхъ и стульяхъ.

— Вотъ моя жена! произнесъ господинъ фонъ Брандтъ, намѣкая на одну малую изъ этихъ группъ, состоящую изъ трехъ, четырехъ дамъ. Элеонора вздрогнула: возлѣ той, на которую господинъ фонъ Брандтъ указалъ, какъ на жену, сидѣла Герда. Такъ какъ было уже поздно и тотъ, ради котораго она сюда прибыла, не явился еще въ пеструю толпу, то она надѣялась и боялась, чтобъ для нихъ обѣихъ сегодняшнее свиданіе не окончилось печально — сладкимъ; ну, да пусть и произойдетъ!

— Милая Ядвига! вотъ привожу тебѣ эту молодую даму; баронесса! позволите представить вамъ Mᵉˡˡᵉ Риттеръ, а, pardon! дамы уже знакомы! И такъ я могу удалиться — у меня еще много . . .

Господинъ фонъ Брандтъ исчезъ. Госпота фонъ Брандтъ предложила Элеонорѣ мѣсто на сосѣдній незанятый стулъ и ввела ее въ разговоръ, на сколько кажется, о воспитаніи дѣтей. Дослышать все точно, что говорили, мѣшала близость оркестра, играющаго теперь одинъ изъ вальзовъ Страусса.

Казалось это не мѣшало госпожѣ фонъ Брандтъ продолжать: съ большей скоростью начатый разговоръ, и очевидно съ тѣмъ убѣжденіемъ, что она

оказывала тѣмъ зеегаузенской компаньонкѣ большую честь и доставляла ей рѣдкое наслажденіе. Элеонора съ удовольствіемъ уступала слово этой загадочной дамѣ; тѣмъ находила она, по крайней мѣрѣ, время, хоть кое-какъ успокоить испуганныя нервы отъ неожиданнаго появленія Герды, и приготовиться на ту страшную минуту, когда ей придется увидѣть Ульриха, стоящимъ тутъ передъ ней. Время отъ времени ея испытывающій взоръ разсматривалъ лицо Герды, по видимому обращая мало вниманія на разговоръ съ остальными двумя дамами. Погружаться въ пустыя мысли — опасно, замѣтилъ сегодня утромъ докторъ Бальтазаръ. Видъ Герды потверждалъ его слова. Она была очень блѣдной съ широкими, темными полосками подъ матовыми безучаственными впередъ смотрѣвшими глазами. Вялыя ослабленныя черты лица не позволяли развиться той мужественной энерги, которая должна была отличить баронессу. Она выглядѣла десятью годами старше того, сколько ей приписывала Элеонора; да и Гердѣ показалась она, за то короткое время, послѣ первой ихней втрѣчи, какъ — то похудавшей; кромѣ очень элегантнаго, полнаго вкуса, платья не было въ ней ничего больше праздничнаго; все это производило на Герду то странное впечатленіе дамы, ищущей покоя отъ глубокаго, душевнаго страданія. Взглядъ этотъ рѣзаль душу Элеоноры. Она знала, откуда произошла эта скорбь и дрожала

при мысли, что бѣднѣйшей могутъ вдругъ раскрыться глаза и тогда она узнаетъ, что тутъ, противъ нея сидѣла та, которая ей доставила это страданіе, и отъ которой зависила перемѣна этаго страданія въ полное отчаяніе. Это не переносимо! восклицало постоянно что — то у нея въ душѣ.

Госпожа фонъ Брандтъ встала съ поверхностнымъ извиненіемъ поздороваться съ подругой, которую она только-что примѣтила въ гуляющей толпѣ.

Стулъ между Гердой и Элеонорой былъ опять не занятъ.

— Не угодно-ли вамъ подсѣсть ко мнѣ, сказала Герда.

Музыка окончила вальсъ; другія обѣ дамы продолжали свой, по видимому, важный разговоръ, такъ что, если бы Элеонора и Герда захотѣли завязать интимный разговоръ, такъ теперь предстоялъ имъ самый удобный случай.

Элеонора не искала бы подобнаго случая; представился самъ, такъ и ничего не подѣлаешь. Съ женою Ульриха она сходилась недавно, но постоянно въ присудствіи другихъ, и не могла поэтому имѣть полнаго представленія на счетъ этой женщины. Она хотѣла его имѣть, хотѣла знать, кто былъ тотъ, который въ теченіи десятилѣтняго замужества не заслужилъ любви Ульриха, а если она хотя разъ и проявилась, такъ не съумѣлъ поддержать ее. По опыту

она знала, что иногда, при изученіи характера, мимолетное слово, пущенное въ разговоръ, стоитъ больше цѣлало длиннаго ряда наблюденій.

Почти недавно, Элеонора, должна была быть ей благодарнаю, что она не дѣлала никакой разницы въ ихъ общественномъ положеніи; сегодня, не смотря на тяжесть, которая такъ очевидно давила ея душу, обращеніе ея къ ней было наоборотъ еще болѣе любезнымъ; да, его можно было принять за сердечное.

Нездоровье Клементины, про которое она ей теперь разсказывала возбудили въ ней живое сочувствіе.

— Бѣдная дѣвушка! произнесла она, — когда я тамъ была — она довѣрилась мнѣ и передала, что Ваше присудствіе доставляетъ ей невыразимое благодѣяніе. Этому я сердечно радуюсь. Прегадко живеться ей у мамы; я должна была-бы уже давно взять ее къ себѣ. Это чистый эгоизмъ, если я этого до сихъ поръ не сдѣлала. Каждому въ началѣ замужества это ужасная мысль имѣть такую третью особу возлѣ себя. Мой мужъ говорилъ мнѣ часто: почему ты не имѣешь подругъ? и былъ всегда недоволенъ, когда я отвѣчала: не нуждаюсь я въ нихъ. Быть можетъ, Вы этому не сочувствуете; Вы пока не замужна?

— Не смотря на то, сочувствую Вамъ милостивая судариня.

— Въ супружествѣ думаеться иначе про мно-

гія вещи, чѣмъ передъ нимъ, и только послѣ болѣе продолжительной его жизни, опять иначе, нежели въ началѣ его. Къ сожалѣнію ошибки, надѣланныя въ началѣ своей неопытности и глупости, неисправимы больше.

— Неужели не исправимы, если съ обѣихъ сторонъ есть добрая воля къ этому?

— Съ обѣихъ сторонъ! Да, тогда быть можетъ. Но, вѣроятно, она находится на одной сторонѣ и тогда это ничего не помогаетъ. Въ началѣ не сознаетъ молодая жена, что ея мужъ имѣетъ высшія душевныя потребности, чѣмъ она, и она проживаетъ беззаботно, какъ будто бы все находилось въ лучшемъ порядкѣ. Можетъ быть онъ и попытается нѣсколько разъ притянуть ее къ себѣ; но всѣ его попытки могутъ оказаться неудачными, такъ какъ она не понимаетъ въ чемъ дѣло, почему и заупрямится! Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ безуспѣшныхъ попытокъ, онъ теряетъ терпѣніе, объясняя себѣ, что она не способна; тогда и она опомнится, но это уже поздно. Онъ могъ бы на нее еще повліять, если-бъ это ему было необходимо, если-бъ онъ ее еще любилъ. Но ему теперь безразлично; больше онъ ее не любитъ; и нынѣ все пропало.

Ея, всегда не совсѣмъ мягкій, голосъ при послѣднихъ словахъ превратился въ ужасный, грубый, на глазахъ выступили слезы.

— Съ нѣкотораго времени я стала очень нервной; продолжала она, какъ будто извиняясь

— раньше я не понимала, что такое нервы. Я не прибыла бы сегодня вечеромъ сюда, если-бъ не увѣщеванія доктора Бальтазара. Вы познакомились съ моимъ мужемъ?

— Да, милостивая судариня.

— Вечеромъ третьяго дня, онъ мнѣ это передалъ. Видѣли-ли Вы его сегодня?

Уже съ минуту примѣтила Элеонора Ульриха, стоящаго поодаль въ обществѣ нѣсколькихъ господъ и ея тикое желаніе было: отвязаться отъ Герды передъ его проходомъ; или что-бъ онъ ихъ замѣтилъ и, не подходя къ нимъ, изчезъ въ обществѣ. Но Герда въ тотъ же моментъ, какъ произносила послѣдній вопросъ, глядѣла по тому же направленію; случайно и Ульрихъ кинулъ взглядъ и нашелъ Элеонору возлѣ своей жены. Избѣжать свиданія было теперь не возможнымъ, тѣмъ болѣе, когда Герда громко подозвала его. Онъ оставилъ общество, въ которомъ находился и подошелъ къ дамамъ, кланяясь Элеонорѣ.

— Не угодно-ли тебѣ присѣсть къ намъ? — спросила Герда. — Melle Риттеръ разсказываетъ теперь, что Клементина больна.

Я слышалъ это уже отъ Мамы, отвѣтилъ Ульрихъ, — она полагаетъ, что это не опасно. Это только для нея нѣтъ ничего опаснаго, что касается Клементины. Если Melle Риттеръ потвердитъ это, я, конечно, повѣрю.

— Я была озабочена нею, возразила Элео-

нора, — сегодня послѣ обѣда сравнительно улучшилось, въ противномъ случаѣ я осталась бы при ней.

— Замѣчу, что Melle Элеонора и Клементина сердечнѣйшія подружки, сказалъ Ульрихъ Гертѣ въ какомъ — то насмѣшливомъ тонѣ, который непріятно тронулъ Элеонору.

— Могу спросить, откуда господинъ Баронъ знаетъ это? спросила она спокойно.

— Боже мой! — сказалъ онъ, — легко признаютъ за истину то, что желаютъ; и я желаю Клементинѣ одну истинную подругу; истинныхъ враговъ у нея довольно. Впрочемъ допускаю: въ большенствѣ случаевъ бываетъ болѣе чѣмъ безумно считать дѣйствительностью то, что желаютъ.

Тонъ, которымъ онъ говорилъ теперь показался и его женѣ очень страннымъ. Она находила неловкимъ, что онъ не воздерживался отъ своего плохаго настроенія даже и передъ чужой дамой.

— Вы должны знать, это большой комплиментъ, который дѣлаетъ Вамъ мой мужъ; сказала она ласково Элеонорѣ, — онъ уважаетъ Клементину.

— Понятно! — сказалъ Ульрихъ. — Въ глазахъ своей жены мужъ всегда бредетъ, если онъ на столько неосторожень замѣтить, что кромѣ нея существуютъ на свѣтѣ еще другія дамы.

— Ты не можешь похвалиться своею проницательностью, возразила Герта, рѣшаясь по-

щадить Элеонору въ огорченіи Ульриха, которое касалось исключительно только ее одной, — въ противномъ случаѣ ты не остался бы двѣ недѣли съ Melle Риттеръ на островѣ Нордерней, не замѣчая ее. Развѣ островъ столь великъ?

— Островъ не столько, какъ его общество, — замѣтилъ коротко Ульрихъ.

Элеонора, чтобъ скрыть жаръ стыда, который ей ударилъ въ лицо, стала поправлять свое платье. Она отдала бы все, что-бъ избѣгнуть этого ужаснаго положенія; но она не находила въ своемъ разстроенномъ духѣ ни одного основательнаго повода и должна была переносить этотъ страхъ.

— Дѣйствительно жалко, продолжала Герта, — что Ты не былъ знакомъ съ Melle Риттеръ. Такъ былъ бы тамъ кто нибудь, съ кѣмъ бы охотно могъ провести часикъ.

— Причемъ остается яснымъ вопросъ: было бы это пріятнымъ для Melle Риттеръ; добавилъ Ульрихъ.

— Могу предположить, любезная судариня? сказала Герта. — Если я вѣрно помню, Вы недавно жаловались, что у Васъ тамъ не было ни одной знакомой души. Мнѣ это кажется безутѣшнымъ, и къ тому ничего кромѣ песку и моря. Знаете-ли, любезная мадмазель, виды Вашей работы, которыя я видѣла на дняхъ въ Зеегаузенъ, въ дѣйствительности

должны быть очень красивы и трогательны; Ульрихъ! тотъ на Твоемъ письменномъ столѣ, это вѣдь тоже Нордерней? Не прадва ли?

— Мнѣ продали его, по крайней мѣрѣ, за такой.

— Въ Нордерней?

— Да, я нашелъ его въ лавкѣ à la базаръ, въ которомъ, кромѣ того, можно было получить выборъ только въ побитыхъ чашкакъ, полированныхъ раковинахъ, окаменелыхъ черепашныхъ животныхъ... Думаю, намъ пора уже отправиться къ фейерверку: всѣ отправляются туда.

Въ эту минуту проходя подошелъ господинъ фонъ Брандтъ:

— Если Вы хотите имѣть хотя сносное мѣсто, такъ мы не можемъ терять ни одной минуты. Любезный Рандовъ, прошу, провожайте Вашихъ дамъ!

Онъ поспѣшилъ въ домъ, въ дверяхъ котораго тѣснились всѣ съ полисадника. Ульрихъ всталъ.

— Смѣю просить?

— Я желала бы тутъ остаться, замѣтила Герта. — У меня легкая головная боль.

— Позволите мнѣ съ Вами остаться милостивая сударинь? спросила Элеонора, которая было такъ-же встала съ мѣста.

— Нѣтъ, любезная мадмазель, поспѣшно отвѣтила Герта. — Изъ-за меня не нужно Вамъ лишаться удовольствія. По-правдѣ, я нуждаюсь

остаться нѣкоторое время одной. Моему мужу доставитъ пріятность провожать Васъ туда.

Элеонора не имѣла ни въ чемъ выбора: Герта отказала ей, да для чего же она прибыла сюда, если не для переговоровъ съ Ульрихомъ?

— Угодно Вамъ оказать мнѣ честь?

Элеонора приняла предложенную руку.

Глава третья.

Герта осталась почти одна въ саду, за исключеніемъ нѣсколькихъ пожилыхъ господъ и дамъ, которыхъ она не знала ближе; они сидѣли за однимъ изъ отдаленнѣйшихъ столиковъ и разговаривали, не обращая вниманія на фейерверкъ, который со стороны озера началъ уже трещать и сверкать.

Окружающія ее спокойствіе и тишина были ей по душѣ, онѣ не доставили ей ничего другаго, какъ только мысли про ея собственную жизнь. По недѣлямъ же было это ея расомъ, преслѣдующимъ какъ днемъ, такъ и ночью. Какъ больно онѣ овладѣли нею теперь! Онъ, ея постоянный идеалъ рицарской вѣжливости... какія печальныя перемѣны произошли съ нимъ! Что у него для нея нѣтъ болѣе теплаго слова; что онъ въ состояніи теперь изъ — за пустяка злиться на дѣтей, это для нея не было больше новостью.

Но что онъ и въ присудствіи посторонней особы не могъ овладѣть собой! Что подумала про него эта баришня? Онъ былъ почти невѣжливъ. И когда они познакомились, должно быть, эта баришня, съ ея красивыми глазами, съ ея довѣрчивымъ лицомъ и съ тѣмъ всѣмъ что она знала, понравилась ему. Она вѣдь промышляла уже взять ее къ себѣ, если ей не понравится больше въ Зеегаузенъ, чего рано или поздно можно было смѣло ожидать. Ульрихъ, который дома все скучалъ, имѣлъ бы тогда общество, какое онъ себѣ желалъ, а она нашла бы въ этой баришнѣ свою подругу, если-бъ не обошлось безъ послѣдняго. И тогда она хотѣла бы, въ полномъ счастіи, учиться у нея французскому и англійскому, что-бъ Ульрихъ не презиралъ ее болѣе въ тайнѣ за ея незнаніе, которое онъ теперь явно выказываетъ. Да, такъ должно быть! Сейчасъ-же послѣ возвращенія Элеоноры съ фейерверка, она хотѣла ей наменнуть на это. Она бы узнала, какъ она это принимаетъ. Безъ сомнѣнія хороше. Умная дѣвочка съумѣла бы различить, что тутъ ее не одуряютъ чудными фразами, какъ въ Зеегаузенъ мамаша. Стоя одной, бѣдной въ свѣтѣ, ей должно же быть довольно важно попасть въ домъ, гдѣ можетъ быть принятой не какъ подданная, а какъ подруга.

— Такъ погружены въ размышленія, милостивая сударыня?

Герта подняла глаза: господинъ фонъ Одебрехтъ стоялъ передъ ней.

— Такъ однѣ? смѣю-ли остаться при Васъ, — счастіе, которымъ я давно уже не наслаждался.

Онъ, не ожидая согласія Герты, занялъ мѣсто возлѣ нея на одномъ изъ стоявшихъ тутъ стульевъ. Эта встрѣча была ей не по духу. Она ничего не имѣла противъ ея бывшаго любовника и усерднаго свата, но Ульриху былъ этотъ старый университетскій товарищъ основательно противенъ, и онъ если не сорвалъ съ нимъ, офиціально все знакомство, такъ по крайней мѣрѣ избѣгалъ всякаго сношенія, даже, всякаго столкновенія съ нимъ. Между тѣмъ тутъ, въ такъ нейтральномъ положеніи, можно было въ концѣ концовъ не принимать этого дѣла столь серіознымъ, въ этомъ должно было сознался и Одебрехтъ: въ противномъ случаѣ не подошелъ бы онъ къ ней.

— Вы не любитель фейерверка? — сказала она, хватаясь въ крайности за эту тему разговора.

— Положимъ, что не такъ, отвѣтилъ господинъ фонъ Одебрехтъ, — спектакль этотъ дѣлаетъ меня нервнымъ.

Впрочемъ подобныя видѣлъ лучшими въ Баденъ-Баденъ и въ другихъ мѣстахъ. Такъ вотъ „en gros“, пожалуй, можно еще полюбоваться, но эти дѣтскія подражанія немножно смѣшны... Знакомы-ли Вы съ Melle Риттеръ?

— Да. Почему? — отвѣтила Герта довольно удивленно на послѣдній, столь вполнѣ неожиданный, вопросъ.

— О, я спросилъ такъ, между прочемъ, такъ какъ я видѣлъ эту даму съ Вами и Ульрихомъ — pardon! Вашимъ супругомъ, очень усердно разговаривающей, я наблюдалъ это.

— Вы ее знаете?

— Я? О нѣтъ! я не имѣю преимуществъ передъ Вашимъ мужемъ!

— Какое преимущество?

— Заводить знакомство съ Melle Риттеръ въ Нордерней — навѣрно, очень завидное знакомство, если я въ правѣ судить по усердному старанію Вашего супруга и прити къ очень завидному результату.

Отъ удара ракеты передъ ней, которая въ родѣ молніи, взвилась теперь надъ кришей дома въ ночные небеса, Герта не испугалась бы болѣе. Ей было извѣстно, что Одебрехтъ и Ульрихъ были въ одно и тоже время въ Нордерней. Ей и не приходило въ голову, что-бъ этотъ человѣкъ могъ ошибаться, или же безсовѣстно врать, что-бъ ей это передавать, такъ какъ онъ зналъ, что она этого не знаетъ, и что-бъ послѣ наслождаться тріумфомъ, быть первымъ, который предостерегъ ее въ невѣрности Ульриха.

Онъ, должно быть, ошибся.

— Конечно, сказала она, — Ульрихъ раз-

сказалъ мнѣ все возможное про нее; я же сердечно радовалась этому: со скуки онъ могъ бы тамъ умереть.

Этого не ожидалъ господинъ фонъ Одебрехтъ. Результатомъ его тайныхъ и усердныхъ наблюденій въ Нордерней было то, что тамъ между Ульрихомъ и этой дѣвушкой завязалась настоящая любовь. Въ этомъ онъ могъ поклясться. Конечно, если у человѣка хватаетъ на столько смѣлости, свою возлюбленную протежировать своей теще, какъ компаньонку, для ея дочки, то понятно, что всего не могъ удержать въ тайнѣ и должно быть отъисповѣдывался въ знакомствѣ Нордерней. Это знакомство! да!

— Ну, сказалъ онъ, — со скуки и не могло быть иначе. Средство для смерти должно было бы быть другимъ. Обои были безразлучны, понятно, все же въ обширныхъ границахъ сезоннаго общества. Вы видите, милостивая судариня, я говорю это только изъ зависти. Но какъ-же можетъ такой бѣдный, оставленный холостякъ, какъ я, не быть завиднымъ, если онъ видитъ, что другой, который имѣетъ дома достойнѣйшую жену и милыхъ дѣтей, ищетъ на чужбинѣ знакомства даровитой баришни, заставляя холостяка скучать дома одному! ну! не дурно! Ей богу! нѣтъ въ мірѣ справедливости! Вотъ мое единственное утѣшеніе: нашъ братъ, который не имѣетъ болѣе надѣжды и желаній, принужденъ, какъ старая выпряжен-

ная лошадь, вернуться въ старую обычную мельницу жизни; между тѣмъ, какъ Вашъ господинъ супругъ позволяетъ себѣ любезные „petits soupers“ въ отдаленномъ уголку ресторана Оттендорфъ; прекрасныя прогулки „en deux“ по песчанымъ холмамъ при лунномъ освѣщеніи; простите, но это немножко сомнительно. Я строгъ, милостивая сударыня, не правда-ли? Да, я таковъ! я не скрываю этого. Но больно-же и то: рискать голоднымъ возлѣ стола, возлѣ котораго наслаждаются другіе; думать, что и у меня были аспираціи; что и я мечталъ о счастіи! И то счастіе — было такъ близко, что думалось смѣть только протянуть руку, чтобъ жать руку любимой... Вы куда, милостивая сударыня?

— Подъискать только другое мѣсто; отвѣтила Герта, вставая при его послѣднихъ словахъ и направляясь къ группѣ сидящихъ, которые все еще разговаривали.

При ея внезапномъ оставленіи мѣста, господинъ фонъ Одебрехтъ, вскочилъ, и остановился прикусывая теперь губы и дрожа отъ злости.

Вотъ гордая женщина! Предпочитаетъ лучшимъ умереть, нежели согласиться, что мерзавецъ мужъ ее обманываетъ! Но все таки попалъ въ цѣль: поблѣднѣла, какъ отъ смерти! Ну, не доставало еще за то, что я ей раскрылъ колкую правду, того, что-бъ кинулась здѣсь-же этому подлецу на шею. Все равно. Такъ, по

крайней мѣрѣ, имѣлъ я случай, хотя разъ, подсолить ему. Хмъ! да и кто ожидалъ это! Господинъ фонъ Одебрехтъ отправился медленно въ домъ, гдѣ онъ встрѣтилъ первыхъ, возвращающихся съ фейерверка.

Глава четвертая.

Ульрихъ и Элеонора провели молча первые шаги; Элеонора совсѣмъ не могла говорить. Подобное можетъ быть у человѣка, который, возвращается съ пытокъ. Она дышала тяжело и часто. Она должна была всѣми силами стараться не заплакать. Ульрихъ замѣчалъ все.

— Бѣдная дѣвушка, шепталъ онъ. — Я хотѣлъ бы охотно извавить тебя отъ этого. Это была печальная комедія.

Это смутило Элеонору. Какъ смѣлъ онъ говорить подобное, когда у нея сердце чуть не лопало отъ печали и стыда. Онъ сейчасъ почувствовалъ, что его замѣчаніе было плохо.

— Прости, сказалъ онъ, — но васъ обѣихъ видѣть вмѣстѣ, это больше, чѣмъ переносить муку.

— Больше не повторится подобное затруднительное положеніе, бормотала Элеонора.

— Больше нѣтъ? Что ты хочешь этимъ сказать?

На минуту Элеонора была освобождена отъ отвѣта. Они вошли въ домъ вмѣстѣ съ остатком̈ъ спѣшившихъ на площадку. Все торопилось и давилось въ дверяхъ, ведущихъ въ садъ. Собственно не нужно было бы такъ торопиться: въ саду и на широкомъ мосту было еще довольно для всѣхъ мѣста, такъ какъ не малая часть публики предпочла сѣсть въ лодки, что-бъ на водѣ любоваться фейерверкомъ. Образовавшійся цѣлый флотъ, въ которомъ каждое судно украшалось однимъ или нѣсколькими фанарчиками, тянулся, окружая въ почтительномъ разстояніи мѣсто фейерверка, къ театру деревянной постройки, устроейнному на мелкомъ мѣстѣ озера, въ шагахъ ста отъ берега, противъ сада, на вбитыхъ въ землю столбахъ. Такимъ образомъ можно было, совсѣмъ удобно и въ безопасности отъ берега и лодокъ любоваться зрѣлищемъ, начало котораго огласили три, далеко надъ озеромъ раздавшіеся, выстрѣла изъ маленькихъ мортировъ, затѣмъ съ неожиданнымъ освѣщеніемъ ланидарных̈ъ огней, появилась надпись „морской праздникъ,“ ее могъ всякъ ясно прочитать; послѣ того послѣдовало большое, разсыпающее во всѣ стороны брилліантовыя искры, огненное колесо, окончившееся сильнымъ трескомъ. Ульрихъ и Элеонора затормозенные давкой, были принуждены отсюда любоваться фейерверкомъ. Между тѣмъ Ульрихъ замѣтилъ свободное мѣсто, черезъ которое они пробрались подъ видомъ подъис-

кать себѣ лучшѣе, и сдѣлавъ шаговъ двѣнадцать, могли быть увѣрены, что ихъ никто не услышитъ. Впрочемъ и нечего было опасаться: кромѣ фейерверка ничего постороннаго не занимало весело болтающую, и подъ-часъ громко и единогласно ахающую публику.

— Элеонора, я люблю тебя, были первыя слова шепота Ульриха, когда они очутились наединѣ.

— Я знаю, потвердила, подобнымъ же голосомъ, Элеонора; — и я тебя, но не смотря на то, мы высказываемъ это въ послѣдній разъ.

Она взяла свою руку изъ его руки обратно и теперь стояла съ большими глазами, которыя, чудно сверкали при отраженіи свѣта какого нибудь фейерверка, смотря въ даль передъ собой. Отъ сильнаго удивленія, вслѣдствіе страшной строгости, съ какой она это сказала, Ульрихъ молчалъ.

— Ты прочиталъ мое вчерашнее письмо?

— Да, отвѣтилъ Ульрихъ. Ты писала мнѣ тоже самое въ послѣдній день пребыванія въ Нордерней: мы не смѣемъ встрѣчаться? Что перемѣнилось въ нашемъ положеніи со вчерашняго дня?

Въ нашемъ положеній? страстно воскликнула Элеонора. И ты спрашиваешь послѣ тепе-решней сцѣны? Въ нашемъ положеніи? Боже мой, не чувствуешь-ли, что она недостойна и

несносна? Должна ли я еще являться ей и лгать прямо въ лицо? И тебя... ахъ, Ульрихъ, какъ больно стыдно было мнѣ изъ-за насъ!

— Да, Боже мой, возразилъ Ульрихъ, — чего же ты желаешь, чего же ты хочешь? Долженъ ли я, быть можеть, сказать моей женѣ: вотъ дѣвушка, которую я люблю?

— Да, да! Это было бы въ тысячу разъ лучше, нежели то, что ты, что мы сдѣлали.

— Такъ идемъ. Я готовъ.

— Ты не приготовленъ. Точно такъ же можешь сказать: я готовъ воткнуть ножъ въ сердце моей жены; или спокойно видѣть, какъ она передъ нашими глазами кинется въ озеро и потонетъ. Ульрихъ! теперь только я могла въ первый разъ дѣйствительно узнать ее. Клянусь тебѣ, она ужъ теперь подумываетъ лишить себя жизни. Еще одинъ шагъ и она исполнитъ это.

— Ну хороше! такъ я могу приняться за этотъ опытъ.

— Что скажешь, если и я тебѣ тѣмъ-же угрозила-бы?

— Да я безъ тебя жить не могу!

— Ты можешь, если сознаешь, что ты долженъ. Я знаю теперь твою жену; глубочайшее почшеніе имѣю передъ ней; во многихъ, многихъ отношеніяхъ она стоитъ выше меня. И ты ее когда нибудь да любилъ.

— Никогда!

— Тогда преступленіе, что ты женился на

ней. Но это тебѣ и теперь только кажется. Вспомни какъ когда то между Вами бывало и полюбишь ее снова.

— Элеонора! это все сумаешествіе, позоръ нашей жизни! Скажи лучше откровенно. Ты не любишь меня больше!

— Или: мы не любимся больше. Любовь питающаяся одной измѣной, ложью, жестокостью — не любовь, достойная насъ.

— И такъ, ты отказываешься отъ нашей любви и шлешь меня обратно къ моей женѣ?

— Если такъ, да!

— И ты можешь, тебѣ хватаетъ смѣлости говорить мнѣ это?

— Смѣлости, которую я часами пріобрѣтала, такъ какъ ты, на сколько мнѣ кажется, не имѣлъ ея, чтобъ сказать прямо въ лицо...

— Ахъ!

Тутъ онъ отскочилъ на шагъ и поднялъ руку, какъ будто хотѣлъ удержать ударъ, попавшій на него. Въ это время взвилась ракета въ темноту ночныхъ небесъ, чертя въ ней огненныя линіи, чтобъ вверху превратиться въ разноцвѣтныя звѣзды. Мрачный взглядъ Элеоноры былъ уст-ремленъ вверхъ; Видъ звѣздочекъ, которыми такъ чудно и тихо, закончилась, огненная мол-нія, погасилъ также и ея гнѣвъ, и наполнилъ ея душу глубокой грустью. Она подошла къ Ульриху и взявъ его руку, произнесла тихо:

— Такъ не разстанемся! Не шлю я тебя

обратно къ твоей женѣ. Я умоляю тебя только, подумай: чѣмъ ты ей обязанъ за ея вѣрность, которой она тебя столько лѣтъ любила; за чудныхъ дѣтокъ, которыя она тебѣ подарила; за разбитое счастье, которое ты ей теперь доставилъ, которое она вѣрною любовью загладить на всю будущность. Не заботься про меня! Я съумѣю перенести мое горе, разъ я увижу, что ты, какъ истинный жущина, переносишь свое.

Онъ горько улыбнулся, скрежа и освобождая свою руку отъ ея руки.

— И такъ это только пустыя фразы, слова, которыя не перемѣняютъ истины, что я не получилъ любови въ отвѣтъ на мою, лишенную всякаго названія, сумасшедшую любовь, и что-жь я узнаю теперь, что я глупецъ и ты принимала меня за глупца.

— Ульрихъ!

— Позволь окончить, это ни къ чему не ведетъ.

— Это не можетъ быть твоимъ послѣднимъ словомъ.

Онъ отвѣтилъ ей сурово, чего она не дослышала, вслѣдствіе оглушительнаго шума, которымъ закончился фейерверкъ. Почти передъ тѣмъ стали уже двигаться зрители въ саду и на мосту, что-бъ уступить мѣсто, прибывающимъ на лодкахъ къ берегу передъ окончаніемъ, съ желаніемъ занять мѣста въ столовой. Ульрихъ и Элеонора были теперь запутаны въ смѣющейся

и болтающей толпѣ, изъ которой вдругъ выступилъ старый господинъ Троттау, торопясь съ обѣими вытянутыми руками къ Элеонорѣ:

— Моя уважаемая, милая Mᵉˡˡᵉ Элеонора! наконецъ-то! Я ищу васъ уже съ четверть часа. Я тутъ не дольше. По дорогѣ случилось у меня маленькое приключеніе съ упряжью лошади. Bon soir, mon cher baron! Проходя мимо отдалъ я мое почтеніе Вашей супругѣ. Между прочемъ занялъ тоже мѣста къ ужину; графа Гвидо поставилъ какъ sauve garde... нашъ братъ ужь понимаетъ. Многоуважаемая мадмазель, прошу оказать мнѣ честь... съ генеральшей все улажено... только что вышла изъ лодки... съ дочкой, Гансъ и нѣсколькими офицерами, вотъ они еще стоятъ... она довѣрила васъ моему отцовскому попеченію, взамѣнъ я моего Ганса ея материнскому. Mon cher baron, поторопитесь къ Вашей супругѣ, она васъ ожидаетъ, и присоединитесь къ намъ. За моимъ столомъ есть еще два мѣста. Торопитесь, торопитесь! Позволите предложить вамъ, уважаемая сударыня, мои услуги? А вотъ и другіе. Бузе, Бузе! пожалуй сюда! Любезный Брандтъ! ну вотъ, найдутся и остальные. И такъ, avanti, avanti!

Элеонора нашлась въ кружкѣ названныхъ кавалеровъ, къ которымъ присоединились еще два ей уже знакомые офицеры со своими дамами; одна изъ нихъ была молодая красивая

вдовушка фонъ Озанскій, какъ передалъ его превосходительство фонъ Троттау Элеонорѣ на ухо; другая-ея племянница Mlle фонъ Наальзовъ менѣе красива, но за то пребогата, насколько знали изъ вѣрныхъ источниковъ.

Когда Элеонора повернулась къ Ульриху — его уже не было.

Глава пятая.

Благодаря энергіи Гвидо, съ которой онъ противостоялъ возвращающимся съ фейерверка, его превосходительство фонъ Троттау нашелъ, заготовленный для себя и для своего общества, столъ совсѣмъ свободнымъ. Не всѣ были такъ счастливы: многіе нашли ожидаемыя мѣста почти занятыми и ихъ обладатели ни за-что не хотѣли уступить, извиняясь тѣмъ, что въ морской праздникъ существуетъ обычай „abonnement suspendu;“ вслѣдствіе чего происходили шумъ и безпорядки, а даже здѣсь и тамъ ссоры, которыя приняли бы серіозный ходъ дѣла, еслибъ не проворный господинъ Брандтъ, съумѣвшій всѣхъ примирить.

Наконецъ онъ подбѣжалъ; почти задыхаясь, и, всплеснувъ руками отъ сильнаго удивленія при видѣ его превосходительства по лѣвой сторонѣ Элеоноры, а Гвидо по правую, воскликнулъ:

— Нѣтъ! это уже слишкомъ! За всѣ мои труды я, кажется, заслужилъ имѣть мѣсто возлѣ многоуважаемой мадмазель. Про его превосходительство и рѣчи нѣтъ: честь тому-кому честь; но Вы графъ! позвольте, съ Вами я еще поспорю.

Гвидо посмотрѣлъ на него очень удивленно.

— Его превосходительство мой свидѣтель... началъ было онъ.

— Да, да, я свидѣтель, поспѣшилъ старый господинъ Троттау — за свою героическую защиту стола графъ не потребовалъ никакой награды, даже не зналъ будетъ ли онъ принятъ. За подобную скромность я наградилъ его мѣстѣчкомъ, которое Вы пробуете завоевать. Садитесь вотъ тутъ, насупротивъ нашей мадмазель! Вы тогда имѣете честь сидѣть dos-à-dos съ Вашей супругой.

— А, вотъ и ты! сказала госпожа Брандтъ, сидя у сосѣдняго стола и поворачивая голову назадъ. — Хороше тебѣ сидѣть? —

— Да, да про лучше и думать нельзя! отвѣтилъ господинъ фонъ Брандтъ такимъ патетическимъ тономъ, что даже Элеонора была принуждена улыбнуться, пока другіе громко смѣялись. Во время ужина смѣялись за этимъ столомъ тоже не мало: его превосходительство не чувствовалъ недостатка въ потѣшныхъ о дворѣ разсказахъ; господинъ фонъ Брандтъ оправдывалъ свою славу, блестящаго далеко и широко милаго собесѣдника; оба офицеры, изъ которыхъ старшій, какой-то ротмистръ, приударивавшій за молодой вдовуш-

кой, младшій любезничавшій съ племянницей, но все же дискретно и весьма рѣшительно, оказались добродушными и веселыми собесѣдниками, умѣющими поддержать шутку и понимающими сами шутить. Господинъ фонъ Бузе, съ своей рижей бороткой, въ общемъ молчаливый, улыбался подъ часъ самодовольно; по немъ нельзя было узнать, смѣется ли онъ надъ удачной шуткой другихъ, или же на радостяхъ, что ему удалось взять лучшій кусокъ съ блюда; Гвидо былъ молчаливъ, какъ тогда у мамаши за столомъ, но коль-скоро Элеонора доставляла возможность, онъ былъ всегда на готовѣ со скромнымъ словцомъ.

Въ началѣ ужина, отъ недавняго пораженія, Элеонора была еще немного смѣшанной, и не въ состоянiи думать и чувствовать боли. Притомъ она слышала кого-то говорящимъ и смѣющимся, это-же могла быть только она сама, между тѣмъ какъ она находилась въ томъ отчаянномъ состоянiи, которое не позволяетъ чувствовать мозговъ, сердца и внутренностей; и которое лежитъ на душѣ и давитъ тяжелымъ камнемъ безпомощную грудь.

Затѣмъ пришла она на столько въ себя, что роль, разъигривавшую до сихъ поръ совсѣмъ механически, смогла продолжать съ полнымъ сознанiемъ; потомъ ей понравилась эта роль; затѣмъ вговорила въ себя: это же никакая роль, которую она какъ будто разъигриваетъ, это ея настоящая натура, которая теперь проявилась и

останется на будущее. Его превосходительство — ну да! онъ былъ немножко дерзкимъ — зачѣмъ показывать ему это? почему не притворится удивленной, подобно, какъ онъ самъ себѣ удивляется; отчего не посмѣятся надъ его разсказами, какъ будто надъ новыми, хотя ихъ слышалось уже много разъ въ Вендельштейнѣ? Гвидо-же, онъ не былъ геніемъ, только хорошій, милый молодой человѣкъ, который отлично сидѣлъ на лошади, владѣнія котораго не объѣхать въ полтора часа, хотя бы стройной рисью и который, понятно, за нее пойдетъ въ огонь и воду — почему же мнѣ не выйдти за-мужъ за него? остальное общество тутъ за столомъ и по всѣму залу — всѣ эти дворянчики „bleu sang“ съ ихъ женами и дочерьми одинаковаго происхожденія — отчего горячиться если они поклоняются однимъ антидилувіаническимъ идеямъ? Почему, не долго разсуждая не веселиться съ ними и не пить шампанское?

Общество не могло надивиться такой красивой, любезной, умной дамѣ, которая была неистощимая въ любезныхъ прихотяхъ, остроумныхъ словахъ, занимательной въ развлеченіи на счетъ путешествій; и, не смотря на то, что она ни на минуту не старалась кому-либо понравиться — находила все больше обожателей. Даже и молодая красивая вдовушка и ея племянница, которыя вполнѣ подчинились ей, замѣтили своимъ сосѣдямъ, что это „феноменъ-баришня“.

Его превосходительство господинъ Троттау не считалъ нужнымъ скрывать, что онъ въ нее сильно влюбленъ и въ первый разъ сожалѣетъ о своихъ лѣтахъ, которыя не позволяли ему соперничать съ обожателями этой дамы, подъ которыми онъ понималъ всю молодежь міра. Старый господинъ Троттау объявилъ это такъ смѣшно, употребляя при томъ такія запутанныя, старо-модныя обороты рѣчи, что въ этомъ никто не находилъ ничего дурнаго, даже и Гвидо, который молча, но ревниво, слѣдилъ за тѣмъ, что бъ его святость не была обижена ни словомъ, ни взоромъ.

Она ему и явилась настоящей святостью, которая, не щадя милости, стремится къ народу, въ среду котораго поступилъ и онъ совсѣмъ добровольно. Пока его скромный взоръ, скользилъ по ея милымъ чертамъ лица, и, точно обрисовывая прелестный контуръ ея фигуры, слушалъ внимательно ея слова, — онъ спрашивалъ себя: откуда взялось у него когда-то столько смѣлости, просить у нея руку! Онъ чувствовалъ каждый разъ испугъ въ глубинѣ своей души, коль-скоро ея большіе глаза, обращались къ нему съ любезнымъ выраженіемъ. Напрасны старанія Мамаши-ободрить его: онъ не вѣрилъ этому болѣе.

Вотъ она опять взглянула на него.

— Я не имѣла возможности передать вамъ, какъ прекрасно понравилось мнѣ на Вендельштейнъ, а самое важное, какое глубокое удив-

леніе и уваженіе внушила въ меня госпожа графиня. Какъ счастливымъ дѣлаетъ васъ — имѣть такую мать!

— Да, навѣрное, отвѣтилъ Гвидо, — это дѣлаетъ меня очень счастливымъ — понятно...

— Вы же, конечно, — хорошій сынъ.

— Стараюсь нимъ быть, но этого еще не достаточно.

— Что Вы хотите тѣмъ сказать?

— То, что при всемъ моемъ стремленіи — я не таковъ сынъ, какого желаю моей мамашѣ.

— Вы слишкомъ скроменъ.

— Ахъ нѣтъ! Я не скроменъ; я только не обманываю себя: я сознаю вполнѣ, что, всего того, что имѣю и чѣмъ владѣю, я не заслужилъ собственными стараніями и усиліями. Счастіе доставило мнѣ это. Я смѣю Васъ увѣрить, что это дѣлаетъ меня очень печальнымъ!

— Тысяча другихъ на Вашемъ мѣстѣ разсуждали бы иначе; этимъ не хочу все-таки выразить, чтобъ Вы стали иначе думать, то есть вообразить себя тѣмъ, чѣмъ Вы не есть. Всякій человѣкъ не имѣетъ только права, но обязанъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть. Желаніемъ быть такимъ, „какъ другимъ угодно“ — ничего не достигается, кромѣ того, что увеличивается число печальныхъ копій, въ которыхъ и такъ нѣтъ недостатка въ мірѣ.

— Вамъ хорошо говорить это, милостивая сударыня, Вамъ надо быть только такой, какой

Вы теперь, что-бъ повсюду возбудить удивленіе.

— Знаете, господинъ графъ, что Вы начинаете быть соперникомъ моего сосѣда съ лѣвой стороны?

— А, нѣтъ! этого нельзя, чтобъ одинъ только графъ наслаждался нашей королевой! замѣтилъ черезъ столъ господинъ фонъ Брандтъ.

Гвидо бросилъ на него самый строгій взглядъ, какой только могли выразить его добродушные глаза. Со времени незабвенныхъ часовъ, проведенныхъ въ купэ желѣзной дороги, онъ ни разу еще не наслаждался такимъ разговоромъ съ своей богиней., а она такъ чудно, мило говорила съ нимъ! Неужели Мама и на тотъ разъ права, какъ всегда? Возможно-ли это? Ему не долго приходилось обдумывать этотъ вопросъ, вопросъ, которымъ онъ въ первый разъ въ своей жизни озадачилъ себя: молодые люди опять подошли къ стулу господина фонъ Брандтъ и шептали ему на ухо: не угодно-ли ему наконецъ оставить столъ? Онъ медлилъ, медлилъ, въ концѣ концовъ рѣшился.

Онъ исполнилъ ихъ просьбу попросивъ господъ встать и опорожнить свои стаканы на здравіе дамъ и ужъ больше не садиться, тоже ради дамъ, дожидающихся нетерпѣливо танцевъ, услышавъ уже давно музыку. Всѣ чекнулись рюмками; всякъ въ кружкѣ старался еще разъ чекнуться съ Элеонорой; затѣмъ раздался шумъ стульевъ и

взаимныя благодаренія. Въ то время, какъ его превосходительство господинъ фонъ Троттау поцѣловалъ руку Элеоноры, съ какимъ-то тайнымъ намекомъ на счетъ высшей милости, которую она ему доставила, какъ дитя въ своемъ бѣломъ платьи съ голубой лентой, она услышала за собой кого-то, спрашивающаго: да гдѣ-же наконецъ Рандовы? на что отвѣтилъ господинъ фонъ Брандтъ: они уѣхали передъ ужиномъ; баронесса почувствовала себя немножко не здоровой!...

Элеонора вздохнула тяжело. Она полагала, что Ульрихъ съ женой нашли себѣ мѣсто въ одной изъ сосѣднихъ залъ. Теперъ она не опасалась больше встрѣчи съ возлюбленнымъ, которого отправила къ его женѣ! Ахъ!

— Позволите предложить Вамъ мои услуги? сказалъ Гвидо, подавая ей свою руку и, когда они немножко освободились отъ окружающихъ, добавилъ:

— Не знаю многоуважаемая сударинь, помните ли Вы одно свое обѣщаніе, которое я имѣлъ честь услышать на Вендельштейнъ?

— Конечно! первый вальсъ! съ большимъ удовольствіемъ! Приглашали-ли Вы Китти хотя къ одному танцу? —

— Ахъ, Боже! нѣтъ! —

— Прошу Васъ сдѣлайте Вы это ради меня! Она стоитъ тамъ съ генеральшей. Я такъ и

такъ должна еще съ ними быть. Сдѣлаете-ли это?

— Вамъ только приказывать мнѣ, милостивая судариня!

Глава шестая.

Свободная, обширная площадь, находящаяся передъ домомъ, представляла мѣсто празднованія этого вечера, теперь она была разукрашена гирляндами разноцвѣтныхъ фонариковъ, соединяющими между собой деревья; на смежномъ же лугу находился большей, со вкусомъ разукрашенный шатеръ, предназначенный для танцевъ. Пребываніе на свѣжемъ воздухѣ, послѣ утомительной жары столовой, подѣйствовало на каждаго очень благопріятно и тихая теплая почти лѣтняя ночь не представляла никакой опасности простудиться даже самой нѣжной натурѣ. Старшее общество разсѣлось возлѣ столиковъ, оживленно разговаривающіми группами. Мущины, закуривая давно потухшія сигары, утоляли свѣжими бутылками шампанскаго, жажду, мучившую ихъ еще въ столовой. Изъ шатра доносились веселыя танцовальныя мелодіи мѣстнаго роговаго оркестра, замѣнившаго, ко всеобщему удивленію, шумную полковую музыку. Гвидо считался въ этомъ обществѣ самымъ знатнымъ кавалеромъ, поэтому ему и принадлежала честь

открыть балъ-онъ это и сдѣлалъ; но при видѣ танцующей съ нимъ Элеоноры — многіе довольно сильно удивились. Хотя это и былъ деревенскій праздникъ, при которомъ строгій этикетъ немножко ослабѣвалъ, но все же нѣкоторыя правила приличія слѣдовало было исполнять и поэтому показался отчасти безтактнымъ поступокъ Гвидо, оказать почесть дамѣ, которую еще сомнительно признать дамой, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Надо согласиться и съ тѣмъ, что подобныя рѣчи слышались, и то даже отъ нѣкоторыхъ господъ, только въ кружкѣ, гдѣ царила Китти, первая соперница Элеоноры. Въ кружкѣ Элеоноры отрицали всякое соперничество между одной звѣздой, подавно первой, и другой, далеко второй величины.

Госпожа фонъ Осанская, объявившая, что она вполнѣ влюблена въ эту баришню, замѣтила, будто невзначай: „Prima Donna et Soubrette,“ сравненіе, значеніе котораго объяснилъ господинъ фонъ Брандтъ слѣдующимъ выраженіемъ: „Чистокровная, но полукровная.“

Элеонору это совсѣмъ и не смущало, если господа и дамы даже и сговорились дѣлать подобныя замѣчанія; напротивъ, она чувствовала себя вполнѣ счастливой вращаться въ обществѣ ее одобряющемъ, и открыто праздновать свой тріумвъ, первый въ своей жизни, чего скромныя обстоятельства ея молодости, а затѣмъ зависимое

ея положеніе не доставляли ей никогда подобнаго случая. Такъ она разсуждала, гуляя подъ руку то съ однимъ, то съ другимъ, выслушивая и принимая, приглашенія къ танцамъ, которыя такъ и неслись со всѣхъ сторонъ; замѣчая себя по перемѣнамъ осыпываемой любезностями и комплиментами. Она сознавала свое могущество, что ей довольно одного слова, что бъ ея будущность была полна подобныхъ и еще большихъ тріумвовъ; ей приходило въ голову, что она неразсудительна, если этого не дѣлаетъ, потому только, что не сочувствуетъ, потому, что нѣтъ той страстной любви, той любви, которая, кромѣ нѣсколькихъ блаженныхъ часовъ, не доставила ей ничего больше, какъ скорбь и боль въ сердцѣ, а сегодня даже срамъ, отъ котораго сгоряло ея лицо!... Она хотѣла наслаждаться даннымъ моментомъ, хотѣла находиться въ томъ гордомъ самосознаніи, что однимъ ея словомъ, взглядомъ, одной ея улыбкой могла доставлять людямъ счастье.

Гвидо чувствовалъ себя сверхъ счастливымъ, имѣя возможность обнять своей рукой ея эластичную талію, чувствовать возлѣ своего сердца ея грудь, а на щекѣ теплоту ея чистаго дыханія; все это увеличивало въ немъ чувство любви къ своей богинѣ; когда-же къ этому присоединялись мысли, желаніе, которое онъ однажды задумалъ, и про которое онъ ей даже проговорился: назвать эту баришню своей — онъ, ка-

залось, становился все болѣе и болѣе сумасшедшимъ. Единственною его мыслей было: да представило бы ему небо возможность смѣть ей доказать, какъ пламенно онъ ее любитъ! Даже мысль о смерти совсѣмъ не смущала бы его, если-бъ она только не повліяла на его мамашу. Ничего высшаго не подарила ему жизнь, какъ только эту чистую любовь! умереть за нее, казалось ему, было бы отрядно, послѣ такой жизни, которую онъ долженъ былъ считатъ несчастнѣйшей, хотя съ графской короной. Съ какимъ принужденіемъ онъ старался не выдать своихъ чувствъ ни однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ! благодаря своей врожденной спокойности ему удалось это. Но Элеонора могла бы ему все разсказать, что происходило въ немъ, въ его сердцѣ. И, послѣ только что испытаннаго адскаго мученія, къ чему могла привести только одна любовь, ей служило облегченіемъ: взглянуть въ это кроткое, терпѣливое, любящее сердце. Разговаривая съ нимъ во время одной изъ паузъ; прислуживаясь его, навѣрно не остроумнымъ, но, чистосердечнымъ задушевнымъ рѣчамъ и чувствуя его взглядъ, полный спокойнаго, благоговѣйнаго обожанія, невольно должна была подумать объ одномъ утрѣ въ замкѣ Элеоноры. Въ эту то ночь бушевала страшная буря и при свѣтѣ молній, видѣла она изъ своего окна, какъ вершины парковыхъ деревьевъ, подобно бѣшеннымъ, кидались то въ одну, то въ другую сто-

роны, а вѣтви свистя сплетались между собой. На утро она прошлась по парку: деревья въ полномъ спокойствіи упивались теплымъ солнышкомъ, бросая свою тѣнь на луга, на которыхъ капли ночнаго ливня блестѣли, какъ брілліанты; и на этихъ-то деревьяхъ раздавалось пѣніе итичекъ... и вотъ тогда она представляла себѣ, будущую жизнь съ человѣкомъ, котораго она могла бы любить...

Вдругъ она почувствовала, что кто-то коснулся ея плеча, повернувшись испуганно — она увидѣла, стоявшую передъ ней, генеральшу со зловѣщей улыбкой на ея суровомъ лицѣ.

— Мнѣ нужно съ Вами поговорить; любезный графъ, Вы меня простите!

— Что случилось, сударыня? спросила Элеонора, — Клементина?

— Конечно! она иначе ничего не исполняетъ. Но мы поговоримъ объ этомъ лучше наединѣ. Еще разъ прошу извиненія, любезный графъ!

Она пошла поспѣшно впередъ; Элеонора послѣдовала за ней. Дорогая Клементина! Лучше было остаться при ней!

На ступенькахъ, ведущихъ въ шатеръ-генеральша остановилась съ моментъ и поровнялась съ Элеонорой.

— Почему Вы не остались при Клементинѣ? спросила она какимъ-то страннымъ, довольно сильнымъ, даже грубымъ голосомъ.

— Милостивая сударыня! Вы забываете, что Вы сами настаивали на то, чтобъ я провожала Васъ. Пожалуйста, скажите, что съ Mᵉˡˡᵉ Клементиной!

— Потому я попросила извиненія, чтобъ Вамъ помѣшать въ Вашемъ развлеченіи; сказала иронически генеральша. Это можно было предвидѣть. Клементинѣ имѣло ухудшиться. Эти безтолковыя служанки сейчасъ теряютъ голову; онѣ сейчасъ посылаютъ въ городъ за докторомъ Бальтазаръ, а тотъ въ своей природной пугливости не нашелъ ничего лучшаго, какъ прислать сюда верховаго, чтобъ мы совсѣмъ свѣжимъ получили столь пріяное извѣстіе, еще заблаговременно передъ тѣмъ, пока онъ узнаетъ въ чемъ собственно дѣло.

— Я опасаюсь, милостивая сударыня! отвѣтила Элеонора. Докторъ знаетъ очень хорошо, что ему дѣлать и что онъ дѣлаетъ. Ему извѣстно хорошо, что если наступило ухудшеніе, противъ ожиданій послѣ сегоднешняго утренняго состоянія, такъ оно грозитъ опасностью.

— Сожалѣю, что Вы меня сегодня утромъ не осчастливили Вашими столь глубокими взглядами, возразила ей генеральша.

Въ заботахъ о подругѣ Элеонора и не почувствовала дерзости этой дамы.

— Что Вы порѣшили, милостивая сударыня? спросила она.

— Тутъ нечего и рѣшать: экипажъ изъ города прибудетъ за нами, не раньше, какъ черезъ часъ, это время мы должны будемъ дожидаться.

— Мы и полъ-часа не употребили сегодня, чтобъ перебраться черезъ озеро!

— Черезъ озеро, когда мы отправили лодку!

— Легко найдемъ иную. Обсудите любезная судариня: тѣмъ мы выигриваемъ по крайней мѣрѣ два часа!

Генеральша поколебалась, но она знала, что это вѣрно, и хотя бы Элеонора убѣждала ее и три часа, то она отдавала бы предпочтеніе экипажу нежели лодкѣ; въ этомъ нельзя было ее разубѣдить; она сама подумывала объ этомъ въ крайнемъ случаѣ, но уступить ненавидимой особѣ-было же невозможно. Да и гдѣ же тутъ самый крайній случай?

— Что Вы предлогаете! продолжала она, — по озеру въ такую темноту! Нѣтъ, моя милая, у меня нѣтъ охоты мою Китти, разгорячен-ную, отъ ея постоянныхъ танцевъ, подвергнуть смерти влажнымъ ночнымъ воздухомъ на озерѣ. Вы этого не можете отъ меня требовать!

— Такъ позвольте, милостивая судариня, мнѣ переправиться черезъ озеро.

Этого генеральша опять не ожидала. Эти постоянныя возраженія, противъ которыхъ она не находила ничего, выводили ее изъ терпѣнія.

— Какъ угодно, сказала она, теперь уже съ

нахальной грубостью, — дѣлайте то, чего не можете оставить. Я не принимаю ничего на себя. Про лодку, которая-бы Васъ туда доставила, позаботитесь сами.

— Я прошу покорнѣйше, милостивую Mᵉˡˡᵉ Элеонору, предоставить это мнѣ! сказалъ Гвидо, стоявшій уже за ними.

Ему что-то чуялось, что выраженіе лица генеральши предсказывало какую-то непріятность для Элеоноры, быть можетъ, случилось бы еще кое-что похуже, поэтому онъ преслѣдовалъ дамъ въ почтенномъ разстояніи и только въ послѣднюю минуту, когда генеральша свой не тихій голосъ все болѣе и болѣе усиливала, — онъ приступилъ къ нимъ.

— А! господинъ графъ! воскликнула генеральша; — Pardon! я и не знала что не могу съ моей компаньонкой говорить безъ Вашего пришудствія! —

Гвидо дрожалъ отъ злости, но удержался и произнесъ съ его врожденной степенной вежливостью:

— Простите, любезная сударыня, — про это и рѣчи быть не можетъ. Я не былъ индискретнымъ, какъ это общество вотъ тамъ, возлѣ стола, отъ котораго ни одно Ваше слово не ускользнуло, равно, какъ и отъ меня.

Потомъ, обратившись къ Элеонорѣ, сказалъ:

— Не угодно-ли Вамъ, многоуважаемая

сударинѧ, обождать меня здѣсь, надѣюсь черезъ нѣсколько минуть вернуться обратно.

— Я иду съ Вами, отвѣтила Элеонора, — Прикажете ли еще что-нибудь сударинѧ?

— Нѣтъ! mercі!

— Неслыханное . . . бормоталъ Гвидо направляясь съ Элеонорой къ дому. — Милостивая сударинѧ, простите мою неэтикетальность: Вы не можете оставаться въ этомъ домѣ!

— Думаете, что я послѣ этой сцены останусь добровольно хотя часомъ дольше нужнаго? Будьте увѣрены, что не стушить моя ноча больше въ этотъ домъ; но я не могу покинуть Клементину въ этомъ состоянiи.

— Да, да, это я понимаю, конечно. Но тогда, что же тогда?

— Незнаю; я привыкла проживать со дня на день.

Они вошли въ домъ. Элеонора пошла въ гардеробную получить пальто и головной платокъ, а Гвидо отправился подъискать лодку.

Скоро все было готово: подозвавъ одного изъ домашнихъ, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и лодочниками, онъ всунулъ ему щедро въ руку, чтобъ тотъ перевезъ скоро баришню въ Зеегаузенъ. Это не продолжится и получаса.

Лодка была приготовленной; Элеонора все не приходила; въ гардеробной, вѣроятно, все разбросано. Къ Гвидо, ходившему нетерпѣливо

взадъ и впередъ передъ помостомъ, подошелъ старый господинъ Троттау, который, въ тускло освѣщенномъ, почти темномъ саду, покуривалъ самодовольно свою сигару.

— Вотъ гдѣ, любезный графъ! Я все таки не ошибся слыша чей-то голосъ. Позволите узнать, что Вы тутъ дѣлаете? —

Гвидо объяснилъ ему въ краткихъ словахъ, въ чемъ дѣло. Въ своемъ волненіи онъ не могъ удержаться, что бы не присоединить подходящаго выраженія для генаральши за ея дружественную добродушность.

— Да, да, отвѣтилъ на это господинъ фонъ Троттау. — Она ужь настоящій драконъ, не смотря на ея обыкновенныя кошачья выхотки. Бѣдная дѣвушка! но я догадываюсь почему Вы теперь этимъ взволнованы. Я долженъ сначала попросить Васъ удержать пока въ дискретной тайнѣ то, что я Вамъ сообщу. И такъ; мой вѣтренный фонъ Гансъ уже четыре недѣли обрученъ со своей кузиной Елизаветой. Въ то время, когда имѣлось опубликоваться ихъ обрученіе, карты были уже напечатаны, заболѣла госпожа фонъ Бервальдъ, и можно было опасаться несчастья. Ну, Вамъ извѣстно-она живетъ и по сегодняшній день, но можетъ каждаго дня скончаться. Публикація поэтому и затянулась. Вотъ это время употребляетъ мой сорванецъ на удовольствія, чтобъ еще разъ основательно пожить. Этого

я не могу ему запретить, но все же имѣетъ свои границы! Его ухаживаніе за этой малой заходитъ слишкомъ далеко. Только что я прочиталъ ему основательно нотаціи. Ну, и считалъ своимъ долгомъ также и госпожѣ генеральшѣ подлить чистаго вина. Я могъ предвидѣть, что ей оно будетъ не по вкусу, но ничего не подѣлаешь. Чтобъ онъ отказался отъ своей невѣсты, не мыслимо по поводу тысячи разныхъ причинъ. На счетъ же того, онъ мнѣ недавно заявилъ, что ему и во снѣ не снится заигривать серіозно съ малой кокеткой. Да, да таковы Вы малодые люди теперешняго времени! Ну, разъ мы находимся при такой темѣ, такъ позволите мнѣ, старому другу Вашей любезной Мамаши, и на глазахъ котораго Вы выросли, предложить Вамъ одинъ свободный вопросъ? Вы имѣете относительно... Вы понимаете сами, кого я разумѣю... и такъ у Васъ къ ней истинныя намѣренія?

— Богъ мнѣ свидѣтелемъ, отвѣтилъ Гвидо утвердительно и сердечно.

Старый господинъ фонъ Троттау схватилъ его руку, крѣпко пожимая:

— Я зналъ это, я зналъ это... это было бы ужасно, если-бъ это было иначе. Вы и не повѣрите, какъ я сочувствую этой дѣвушкѣ! Это произведетъ большое всеобщее удивленіе. Я, собственно сказать, не совсѣмъ-то стою за ровные браки, но бываютъ исключенія и даже

большія исключенія. Если Вы съ мамашей d'accord...

— О это понятно! увѣрилъ Гвидо.

— И такъ вотъ значитъ: все въ отличномъ порядкѣ. Но, поздравляю, — поздравляю отъ цѣлаго моего сердца!

— Ваше превосходительство, но вѣдь ничего еще не рѣшено!

— Не рѣшено? Но должно быть; знаете, любезный Гвидо, я вполнѣ увѣренъ: она меня уважаетъ, я поговорю съ ней сейчасъ.

— Теперь не совсѣмъ-то хорошая минута, замѣтилъ пугливо Гвидо; теперь когда ея Melle Клементина...

— Ахъ Боже, правда, да я совсѣмъ и позабылъ. Бѣдная дѣвушка! конечно! и она хочетъ переправиться туда одной?

— Я предложилъ-бы ей мои услуги, но...

— Нѣтъ! этого нельзя! Ни въ коемъ случаѣ! Это подняло бы огромный скандалъ и послужило бы водой для мельницы госпожи генеральши. Кто перевозитъ ее?

— Я, Ваше превосходительство, отвѣтилъ слуга, который стоялъ съ ними на помостѣ, придерживая въ рукѣ цѣпку лодки.

— А, Ты, Христіанъ! узнавая человѣка, произнесъ старый фонъ Троттау. — На, любезный Гвидо, этому мы можемъ вполнѣ довѣрить. Стараго Христіана знаю я. Онъ вѣренъ, какъ золото, Apropos — вотъ на чай, Христіанъ!

— Постите, Ваше превосходительство: я получилъ уже отъ господина графа...

— Ахъ, бери-же, дуракъ! вдвойнѣ тоже ничего не повредитъ. А вотъ, и наша баришня!

Съ юношеской оживленностью поторопился старый фонъ Троттау навстрѣчу Элеонорѣ, которая приближалась скорыми шагами отъ дома. Вещей въ гардеробной почти нельзя было отъискатъ; затѣмъ добродушная хозяйка, узнавъ въ чемъ дѣло, доставила ей еще одинъ большей платокъ. Элеонора поблагодарила господъ за ихъ участіе, протянула имъ руку, которую старикъ поцѣловалъ, между тѣмъ какъ Гвидо только пожалъ молча, и пригнула въ лодку.

— Да хранитъ Васъ Господь, сказалъ старый фонъ Троттау. Гвидо молчалъ, его сердце было переполнено.

Равномѣрными, сильными ударами отчалилъ Христіанъ отъ берега въ озеро, тишину котораго нарушалъ время отъ времени проносившійся вѣтерекъ. На темно-голубомъ небѣ стояла почти полная луна, ослабляя своимъ сіяніемъ свѣтъ звѣздъ. Смотря по разстоянію то ясно, то темно выступали таинственные берега въ ночномъ сіяніи. Только нѣкоторые звуки музыки доносились съ мѣста увеселенія; затѣмъ замерли и они, и Элеонора не слышала больше ничего, кромѣ равномѣрныхъ ударовъ веселъ, да скрипа руля. Христіанъ въ началѣ-же спросилъ ее „умѣетъ ли она править рулемъ“; послѣ сво-

его пребыванія въ Англіи — она могла смѣло отвѣтить „да“. И вотъ она сидѣла возлѣ него, закутанная въ большей платокъ гардеробной хозяйки и поглядывая изрѣдка то на небо, то въ озеро, смотря все на темную массу парковыхъ деревьевъ Зеегаузена, рѣзко оттѣнявшагося на восточномъ небосклонѣ, на которомъ, не смотря на минувшую полночь, казалось еще замѣчались слабые остатки вечерней зари.

Въ этой торжественной тишинѣ, подъ возвышающимся небомъ Элеонору овладѣло рѣдкое чувство. Въ ея душѣ проскользнуло воспоминаніе сцены, которую она сегодня вечеромъ перетерпѣла; затѣмъ ей представился Ульрихъ, какъ онъ смотрѣлъ на нее своими прекрасными глазами, сверкающими отъ любви и гнѣва; то Гвидо, подходившій къ ней, и хватающій робко ее за руку; то Китти, несущаяся передъ ней въ рукахъ Гансъ фонъ Троттау и улыбающаяся къ ней насмѣшливо черезъ ея обнаженныя плечи — потомъ все это изчезло передъ появленіемъ одной большой картины: похожей на ту, какъ Харона, гребетъ по тихому Ахерону, между тѣмъ, какъ усопшая душа, завернутая въ свои гробовыя повивала, правитъ сама рулемъ — эта мертвая душа благодаритъ боговъ, что вертепъ жизни лежитъ уже за ней, а передъ ней-страна духовъ, тѣней, мигающая ей привѣтно, страна въ которой она не требуетъ больше любить и презирать, но можетъ только тихо находиться

въ ней, совсѣмъ тихо въ теченіи всей вѣчности.

Лодка скользнула по тѣнямъ парковыхъ деревьевъ и причалила къ помосту. Христіанъ помогъ Элеонорѣ выйти. Она хотѣла вознаградить его за услугу деньгами, но онъ рѣшительно отказался: Его превосходительство и господинъ графъ уплотили ему болѣе, нежели онъ можетъ заработать въ мѣсяцъ. Элеонора попросила его отдать хозяйкѣ платокъ, который она оставила въ лодкѣ и поспѣшила домой. Изъ ихъ комнатъ, была освѣщена только комнатка Клементины какимъ-то тусклымъ, красноватымъ свѣтомъ.

Глава седьмая.

Когда Ульрихъ, съ разбитымъ сердцемъ, послѣ мучительныхъ переговоровъ съ своей возлюбленной, возвратился въ полисадникъ — онъ нашелъ тамъ свою жену, въ обществѣ болѣе пожилыхъ собесѣдниковъ, которые хотѣли теперь отправиться въ столовую, и старались уговорить Герту пойти съ ними. Одинъ взглядъ на ея блѣдное, опечаленное лицо убѣдилъ Ульриха, что ея извиненіе, быть немного нездоровой, не одна только отговорка. Ея состояніе возбудило въ немъ стараніе найти, въ свою же пользу, подходящую причину, вслѣдствіе которой могъ бы сейчасъ-

же остановить это мѣсто. На ужинъ онъ не записался, да и въ противномъ случаѣ, самъ не допустился-бы отправить ее съ подобнымъ настроеніемъ домой одной. Онъ передалъ ей это почти сердечнымъ тономъ, въ которомъ не требовалъ притворяться. Даже нужда чужаго вызвала бы въ немъ теперь готовнать къ помощи; и чтобъ осмѣлиться оказать Гертѣ прислугу, его побуждало какое-то самосознаніе своей виновности передъ ней, причемъ тронуло его сердце въ одномъ направленіи, котораго онъ давно уже не сознавалъ.

Находясь подъ этимъ внечатленіемъ, ему и не нужно было никакихъ усилій быть по дорогѣ домой любезно-внимательнымъ по отношенію къ ней; повторить ей, въ открытой колескѣ, не имѣющей никакой защиты противъ ночнаго воздуха, свою просьбу: закутаться получше въ пальто; спросить, не облегчитъ-ли ей, если она положитъ свою голову на его плечо? на что она отвѣтила коротко: нѣтъ, благодарю! сидя все молчаливой, уютившись въ своемъ углу. Его вся любезность казалась ей лицемѣріемъ. Вѣдь онъ все думалъ про ту другую, которая не хуже его понимала лицемѣрить и врять. По всей вѣроятности она уговорила его вернуться теперь домой, опасаясь, что-бъ онъ, въ полусумашествіи отъ своей любви, какой нибудь измѣнной неосторожностью, не представилъ бы истины на свѣтъ Божій. За его сочувствіе она

съумѣла бы отблагодариться сегодня еще въ другой разъ! Онъ былъ только отуманеннымъ, если даже и остается тотъ позоръ, что допустилъ отуманить себя! Главная вина падала на сторону измѣнницы, съ тѣмъ святокажущимся видомъ одной гордой, невинной баришни. Эта гордость и невинность! И какъ позволяютъ мущины ослѣплять себя такой пошлой вѣтренность! Но достаточно польстить ихъ требованіямъ — и ихъ имѣется навѣрно! И онъ не былъ лучшимъ, изъ тѣхъ, всѣхъ — тотъ, котораго она такъ безгранично любила!

Она могла бы проливать слезы, могла бы кричать въ ея отчаянномъ горѣ. Но эта безстыдная особа не должна имѣть тріумфа. Она могла бы ее онесчастливить, — унизить; но унизиться передъ самимъ собой — нѣтъ, это ей не удастся. Уступать свое мѣсто возлѣ Ульриха, возлѣ его сердца, такъ лучше уйти добровольно. Лишить себя жизни — каковъ другой исходъ? Произнесла бы она это громко — они повстрѣчались бы въ мысляхъ. Ульрихъ, сидя въ углу коляски, мрачно погруженный въ размышленія, не находилъ инаго исхода изъ этого зала заблужденій. Не хочетъ ли Элеонора быть его; права ли она, когда утверждала, что онъ не смѣетъ, даже и не перенесетъ никогда, пробить сердце Герты, полагая что безъ Элеоноры онъ не можетъ жить; любовь въ его сердцѣ къ ней, съ Гертой продолжать обычную жизнь, это до-

ставляло мученіе, въ которомъ они обои должны были пропасть; что же ему остаеться, если не одна смерть? Если Герта удаляетъ эту мысль — и при ея сильномъ характерѣ и ея силѣ воли, показалось ей это невозможнымъ — такъ, по крайней мѣрѣ, она будетъ спасена. Да заживетъ со временемъ у нея эта рана! въ заботахъ про дѣтей, въ любви къ дѣтямъ. Ей двадцать девять лѣтъ, для нея не должна кончаться жизнь, и то еще послѣ такого тяжелаго удара. По приказанію своего барина, кучеръ поддерживалъ постоянно сильную рись, такъ что, сравнительно, въ довольно короткое время они достигли Вюстеней. Коляска остановилась на подъѣздѣ у дверей. Ульрихъ помогъ сойти Гертѣ; онъ замѣтилъ, что она дрожала всѣмъ тѣломъ. Не смотря на то, она и не хотѣла знать про какую нибудь услугу; когда они вошли въ квартиру, даже и горничной, неожидавшей такъ скораго возвращенія своихъ господъ и поспѣшившей съ заспаннымъ дицомъ къ дверямъ, у которыхъ Ульрихъ дергалъ нетерпѣливо колокольчикъ, было отказано въ помощи. На дружественное возраженіе Ульриха по поводу этого приказанія, она не отвѣвала ничего; по своей привычкѣ привела, въ порядокъ нѣсколько мелочей въ комнатѣ и отправилась въ спальню, которая выходила въ садъ; смежно съ ней находилась жилая комната. Ульрихъ сокрушенно смотрѣлъ ей во слѣдъ. Онъ нашелъ безжалостнымъ оставлять ее теперь од-

ной, но этихъ комнатъ не видѣлъ онъ со времени своего пріѣзда. Облокотившись на дверь, она остановилась и спросила не поворачиваясь:

— Что же имѣетъ быть съ дѣтьми?

Ульриха пробрало: такъ вотъ до чего дошло! вотъ до чего онъ довелъ!

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ онъ ее въ отвѣтъ.

Она обернулась медленно.

— Я думаю, сказала она хриплымъ, и все таки рѣдко внятнымъ голосомъ; — что это не можетъ долѣе продалжаться.

— Какъ, долѣе?

Презрительная улыбка проскользнула по ея блѣдному лицу. Она опять отступила на нѣсколько шаговъ назадъ и продолжала тѣмъ же тономъ:

— Я бы стыдилась на твоемъ мѣстѣ спрашивать подобное. Ты принимаешь меня за животное, или камень. Я же не такая; хотя, быть можетъ, и глупа, глупа до того, что-бъ краснѣть: въ противномъ случаѣ я должна бы была открыть это уже давно. Что ты меня не любишь больше-такъ это ясно; для этого у Васъ только одна причина: Вы любите другую. И вотъ для чего жена должна быть такъ долго мучима, пока у нея не переполнится и не уступитъ мѣста выбранной дамѣ; если такую можно вообще назвать дамой!

Въ началѣ рѣчи Герты, Ульрихъ думалъ,

что ему придеться защищаться противъ ея обвиненія насчетъ того только, что онъ за послѣднее время ее какъ-будто покинулъ; теперь было ему яснымъ, что она знаетъ больше, даже, быть можетъ, все; ея послѣднія слова, высказанныя съ подозрительной улыбкой, въ которыхъ, казалось, содержалось все, — отняли у него всякое сомнѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ наполнили его злостью. Онъ сказалъ ей съ рѣжущимъ хладнокровіемъ:

— Для Васъ, конечно, дама начинается съ госпожи баронессы.

— Какъ будто бы я не знала какое значеніе баронессы въ этомъ дѣлѣ, возразила она. Мнѣ что-то чуется, на одно выходитъ, баронесса-ли, или мѣщанка Твоя метресса.

Переполненное обвиненіе привело его опять въ себя:

— Извѣстная дама стыдилась бы произнести даже это одно слово, сказалъ онъ.

— Стыдилась-бы! тогда я должна замѣтить: Она своими рѣчами болѣе постыжена, нежели своими поступками.

— Что ты знаешь про ея поступки? Вообще, о комъ ты... а!

Онъ вдругъ прервалъ. Ему вспомнилось, что одно мгновеніе онъ видѣлъ Одебрехта проскользнувшаго въ ея общество. И такъ его опасенія передъ Нордерней и исполнились: никто другой, кромѣ Одебрехта, не могъ быть измѣнникомъ: съ нимъ онъ посчитается послѣ; но тутъ при-

творяться, было бы совсѣмъ глупо. Къ переговору должо же было когда-нибудь прійти.

Герта сѣла за столъ, закрывъ лицо руками. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ; вдругъ остановился и сказалъ:

— Ну хороше! Я познакомился съ Mᵉˡˡᵉ Ритеръ въ Нордерней и сходился съ ней довольно часто. Если она и я молчали про то, такъ это потому только, что наши отношенія не были бы поняты, какъ это бываетъ на томъ любезномъ свѣтѣ, и въ чемъ мы могли быть совсѣмъ увѣрены.

Герта подняла голову, на ея блѣдномъ лицѣ видна была все еще презрительная улибка.

— Я полагала-бы, что эти отношенія довольно ясны: Ты любить ее и хочешь на ней жениться, коль-скоро сможешь освободиться отъ меня.

— Но если я Тебѣ и клянусь, что она о томъ и не помышляетъ, что она еще сегодня мнѣ заявила!...

— Завтра она подумаетъ иначе. Немножко кокетной игры дѣлаеть это дѣло интереснѣйшимъ. Надкусила рыбка, почему же не позволить ей и удочку подергать!

— Я сожалѣю Тебя за выборъ Твоихъ сравненій, какъ и за чистоту Твоей фантазіи; вотъ почему и совсѣмъ не возможно разъяснить Тебѣ нѣкоторыя вещи, Ты ихъ не поймешь.

— Быть можетъ и пойму, если Ты ска-

жешь на что рѣшился. Такъ продолжаться не можетъ, этого я не перенесу!

— Я долженъ тоже переносить.

— Что?

— Ты только что сказала: я люблю ее. Предположимъ что это такъ. Но я и теперь еще повторяю Тебѣ: что она про это и не думаетъ, что она съ ужасомъ отталкиваетъ отъ себя мысль: на Твой счетъ осчастливить себя. Несчастіе, которое мы должны переносить, мнѣ кажеться довольно одинакого для обѣихъ сторонъ.

— Кто же причиной этаго несчастья?

— Объ этомъ можно разно думать. Я не хочу улучшаться. Я и Тебя не обвиняю. Это просто несчастіе, которое насъ постигло.

— Конечно это удобно. Перемѣнить этого Ты не можешь. И можемъ ли мы послѣ того жить другъ возлѣ друга, какъ дикіе, чужіе люди, что-бъ на насъ всѣ показывали пальцами; прислуга развлекалась на нашъ счетъ. А бѣдныя дѣти . . .

Она не могла дальше говорить. Жавъ лицо обѣими руками она горько заплакала, тѣло ея дрожало. Онъ ходилъ взадъ и впередъ въ сомнѣніи и безъ всякаго совѣта. Онъ самъ чувствовалъ, что притворствомъ тутъ нельзя было ничего достичь, и что-бъ онъ ни старался теперь дѣлать, — для нея было бы все притворствомъ. Одного только этого, что заставило-

бы ее успокоить, онъ не могъ произнести т. е. что онъ Элеоноры больше не любитъ и хочетъ ее покинуть. Онъ чувствовалъ въ себѣ глубокое, сердцевяжущее состраданіе къ бѣднѣйшей; и отдалъ бы все, что-бъ быть въ состояніи помочь ей.

Онъ подошелъ къ ней и легко положилъ руку на ея плечо:

— Герта!

Отъ его прикосновенія она моментально же встала и пронзительно взглянула на него:

— Что Тебѣ угодно отъ меня? Иди къ другой! У меня нѣтъ ничего общаго съ Тобой.

— Герта! позволь намъ разсуждать, какъ подобаетъ благоразумнымъ людямъ...

— Я болѣе не благоразумна... Я не хочу быть болѣе благоразумной... Къ сожалѣнію я была такъ долго. И на что мнѣ это пригодилось? Всѣ эти годы я Тебя любила, въ Тебѣ я видѣла мой идеалъ; я вѣрила, что нѣтъ на землѣ болѣе лучшаго и честнаго. Я дѣлала все, что было въ моихъ силахъ; доказала тебѣ мою любовь, мою благодарность. Что Ты называешь „благоразумно говорить?“ Согласиться, что это все были одни пустяки? Хороше! я соглашаюсь, это былъ смѣшной пустякъ. — Просто смѣшно!...

Тутъ она громко разсмѣялась и провела обѣими руками по челу.

— Я сойду съ ума! сойду! Нѣтъ, нѣтъ! Я не смѣю — ради дѣтей! Вотъ!...

Она опять протерла себѣ чело.

— Вотъ! повторила она. — Мы, кажеться, переговорились. Ты вѣрно усталъ, да и у меня голова кружится. Завтра, надѣюсь, будешь столь добръ мнѣ заявить, что имѣетъ случиться съ нами обоими и съ дѣтьми. Покойной ночи.

Онъ остановился по серединѣ комнаты, глядя ошеломленно и безсовѣтно на закрывавшуюся дверь.

Какія мученія протерпѣваетъ онъ въ теченіи этихъ недѣль, и то мученіе: видѣть Герту такъ страдающей, было не малое. Онъ вѣдь былъ совсѣмъ увѣренъ въ правѣ своей любви. Эта увѣренность теперь поколебалась. Тутъ передъ его любовью стояла другая, не менѣе сильная чѣмъ его, не менѣе насложждающаяся полнымъ счастіемъ дрожащимъ во всякомъ нервѣ, и которая поэтому смѣла ростить такія же точно права. „Дорога къ нашему счастью ведетъ насъ по трупу Твоей жепы“.

Острымъ взглядомъ и чуткостью женщины попяла это Элеонора уже тогда, когда она узнала Герту по его описанію.

Но какъ же ложны были эти описанія! Какъ же ослѣпленъ былъ онъ новою страстью!

Это была неправда въ чемъ онъ себя убѣждалъ, что Герта одна изъ обыкновенныхъ натуръ. Обыкновенныя натуры не въ состояніи имѣть подобной энергіи, такой любови и презирѣнія.

Но что это все помогло?

Состраданіе, уваженіе, если даже и истиннѣйшія, глубочайшія не составляютъ еще любви. И Герта хотѣла любви, не той, которой она довольствовалась до сихъ поръ, но-той въ которой она только теперь могла видѣть истинное лице, въ его любви къ другой.

Съ глубокимъ вздохомъ очнулся Ульрихъ отъ своихъ черныхъ помышленій. Быть можетъ утро подѣйствуетъ получше и доставитъ ему какой нибудь совѣтъ.

Онъ взялъ другую свѣчу и отправился въ свой кабинетъ. Въ немъ, какъ и въ спальнѣ Герты, окно и оконная дверь выходили на веранду, которая была пристроена къ серединѣ задней стороны дома и отъ которой нѣсколько ступенекъ вели прямо въ садъ.

Поставленная на столъ свѣча освѣтила пейзажъ Элеоноры, изображавшій бурю въ Нордерней.

Какъ же неразсудительнымъ, неосторожнымъ былъ онъ — поставить открыто на показъ свою драгоцѣнность! Но а съ своей любовью поступилъ-ли онъ иначе? не выставилъ-ли онъ и ее на показъ, въ своемъ помраченномъ, опечаленномъ существѣ? Не позволилъ-ли онъ заглянуть Гертѣ и всѣму свѣту въ его тайну? Достойна проклятія ты мезкая слабость, далеко еще пока приступишь къ дѣйствію и уже носи пятно дѣйствія и старайся уничтожить его! Свѣтъ требуетъ обмана! такъ обманывай его! И заставляй молчать глупую совѣсть, которая противна этому! Тогда

достигаешь спокойствія въ мірѣ. „Reservatio mentalis!“ Іезуиты умные люди!

Онъ вошелъ въ открытую оконную дверь. Изъ Герты комнаты падалъ свѣтъ на веранду. Десять лѣтъ было у нихъ дружественно. Падающій свѣтъ былъ ясенъ: тамъ должно быть дверь также открыта, какъ и тутъ. Къ ней только сорокъ шаговъ! Соломенный коверъ на полу веранды не позволилъ бы услышать шаговъ. Да если и не въ этомъ дѣло? Да если и открыта дверь... нѣтъ... чтобъ напустить свѣжаго воздуху?

„Ты шлешь меня опять къ моей женѣ?“

„Ну, тогда-впередъ!“

Ну, тогда и назадъ! Ты не могла этого желать; или-же Ты никогда не любила меня. Даже если-бъ и такъ было — я Тебя любилъ и люблю еще. И если бы Ты стала измѣнницей передо мной, — я не хочу быть озмѣнникомъ передъ самимъ собой.

Онъ облокотился на дверь, глядя въ садъ. Клумбъ розъ, лежащій передъ верандой, былъ освѣщенъ полнымъ сіяніемъ луны; между высокими деревьями, окружающими эту площадь, царила темнота. Въ комнатѣ чувствовался еще зной дня; изъ парка несло освѣжительной прохладой. Онъ спустился по лѣстницѣ, обошелъ клумбъ и завернулъ въ одну аллею, которая вела прямо къ шоссе. Былъ бы у него ключъ отъ воротъ-онъ блуждалъ бы по полямъ, куда

бъ глаза несли. Безъ желанія завернулъ онъ въ главный проходъ, который прорѣзывалъ перпендикулярно большую аллею, и оканчивался берегомъ рѣчки, которая ограничивала паркъ по ту сторону. Проходъ былъ не такъ длиннымъ, какъ аллея, въ его полумракѣ онъ не успѣлъ сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ вдругъ въ концѣ этого прохода, тамъ гдѣ стояла привязанная къ берегу лодка, употребляемая для переправокъ на другую сторону, онъ примѣтилъ въ полномъ лунномъ освѣщеніи какой-то свѣтлый предметъ, котораго не могъ себѣ объяснить. Когда онъ приблизился скорыми шагами, зашумѣвшими на эластичной лѣсной почвѣ, онъ увидѣлъ согнутую женскую особу. Послѣ нѣсколькихъ сильныхъ прижковъ очутился возлѣ нея, и положикъ руку на ея плечо.

— Герта!

Она подняла безъ всякаго испуга голову и взглянула на него глазами, въ которыхъ какъ-то злобѣще отражалось сіяніе мѣсяца.

— Я такъ малодушна! пробормотала она не громче журчанія рѣчки, шумѣвшей возлѣ береговъ.

— Ходи! сказалъ Ульрихъ, схвативъ ее на половину и подымая ее.

Она пробормотала еще разъ:

— Я такъ малодушна, но безъ сопротивленій позволила увести себя отъ этого зловѣще-непріятнаго мѣста. Ея легкое ночное платье было

влажно отъ росы и слезъ. Ее пробирала постоянная дрожь; онъ снялъ съ себя сюртукъ и окуталъ нимъ ея голыя плечи. Казалось, она этого не замѣтила: душевныя и физическія силы были вѣроятно истощены; нѣсколько разъ она оступалась, не смотря на его сильное поддерживаніе. Подойдя къ ступенькамъ веранды, онъ взялъ ее на руки, понесъ вверхъ въ ея спальню и положилъ ее на еще не тронутую постель.

Она безчувственно позволяла дѣлать съ собой все что угодно. Ульрихъ видѣлъ наглядно, что она находится не въ полномъ обморокѣ, но только въ безсознаніи. Онъ наблюдалъ, какъ она лежала тутъ блѣдной съ закрытыми глазами, совсѣмъ безпомощной. Еще нѣсколько минутъ и она лежала бы такъ на днѣ рѣчки!

Онъ прикрылъ тихо дверь. Возлѣ ея кровати стояла еще его, какъ когда-то. На цыпочкахъ пробрался онъ къ широкому дивану, стоявшему у задней стѣны комнаты, такъ что отсюда онъ могъ наблюдать за дверью и кроватью.

Тутъ онъ пролежалъ нѣсколько минутъ, пока не замѣтилъ, что она движется и вздохнула какъ тотъ, который просыпается отъ сна. Онъ оперся на диванъ праслушиваясь: визгъ, тихій плачъ, притомъ непонятныя слова. Повидимому ей казалось, что она одна.

И послѣ произнесла разрывающимъ сердце, пол-

нымъ страха, почти кричащимъ голосомъ: Ульрихъ хочетъ меня покинуть! О Боже мой, о Боже мой!

Этого было черезчуръ! онъ поспѣшилъ къ ея кровати и нагнулся надъ ней:

— Герта!

Она вскочила съ радостнымъ крикомъ; обняла его обѣими руками и прижимала къ груди съ сумасшедшей страстью.

— Ульрихъ! Ульрихъ!

Глава восьмая.

Подойдя къ дому Элеонорѣ не нужно было дотрагиваться большей рукоятки: дверь была открытой; въ тускло освѣщенныхъ сѣняхъ сверху по лѣстницѣ ей насупротивъ сходила Лиза.

— Какъ съ больной? со страхомъ спросила Элеонора.

— Не хороше, отвѣтила горничная; — господинъ докторъ еще наверху.

Подымаясь по лѣстницѣ прибавила.

— Я стояла въ Вашей комнатѣ у окна и замѣтила Васъ идущей. Я такъ и знала, что Вы лодкой прибудете, коль скоро извѣстятъ Васъ объ этомъ. Бариня не согласилась?

— Они прибудутъ по шоссѣ.

— Это можетъ долго продолжиться; ну, понятно, это же только Melle Клементина!

Элеонора зашла въ свою комнату, что-бъ не-

реодѣться. Къ ея удивленію смежная дверь въ спальню Клементины была открытой; тамъ было темно и тихо.

— Господинъ докторъ, разсказывала дѣвишка, помагающая переодѣваться, — нашелъ тутъ тѣснымъ и душнымъ.

Онъ приказалъ показать себѣ гостинную, знаете, эту большую, выходящую на сѣверъ. Туда мы должны были ее перенести, я и Мале. Господинъ докторъ самъ помогалъ. Этого и не нужно было: она такъ легка, наша милая бѣдная баришня!

Элеонора послала дѣвушку къ доктору передать ему, что она прибыла, и можетъ-ли зайти? Спустя минуту онъ постучался у ея двери.

— Не могу скрыть, сказалъ онъ послѣ короткаго привѣтствія; — дѣло плохо; весьма плохо. Во зло Вы мнѣ не поставите, если я Вамъ признаюсь; сегодня утромъ я и не думалъ объ этомъ; пульсъ билъ слабѣе и біеніе сердца... да что пускаться въ подробности! Ничего не предвѣщало такой тяжелой сложности, какая наступила теперь. Эта несчастная поѣздка въ Вендельштейнъ! Но и тамъ должно было что-то произойти, что ее сильно взволновало. Быть можетъ Вамъ извѣстно что-нибудь?

Элеонора покачала отрицательно головой.

— Сегодня утромъ я тоже думала про это; но никакъ не могу догадаться, что бы это могло быть.

— Впрочемъ отъ этого не много зависитъ, продолжалъ докторъ — суть та, что она сильно простудилась, это и остается. Вы готовы? Ну, такъ идемъ!

Они пошли по коридору; врачъ остановился:

— Знаете, сказалъ онъ, — врачу встрѣчается, да, многое; но что-бъ мать, которую врачъ, старый домашній врачъ, извѣщаетъ, что ея дитя больное, опасно больное, и она... эхъ, вотъ и ничего не находишь!

Онъ пошелъ дальше; они остановились возлѣ двери. Докторъ держалъ за рукоятку:

— Вы найдете ее сильно измѣнившейся, проговорилъ онъ тихо.

Лиза, сидѣвшая за то время при больной, встала со стула возлѣ постели, на которомъ докторъ занялъ теперь мѣсто. Элеонора остановилась возлѣ него. Верхняя часть постели была затѣнена ширмочкой; она видѣла Клементины лицо только въ очертаніяхъ; оно не показалось ей инымъ, только очень блѣднымъ.

Врачъ кончилъ свое изслѣдованіе; онъ отошелъ отъ постели и отвелъ Элеонору въ сторону, давъ ей знакъ пальцемъ:

— Вы отважная дѣвушка. Это ничего и не помогло бы, если-бъ я таилъ печальную истину. Я могу ошибаться, но я долженъ теперь опасаться самаго плохаго: въ продолженіи будущаго часа, быть можетъ будущихъ часовъ не наступятъ существенныя перемѣны; хочу воспользо-

ваться этимъ временемъ и заглянуть къ ребенку Безековыхъ — къ малой Грете, — которая тоже тяжело больна. Черезъ полъ часа, или часъ, я прибуду обратно. Если-бъ она начала бредить, такъ это не должно Васъ пугать. Я сказалъ, что она имѣетъ что-то на душѣ. И такъ, до свиданія! Слава Богу, что Вы прибыли!

Докторъ Бальтазаръ покинулъ комнату; Лиза провожала его. Бѣдная напуганная дѣвушка еле держалась на ногахъ. За то время она должна была прилечь въ комнатѣ Элеоноры на кушеткѣ. Элеонора должна была обязаться позвать ее, коль скоро она ей понадобится.

Наконецъ осталась Элеонора одна съ любимой особой, которая должна умереть. Она не сомнѣвалась болѣе въ этомъ, когда, сидя у постели, видѣла ясно перемѣну, которую произвела короткая болѣзнь въ этомъ некрасивомъ, но все таки симпатичномъ лицѣ. Тонкій носикъ обострился, скулы лица сильно выдались; на блѣдныхъ щекахъ то появлялись, то пропадали темныя красныя пятна; глаза были полузакрыты; элеонора могла видѣть только бѣлокъ. Она могла-бы повѣрить, что это уже смерть, если-бъ не дрожь, пробѣгающая иногда по тѣлу, вслѣдствіе которой раздавался тихій скрежетъ зажатыхъ зубовъ.

Да и не былъ бы тотъ видъ столь ужасенъ, и не передавалъ-бы врачъ съ такою увѣренностью — Клементана не разъ утверждала:

достаточно тяжелой болѣзни и со мной конецъ. Это и въ порядкѣ вещей. Зачѣмъ я на свѣтѣ?

Да, ты права, ты бѣдное слабое существо съ твоимъ большимъ полнымъ любви сердцемъ! Зачѣмъ ты на свѣтѣ? Свѣтъ только для здоровыхъ, и тѣхъ, у которыхъ вмѣсто сердца камень въ груди. Умрешь Ты при своей любви! Тогда мы сестры въ этомъ отношеніи?

Какъ-бы въ отвѣтъ на вопросительныя мысли Элеоноры изъ блѣдныхъ устъ больной послышались отривистые, непокятные звуки, которые, конечно, должны были быть словами, и только послѣ стали ними; все еще отривисто, но понятно для нея, нагнувшейся, съ задержаннымъ дыханіемъ, надъ бредящей; — поражающе понятно! Садъ и бесѣдка и сіяніе луны — такое свѣтлое, свѣтлое сіяніе! — и о Боже мой! какъ они любятся! какъ цѣлуются! — одинъ только изъ этихъ многихъ поцѣлуевъ — только одинъ! Почему не идешь Ты съ нимъ, если онъ тебя умоляетъ? — такъ иди же! иди! — Я въ Тебѣ не нуждаюсь — я могу одна до смерти заплакаться — одна! — ахъ, такъ совсѣмъ — одна!

Затѣмъ послѣдовали болѣзненные стоны и изъ полуоткрытыхъ глазъ потекли большія слезы, скатывающіяся по блѣднымъ щекамъ, на которыхъ изчезли темно-красныя пятна. Вновь болѣзненное рыданіе и опять водворилась прежняя смертельная тишина.

Это вотъ и есть то, что лежало у нея на

душѣ, что разрывало ея бѣдное сердце! Вслѣдствіе чего ея вполнѣ невинное сердце жаждало счастія любви; она видѣла это собственными глазами! И тѣ, которые ей доставили эту отчаянную минуту, были возлюбленникъ и ея подруга!

Элеонора обтерла слезы со щекъ несчастной; ея глаза стали сухими. Ей казалось страшнымъ причинить такую бѣду и ее еще оплакивать. Какъ желѣзная тяжесть лежало это у нея на душѣ. Ей зависило отъ того и она должна была уничтожить, заглушить эту любовь — эту, достойную проклятія, любовь, которая причинила столько несчастій и доставляетъ только однѣ несчастія! Была-бъ она третьяхъ дня уже въ этомъ положеніи; этой бѣдной, несчастной жертвѣ не пришлось бы ничего видѣть. И должна была увидѣть; такъ пусть же это, по крайней мѣрѣ и будетъ послѣднимъ.

Погруженная въ такую муку, обезсиленно смотрѣла она неподвижными горящими глазами на больную, которая теперь, казалось, засыпала; только ея бѣлыя руки дрожали еще на одѣялѣ. Она не знала какъ долго продолжилось, пока вернулся докторъ Бальтазаръ — это могло пройдти и часъ и полтора. Врачъ занялъ ея мѣсто, она присѣла въ темномъ уголку недалеко отъ кровати. Такъ прошло опять нѣкоторое время. Вдругъ докторъ остановился возлѣ нея.

— Любезная баришня, это все таки лучше, если вы приляжете.

— Я не устала.

— Если и нѣтъ, такъ все-таки лучше.

Теперь только она поняла его.

— Позвольте мнѣ остаться, сказала она; — постараюсь выдержать.

Она не видѣла еще никогда умирающаго человѣка; она и теперь не замѣчала этого. Врачъ, нагнувшись надъ умирающей и закрылъ ее своей широкой фигурой отъ взгляда Элеоноры. Стоявши возлѣ него она дрожала всѣмъ тѣломъ, но чувствовать и думать она не была въ состояніи. Она имѣла это смутное понятіе, что въ данный моментъ происходитъ что-то ужасное. Врачъ приподнялся и, проводя нѣжно рукою по лицу умершей, произнесъ:

— Ave, pia anima!

— Могу ее увидѣть? вырвалось у Элеоноры.

Врачъ взялъ лампу и освѣтилъ лицо умершей.

— Я и не зналъ, что это бѣдное дитя было такъ красиво, говорилъ онъ тихо.

Элеонора нагнулась надъ этимъ мирнымъ лицомъ и цѣловала его блѣдныя губы.

Въ моментъ, когда она приподымалась, послышался въ ночной тишинѣ шумъ колесъ экипажа, который вскорѣ остановился у подъѣзда. Элеонору перепугало. Она не могла теперь, не могла тутъ встрѣтить тѣхъ обѣихъ...

Врачъ, кажется, вычиталъ по лицу ея мысли.

— Уйдите! сказалъ онъ. — Никто не долженъ

безпокоить Васъ. Я позабочусь о всемъ необходимомъ. Спокойной ночи!

Онъ подалъ ей руку. Элеонора кинула еще одинъ взглядъ на усопшую. Потомъ поторопилась по коридору въ свою комнату, въ которую вошла почти въ то время, когда внизу у входа раздался твердый голосъ генеральши:

— О, скорѣе въ постель, мое любезное дитя! Сегоднишній день и безъ этихъ исторій утомилъ Тебя.

Глава девятая.

Въ пять часовъ пополудни должны были состояться похороны изъ часовни. Траурное шествіе отправилось на кладбищѣ изъ Сальховъ, церкви, къ которой, какъ и смежныя имѣнія, принадлежало и Зеегаузенъ. Предвидѣлось большое траурное шествіе. Въ Зеерундэ считали долгомъ въ такихъ случаяхъ доказывать свое сочувствіе и являться всѣмъ. Нужно было на то разсчитывать, что изъ пятидесяти приглашеній, по крайней мѣрѣ, тридцать изъ нихъ будутъ отвѣчены лично извѣщенными Господами, изъ чего кондукторъ могъ предвидѣть рядъ со столькихъ же почти экипажей и траурное собраніе изъ шестидесяти до семидесяти лицъ; аппетитъ которыхъ послѣ болѣе чѣмъ двучасовой поѣздки, по обычаю страны, долженъ былъ быть тоже

принятъ во вниманіе, что и доказывало приготовленіе буфетнаго завтрака, который былъ устроенъ въ одной изъ комнатъ по лѣвую сторону входа, насупротивъ зала съ правой стороны, въ которой стоялъ гробъ.

У генеральши были полныя руки работы. Она старалась всякаго увѣрить, что только въ безпреривной дѣятельности находитъ бальзамъ для своей раны, которую доставила ея материнскому сердцу непоколебимая воля Господня. Притомъ она хотѣла бы знать, какъ люди, которые не имѣютъ такой твердой вѣры, какъ она, перенесли-бы подобный ужасный ударъ; такъ совсѣмъ неожиданный; хотя милое дитя и было все болѣзненно въ теченіи его короткой жизни, но болѣзненные люди и живутъ, по большей части, долго. Какъ могла-бы она безъ этой полной слѣпой увереннности хотя одну минуту, послѣ одержанія извѣстія о болѣзни ребенка, остаться на праздникѣ; какъ должна была прискорбно дожидаться экипажа изъ города, — конечно только изъ за материнской заботы про нѣжное здоровье-Китти, вмѣсто прибыть лодкой, какъ Mᵉˡˡᵉ Риттеръ! которой она за то и за любовь и вѣрность, что доказала она въ послѣдніе часы усопшей, чувствуетъ себя обязанной вѣчною благодарностью! — Вы только представте себѣ: эта прекрасная дѣвушка, которую мы въ теченіи этихъ нѣсколькихъ недѣль такъ искренно полюбили, — хочетъ, вѣрнѣе сказать, должна поки-

нуть насъ! Ея тетя, госпожа тайная совѣтница Бухеръ въ Берлинѣ — умоляетъ ее вѣрнуться ради нея и больной дочери. Это обязанность, отъ которой она не можетъ уклониться. Я сознаю это вполнѣ, и такъ при одной тяжелой потерѣ является новая, которую я должна тоже переболѣть.

Въ этихъ рѣчахъ, которыя распространяла генеральша искуснымъ языкомъ передъ траурными посѣтительницами, она была надлежащимъ порядкомъ поддерживаема Китти, которая присоединяла отъ времени до времени слова согласія и сочувствія. Мать и дочь соглашались въ одномъ: какъ бы ни были дѣла, но всетаки пусть будетъ совсѣмъ политически: разстаться съ Элеонорой въ кажущихся самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Докторъ Бальтазаръ имѣлъ то неслыханное нахальство: сказать имъ въ глаза слово правды за ихнее поведеніе въ ночь смерти. Кто могъ знать, не разсказалъ-ли притомъ этотъ старый болтунъ кому нибудь, и зловѣщій ротъ разнесъ теперь по всѣму сосѣдству? Вотъ тутъ — то и было нужнымъ представить Элеонору сравнительно какъ члена семьи, такъ что Клементина умерла на рукахъ какъ-бы не чужой. Не менѣе яснымъ было и то, что въ случаѣ разстаться съ этой особой въ злости и ненависти, при тѣхъ уже и такъ довольно натянутыхъ отношеніяхъ между ними, графиней и Гвидо, имѣлось вѣрнымъ слѣдствіемъ — полнѣйшее прекращеніе

знакомства; между тѣмъ, какъ такъ можно было надѣяться, что этотъ ослѣпленный молодой человѣкъ придетъ въ сознаніе, если, послѣ удаленія предмета его обожанія, разувѣрить его въ этой безмыслицѣ, что-бъ тѣмъ вѣрнѣе помочь ему забыть это горе. Скорѣе во-первыхъ покинула бы она этотъ домъ! Генеральша не принимала за невозможное, что-бъ эта персона раздумала въ послѣдній моментъ и осталась; Китти-же объясняла это опасеніе просто смѣшнымъ. Она знаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ: эта персона приготовила, все что-бъ послѣ похоронъ не нуждалась возвращаться хотя разъ въ этотъ домъ; поэтому, что-бъ могла съ кладбища отправиться прямо въ городъ, она попросила арендатора Безекова дать ей ихнюю коляску, на что онъ охотно согласился. Почти утромъ перевезла тѣлега Безековыхъ всѣ ея вещи въ городъ.

— Было бы только вѣрнымъ, мое милое дитя! сказала генеральша.

— Я вседа говорю вѣрно, мамочка! отвѣтила Китти.

— Въ черномъ Тебѣ всетаки лучше всего, сказала генеральша, разсматривая со свѣхъ сторонъ свою любимую, которая представилась ей въ новомъ траурномъ платьи — Ты выглядишь восхитительно.

— Я нахожу тоже, замѣтила Китти, становясь передъ зеркаломъ. — Графиня отказалась-конечно! А Гвидо прибудетъ? Вотъ состроитъ глаза,

когда услышитъ, что здѣсь въ послѣдній разъ видитъ предметъ своего обожанія!

— Быть можетъ онъ уже знаетъ.

— Отъ кого?

— Отъ Герты. Она сказала же вчера, что видѣла его въ теченіи дня. Замѣтила ты какіе странные глаза состроила Герта, когда она услышала, что эта персона уходитъ?

— Она имѣетъ всѣ причины къ этому, если вѣрно то, что разсказалъ мнѣ на праздникѣ господинъ фонъ Одебрехтъ.

— Объ этомъ Ты мнѣ еще ничего не разсказывала?

— Я принуждена была дать ему мое честное слово-этого дальше не распространять.

— Это еще никакая причина, чтобъ умолчать передо мной.

— Быть можетъ и не такъ. Ты могла-бы неудержать тайны, а вѣдь знаешь сама, что у насъ много причинъ жить въ мирѣ съ Гертой и Ульрихомъ.

— Одному Богу извѣстно! отвѣтила вздыхая генеральша; — намъ очень нужны деньги! Но что же зналъ господинъ фонъ Одебрехтъ?

— Если Ты непремѣнно хочешь знать!...

Въ это время въѣхалъ во дворъ экипажъ.

— Герта! изумленно заявила генеральша, поспѣшившая къ окну.

Двумя часами раньше назначеннаго времени? и безъ Ульриха? Что это опять имѣетъ значить?

— Держу пари, дѣло идетъ объ этой персонѣ, замѣтила про себя Китти.

Элеонора не исполнила своего плана, который задумала въ ночь смерти Клементины, именно: покинуть этотъ домъ въ слѣдующее же утро; она не могла оставить въ этихъ безжалостныхъ рукахъ свою любимую умершую, пока не передастъ ее землѣ. Къ переговорамъ съ генеральшей не дошло: обѣ стороны съумѣли и безъ того высказать себѣ чувства, которыя питали другъ къ другу. Элеонора въ общемъ избѣгла всякаго соприкосновенія съ генеральшей, подъ предлогомъ, что она чувствуетъ себя очень опечаленной; мало того, даже ѣду и питье, въ которыхъ нуждалась, доставляла себѣ черезъ Лизу въ свою комнату. Эта добрая дѣвушка была тоже ея помощницей въ сношеніяхъ съ арендаторомъ Безековыхъ и непринужденной извѣщательницей домашнихъ произшествій.

Элеонора обыкновенно наполовину внимательно выслушивала разсказы дѣвушки, но на сей разъ она даже сосредоточила все свое вниманіе, когда та передавала, что вчера была тутъ баронесса Рандовъ безъ господина барона, который прибудетъ сегодня только на кладбище, но причины она не знала. Элеонорѣ была она хороше извѣстна. Предосторожность, которую онъ предпринялъ, что-бъ избѣгнуть ея встрѣчи, или что-

бъ быть по-возможности неутральнымъ, вызвала въ ней болѣзненную улыбку. Однажды отдавалось годы своей жизни за то, что-бъ имѣть возможность хотя разъ еще увидѣться; сегодня же избѣгалось встрѣчи! Ея размышленія въ ночь смерти Клементины, должно быть, залегли глубоко у нея въ сердце.

Въ ея рукахъ былъ выборъ оставаться-ли тутъ на будущее время. Письмо тети, которое генеральша выставляла передъ цѣлымъ свѣтомъ, какъ причину внезапнаго отъѣзда Элеоноры, было на самомъ дѣлѣ никакой выдумкой. Эта добрая женщина умоляла ее скорѣе оставить мѣсто, котораго она не должна была принимать и прибыть сейчасъ-же къ ней и Тильхенъ, ожидающихъ ее съ распростертыми руками. Вмѣстѣ съ тѣмъ письмомъ прибыло еще одно, которое доставилъ верховой:

„Только что принесъ мнѣ Гвидо печальное извѣстіе о смерти нашей доброй Клементины. Я чувствую, что, послѣ этой, столь болѣзненной для Васъ, потери, Ваше дальнѣйшее пребываніе въ Зеегаузенъ будетъ невозможнымъ. Могу ли поэтому предложить Вамъ, моя прекрасная Элеонора, замокъ Вендельштейнъ со всѣмъ тѣмъ, что ему принадлежитъ? Не опасайтесь, что-бъ Ваше пребываніе, которое принимаю предварительно только за пятидесятилѣтнее, привело Васъ къ обязанностямъ какого нибудь рода, кромѣ, быть можетъ, той одной: терпѣть по желанію

и охотно общество старой женщины. Я полагаю, Вы довѣряете мнѣ и Гвидо въ тактѣ, который и вызываетъ такъ нѣжное обращеніе, какъ наше. Вы должны быть свободны подобно орлу на моихъ родныхъ горахъ. И такъ, прибывайте и осчастливте Вашу материнскую подругу

Фридерику Венделинъ.“

На письмо это, въ которомъ полуслѣпая, дрожащими буквами и не подъ минутнымъ увлеченіемъ, высказала больше, чѣмъ написала, послѣдовалъ отвѣтъ, на который Элеонора, за часъ до похоронъ, не могла еще рѣшиться. Она знала, что графиня и Гвидо сдержутъ свое обѣщаніе, высказанное въ письмѣ. Могла ли она поэтому чувствовать себя свободной? Могло ли ея пребываніе у матушки не усиливать въ груди сына надеждъ, которыхъ она не могла оправдать, пока Ульрихъ не признастъ ее свободной? Но если-бъ это и было единственнымъ средствомъ, что-бъ онъ призналъ ее свободной, единственной возможностью, помирить его съ его судьбой, сдѣлать его человѣкомъ, который, хотя не счастливъ — кто же счастливъ? но который могъ-бы однако переносить тяжесть жизни и исполнять свои обязанности, лежащія на немъ? Не хватило ли бы и тогда у нея мужества быть жертвой?

Этого мужества она не находила. Теперь сѣла за свою маленькую портфель, которая сопровождала ее повсюду, и въ торопяхъ писала дипломатическія строчки, въ которыхъ выразила

графинѣ свою искреннюю благодарность за ея доброту, которой она временно не можетъ воспользоваться, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, принуждающихъ ее уѣхать въ Берлинъ. Если-бъ она въ теченіи зимы освободилась и графиня, въ чемъ она не сомнѣвается, захотѣла ее еще принять, — она приняла бы съ радостью ея всемилостивѣйшее приглашеніе.

Она чувствовала, что ея письмо было достойно порицанія; подобнаго она не писала во всю свою жизнь; и это ей было больно, что какъ разъ эта графиня должна была быть той, къ которой она писала подобнымъ образомъ; но отвѣтить иначе ничего не помогло-бы; разочарованіе было-бы не менѣе достойно порицанія. Со вздохомъ запечатала конвертъ и положила адресъ.

Когда она оканчавала послѣднюю букву, кто-то постучался въ дверь. Предполагая, что это Лиза она позволила войдти.

— Извините, любезная Мадмазель, произнесъ за ней какой-то иной голосъ.

Она обернулась испуганно.

Дѣйствительно, это была Герта.

Глава десятая.

— Простите, сказала Герта еще разъ, подходя съ протянутой рукой къ Элеонорѣ, вставшей изъ за письменнаго стола; — я вчера еще попросила бы у Васъ позволенія, но нанизу сказали мнѣ, что Вы нездоровы. Я увидѣлась бы съ Вами, быть можетъ, послѣ, но у меня не хватило бы времени поблагодарить-поблагодарить Васъ отъ всей души.

— За-что, милостивая сударыня? спросила Элеонора.

Она предложила Гертѣ удобное кресло, съ котораго только что встала, для себя же поставила стулъ. При холодномъ тонѣ ея вопроса, Герта поблѣднѣла. У Элеоноры задрожала совѣсть. Какой смыслъ имѣло убѣждать эту женщину, которая всегда такъ дружественно относилась къ ней, которая, повидимому, пришла и теперь съ хорошими намѣреніями; потому, что она стояла между ней и ея счастіемъ, — счастіемъ, отъ котораго она отказалась-бы!

— Прошу Васъ, простите меня, сказала она, пока Герта смогла бы отвѣтить; — то, что я перетерпѣла за послѣдніе дни и перенесла, омрачило очень мое настроеніе. Мнѣ трудно различить друга отъ врага. Я должна знать, что Вы не принадлежите къ послѣднимъ.

— Нѣтъ, потвердила Герта, — по правдѣ я не врагъ. Вы такъ сердечно ухаживали за

моей умершей сестрой. Это доставило мнѣ мужество.

— Къ чему, любезная судариня?

Герта неможко покраснѣла и погладила фалду своего траурнаго платья.

— Я пришла просить Васъ оказать мнѣ большую услугу.

— Которая въ чемъ состоитъ, милостивая судариня?

Герта все гладила фалду и продолжала съ опущенными глазами:

— Не знаю; Вы, быть можетъ, замѣтили, что мой мужъ не выглядитъ такъ свѣжо, какъ — какъ было бы желательно. Онъ поэтому и долженъ былъ отказаться прибыть сюда на похороны — возможно, что и на кладбище. Докторъ Бальтазаръ и я упрашивали его уже давно оставить заботы; постараться развлечь себя; попутешевствовать, или что нибуть въ томъ родѣ. Онъ никогда не хотѣлъ; теперь понимаетъ, что мы были правы. Мы еще не знаемъ куда отправимся — я предложила одно изъ италіянскихъ озеръ, или Ревіеру, такъ какъ уже прохладное время года. Мнѣ безразлично куда-мнѣ не знакомо одно, какъ и другое, — главное если-бъ я могла помочь мужу. Препятствіемъ является только одно: что будетъ за то время съ дѣтьми? Взять ихъ съ собой, и рѣчи быть не можетъ, для этого они еще молоды, и это не было-бы облегченіемъ для моего мужа. Дѣти лучше

всего присмотрены дома, конечно, если находятся подъ хорошимъ надзоромъ. Mᵉˡˡᵉ Дидиръ имѣетъ много своихъ хорошихъ сторонъ, но она всетаки не подходящая для этого особа. Я думала про Клементину, она охотно исполнила бы это. Вчера передала мнѣ мама, что Вы намѣрены уѣхать къ тетѣ въ Берлинъ. Я, простите за откровенность, это-къ тетѣ приняла, какъ предлогъ, чтобъ вообще уѣхать. Я понимаю это совсѣмъ хороше. Въ мое время я тоже ничего другаго не думала... Если-бъ Вы поѣхали ко мнѣ?

Только при послѣднихъ словахъ Герта подняла свои глаза и кинула пытків взглядъ на Элеонору. Выраженіе лица, которое она встрѣтила, потревожило ее; ожидаемаго отвѣта не услышала; ей не оставалось ничего другаго, какъ уѣхать.

— Какъ охотно довѣрила бы я Вамъ моихъ дѣтей! Они, могу правду сказать, очень вѣжливы и не доставили-бы Вамъ большихъ хлопотъ. Елена, передъ которой я проговорилась отчасти въ моемъ намѣреніи, внѣ себя отъ радости, что Вы прибудете. Я увѣрена, что она ничего такъ не желаетъ какъ только того, что-бъ я была уже въ дорогѣ. Не правда-ли, мнѣ нечего Васъ убѣждать, что я принимаю только какъ одно отдолженіе, если Вы согласитесь и облегчите мнѣ эту заботу. Не обязательно только за то время, когда мы отлучимся отъ дома; наоборотъ! чѣмъ раньше прибудете, тѣмъ лучше; Вы съумѣете

устроиться уже до нашего отъѣзда. Лучше всего я возьму Васъ сейчасъ-же сегодня съ собою. Впрочемъ, какъ Вамъ удобнѣе, и когда Вамъ удобнѣе — это понятно. Но чѣмъ дольше, тѣмъ лучше. Прошу Васъ, прошу, скажите — да!

Она протянула руку, которую Элеонора только дотронула. Выраженіе ея лица, которое уже раньше не понравилось Гертѣ, было теперь еще болѣе помраченнымъ; и ея, обыкновенно мягкій, но чистый голосъ, звучалъ странно скрыто и грубо, когда она спросила:

— Позвольте узнать: съ согласіемъ-ли, съ полнымъ ли согласіемъ Вашего мужа пришли Вы ко мнѣ?

— Да это же понятно, любезная мадмазель, отвѣтила изумленно Герта.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказала Элеонора.

Наступилъ малый перерывъ. Пульсъ у Элеоноры билъ сильнѣе. Все равно! Могла видѣть эта другая, что она съумѣла объяснить себѣ то, что имѣло только одно объясненіе: этой женщинѣ было все извѣстно. Отъ кого она могла бы узнать, какъ не отъ него! И послѣдовавшее примиреніе было вполнѣ естественнымъ: предлогаемое путешествіе, которое превратилось-бы въ послѣсвадебную поѣздку! Эта краска которая выступила опять на недавно блѣдныхъ щекахъ! Эта тріумфная радость въ глазахъ, которые еще нѣсколько дней тому назадъ смотрѣли такъ печально и разочарованно

— довольно доказательствъ, даже слишкомъ много. И они имѣли еще условиться между собой! Ей было это по вкусу! Но прійти къ ней и высказать ей въ лицо, къ тому еще приглашать ее, быть свидѣтельницей ихъ новыхъ entente cordiale — она нашла это безстыднымъ.

— Хочу быть откровенной, начала Герта опять не рѣшительнымъ тономъ. — Нѣтъ, мой мужъ не соглашался на мое предложеніе. Онъ думалъ, Вы не пріѣдете, но если-бъ Вы только прибыли, тогда я увѣрена...

— Почему думалъ Вашъ мужъ, что я не согласилась-бы? прервала Элеонора.

— Боже мой! воскликнула Герта, которая поняла къ своему ужасу что тутъ уже нѣтъ никакаго исхода.

— Вы можете быть ко мнѣ жестокой, но не къ нему. Во-первыхъ, клянусь Вамъ: я знаю про это не отъ моего мужа. Нѣкто господинъ фонъ Одебрехтъ, Вы его не знаете, онъ знакомъ съ Ульрихомъ уже съ юношескихъ лѣтъ, но они очень не въ ладахъ съ собою. Онъ видѣлъ васъ вмѣстѣ въ Нордерней и передалъ мнѣ это на морскомъ праздникѣ. Мой мужъ не опровергаетъ и не скрываетъ, что онъ Вами интересуется — я нахожу это тоже понятнымъ. Вообще... Боже мой!... въ концѣ концовъ могло подобное произойти; но это же возможно привести опять въ порядокъ, если только имѣется къ этому доброе желаніе; у меня оно есть, Богъ мнѣ свидѣ-

телемъ! — мой мужъ имѣетъ его тоже, и я не могу себѣ представить, что бъ она и у Васъ имѣло не быть. Я только теперь понимаю, что мой мужъ таилъ все; въ началѣ я не понимала этого и смутилась; а навѣрно было бы лучше и предохранило бы насъ отъ многихъ горестей, если-бъ онъ былъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: видишь, Герта, дѣло такъ и такъ. Разъ онъ держалъ это въ тайнѣ передо мной, что могли Вы дѣлать, какъ не молчать, когда объ этомъ заходила рѣчь въ Нордерней? Это прошло, или пройдетъ, такъ какъ я не совсѣмъ дружественно приняла господина фонъ Одебрехтъ за его вполнѣ несоотвѣтственныя рѣчи, — это Вы можете себѣ представить. И, проходя вотъ теперь внизу я услышала отъ Китти намекъ, котораго я не могу себѣ иначе объяснить, какъ только тѣмъ, что и она узнала уже про это. Если-бъ Вы только посѣлились у насъ, такъ видѣлъ бы же весь свѣтъ, что въ этомъ поступкѣ нѣтъ ничего плохаго. Вѣдь отъ этого должно было и Вамъ зависѣть, я думаю, столько же, сколько и намъ. Это я растолкую мужу; что касается меня, такъ я Вамъ уже сказала и повторяю еще разъ: не имѣю никакой злобы противъ Васъ. Вы причинили мнѣ большую боль; много, много слезъ пролила я; я была въ отчаяніи; я не могу жить безъ Ульриха, я люблю его и сегодня также, какъ и раньше; да, во сто разъ больше. Мы снова вполнѣ помирены, и я имѣю его

опять, и это было бы плохо съ моей стороны, если-бъ я не хотѣла простить Васъ отъ всего моего сердца!

— Дѣйствительно! произнесла Элеонора.

Герта смотрѣла опять испуганно. Въ этомъ словѣ, казалось, лежитъ намѣреніе разлуки; подобное же выраженіе было и на лицѣ Элеоноры, оно было блѣдное до сжатыхъ губъ; деликатныя ноздры дрожали; брови почти смыкались; подъ этими бровями видны были большіе глаза, кажущіеся совсѣмъ черными, не смотря на ихъ зловѣщее сверканіе.

— Дѣйствительно! повторила она. — Правда, я чуть не похитила у Васъ мужа! Это было-бы тяжелымъ преступленіемъ. Какія возмутительныя мѣры должна принимать дѣвушка, пока она увидитъ одного мущину, у котораго дома жена и дѣти, привязаннымъ къ себѣ! внушала ли она ему одну только страсть? Что это были мѣры, употребленныя вслѣдствіе сильнаго прельщенія или-же безстыднаго эгоизма, видно, какъ на ладони. Какъ одинокая, бѣдная дѣвушка, я не могла довольствоваться судьбой: пробиваться въ свѣтѣ средь чужихъ рукъ? Какъ она осмѣливается желать быть хотя разъ любимой; имѣть мужа; домъ; быть беззаботной; спокойной; имѣть возможность прижать дѣтей къ своему сердцу, какъ — другая?...

Тутъ она вскочила со стула и зашагала по комнатѣ взадъ и впередъ неровными шагами,

скрестивши руки на тяжело-дышащую грудь и перекачиваясь со стороны въ сторону, такъ что шлейфъ ея чернаго платья перебрасывался то вправо, то влѣво. Герта, которая отъ пораженія продолжала сидѣть, получила впечатленіе, что та совсѣмъ, какъ-бы забыла про ея присудствіе; и свои легкомысленныя слова говорила болѣе про себя, нежели для нея.

— Но эта другая! она имѣетъ его у себя — она вѣдь счастлива! Десять лѣтъ могла любить своего мужа; подарить ему трое дѣтей — и это имѣетъ быть уважаемо! Только обыкновенный пустой случай позволилъ ей имѣть его; она была бы сегодня на мѣстѣ той другой, если-бъ этотъ человѣкъ, десять лѣтъ тому назадъ, видѣлъ и зналъ соперницу! Подобныя преслѣдуемыя мысли надо, конечно, выкинуть изъ головы. Ну, я и поступила такъ; принадлежность эту почитала святымъ; я уважала ничтожное право лѣтъ; не угрожала тѣмъ, что отравлюсь или потону, если онъ меня покинетъ; этого человѣка, котораго любила, я вырвала изъ моего сердца, къ которому онъ, какъ трусъ привязался; я закрывала мои уши при его просьбахъ и мольбахъ, при его угрожаніи и злости, и отправляла его обратно къ своей женѣ ... —

Она остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Герты, съ какимъ-то страшно-злобнымъ взглядомъ на нее.

— Да, милостивая сударинѧ, назадъ посылала! Мнѣ это не совсѣмъ легко. Подобное не можетъ быть легкимъ тому, который увѣренъ, что достаточно одного, только одного, слова, что-бъ удержать себѣ любимаго человѣка. Повторяю, одного слова, чтобъ его опять видѣть у своихъ ногъ. Вы не вѣрите? Хотите-ли согласиться? Сказать ли мнѣ это слово? Должна ли я?

Съ каждымъ изъ этихъ дикихъ вопросовъ, которыхъ Элеонора не щадила, Герта все болѣе и болѣе убѣждалась въ той печальной истинѣ, что она безсильна, безпомощна противъ силы характера этой дѣвушки, и что именно отъ ея милости зависитъ жизнь или смерть ея.

— Пощады! шептала она, — сжальтесь немного!

Тонъ и настроеніе, которые разыгрались въ душѣ Элеоноры, вдругъ затихли. Какъ будто проснувшись отъ страшнаго сна, протеряла она обѣими руками чело и глаза, изумленно смотря на стощую передъ ней на колѣняхъ, и спрашивая себя, какимъ родомъ попала та сюда.

Затѣмъ она пришла опять въ себя; ей стало стыдно; она сожалѣла о томъ, что она сказала, что она однако должна была сказать; она схватила Герту, приподняла ее и быстро притянула къ себѣ, обнявши ее руками; бѣднѣйшая, горько заплакала на ея груди, произнося тихо слова,

которые послужили бальзамомъ для раненаго сердца:

— Простите! не знаю, какъ это случилось со мной! Это и лучше; надѣюсь все кончится, хорошо, — я хочу все поправить. Прибыть къ Вамъ теперь мнѣ невозможно, это Вы понимаете; быть можетъ послѣ, когда мы всѣ успокоимся. Хочу быть Вашей пріятельницей — не думайте и Вы дурно про меня!

— О, нѣтъ! нѣтъ! со вздохомъ воскликнула Герта. — О, нѣтъ! Боже мой! теперь мнѣ такъ многое стало яснымъ! Вы столько страдали; я поступила такъ гадко, такъ жестоко противъ Васъ. И Вы хотите дѣйствительно, — дѣйствительно-ли хотите быть моей подругой?

— Да, да!

Онѣ поцѣловались и освободились изъ объятій; въ то время постучался кто-то въ дверь.

Это была Лиза: госпожа баронесса и баршиня будутъ столь добры пожаловать внизъ: господинъ пасторъ прибылъ уже десять минутъ тому назадъ. Ждутъ только за Вами.

Дѣвушка поспѣшно ушла. Элеонора упрашивала Герту сойтти внизъ; она же, вслѣдствіе непремѣнной поѣздки въ городъ прямо изъ кладбища, должна еще кое-что приготовить.

— У меня еще одна большая просьба къ Вамъ, сказала Герта, хватая ее за обѣ руки; — не угодно ли Вамъ называть меня Гертой

и ты, и позволить мнѣ говорить Вамъ Элеонора, и Ты?

Элеонора согласилась съ какой-то меланхолической улыбкой; Герта еще разъ обняла ее и поцѣловала, затѣмъ оставила комнату.

Элеонора не тронулась съ мѣста. Отказалась ли я дѣйствительно отъ него? бормотала она.

Въ глазахъ жгло ее; глодка — словно сжата. Что это значитъ? Прочь со слезами! — онѣ не приносятъ никакой пользы. Будемъ же практичными, милое дитя! Перемѣнимся! Ты видишь — этого требуетъ время.

Она подошла къ письменному столику; вынула изъ портфеля письмо, адресованное къ графинѣ; разорвала его на двѣ части, которые положила опять въ портфель; придвинула кресло и стала писать:

Всемилостивѣйшая Графиня! Моментально я не могу принять Вашего любезнаго приглашенія; я должна ѣхать въ Берлинъ. Если я могу послѣ хотя разъ посѣтить... я увѣренна, что я могу смѣло положиться на нѣжное Ваше и Вашего сына чувство.

Сообщите Вашему сыну слѣдующее, если находите это хорошимъ, въ чемъ я сомнѣваюсь: я нахожусь совершенно въ положеніи той дѣвушки, про которую Вы мнѣ на дняхъ разсказывали. Я полюбила страстно, безгранично и должна была отказаться отъ этой любви. Считаю невозможнымъ, что-бъ я была въ состояніи

еще разъ полюбить такъ, и высказать другому человѣку болѣе теплыя и дружескія чувства, чѣмъ тѣ, которыя остаются въ чистомъ сердцѣ послѣ такой любви. Допускаетъ — ли любовь и обѣщаніе, данное той дѣвушкой самой себѣ и человѣку, который былъ ея мужемъ, высказать это одно слово, которое заставила она его услышать отъ меня — это предоставляю Вашему усмотрѣнію. Отвѣтитъ она, что я могу, тогда все кончено; скажетъ, что нѣтъ, тогда не перестану любить и уважать ее менѣе, нежели родную мать. — Элеонора.

Она свернула это малое письмо и спрятала его на груди; подошла къ зеркалу; поправила заческу; надѣла черныя перчатки и сошла внизъ въ сѣни, гдѣ она услышала голосъ пастора, доносившійся изъ залы черезъ, почти открытую, дверь, возлѣ которой тѣснилась прислуга. Въ залѣ она заняла мѣсто у дверей между господами въ черныхъ фракахъ съ траурными повязками. Пасторъ съ сѣдыми волосами, разчесанными посерединѣ, которые она только и могла видѣть, говорилъ очень долго, назидательно и громко, но она слышала только звуки словъ, смысла которыхъ не могла найти; про лежащую въ гробу не могла и думать; голова была тяжелая, какъ изъ олова; окружающіе люди казались ей тѣнями, не смотря но то, что она видѣла ихъ хороше.

Потомъ она сидѣла въ каретѣ возлѣ Безе-

ковой. Возлѣ Безекова, противъ нея, на пустомъ мѣстѣ, лежала ея подорожная сумка, которую подала ей Лиза въ экипажъ. Добрая дѣвушка была заплакана; плакала и госпожа Безековъ; у господина же Безекова лицо было опечалено; она не могла плакать; была тоже и не опечалена; удивительное окаменѣніе не смягчалось у нея.

Затѣмъ она очутилась на кладбищѣ въ обществѣ черноодѣтыхъ дамъ и господъ, окружающихъ открытую могилу, надъ которой пасторъ, на маломъ земномъ возвышеніи, держалъ надгробную рѣчь. И тутъ она не видѣла особъ, суетящихся передъ ея глазами, которые она, въ своей безсознательности, устремила на заходящее солнце. Отъ этого можно ослѣпнуть! слышался ей голосъ отца; она, малая дѣвушка, держала его руку; тамъ на горѣ; на половинѣ ея вышины стоялъ охотничій замокъ, и оттуда они смотрѣли на отдаленный ландшафтъ, на горизонтѣ котораго плавалъ багровый шаръ, окрашивая пурпурово вершины холмовъ, и доставляя господамъ голубую тѣнь; тамъ-же, на отдаленной низменности, вода рѣчки, протекающей между кленами и кустарниками, какъ бы на прощаніе, привѣтствовала то тутъ, то тамъ.

Когда она, проснувшись отъ этого сна, открыла свои закрытые глаза, ей хотѣлось дальше мечтать, или ослѣпнуть при тѣхъ воспоминаніяхъ. Но ей не снилось больше, она

видѣла его очень ясно-его возлѣ Герты; прямо передъ собой; между собой и нимъ только могилу, надъ которой молились за вѣчный упокой Клементины, не пережившей печальной картины, которую они ей доставили въ бесѣдкѣ при лунномъ сіяніи.

И только теперь, когда ихъ взгляды повстрѣчались и сцѣпились, какъ бы не естественной силой, она разслышала слова пастора, — только теперь въ первый разъ, какъ будто бы до того онъ бормоталъ, произнеся вдругъ громко: „И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.“

Опять зарябило у нея въ глазахъ, но на тотъ разъ отъ слезъ. Кто-то отводилъ ее отъ могилы: Гвидо. Раньше она не видѣла его: онъ внезапно очутился возлѣ нея и взялъ ее за руку. Они шли между другими, не произнося ни одного слова, по прямой широкой дорогѣ, которая вела къ воротамъ кладбища. Передъ воротами, по шоссейной дорогѣ, уѣзжали экипажи одинъ за другимъ. Когда они вышли изъ воротъ, подъѣхалъ экипажъ Ульриха и Герты. Ульрихъ какъ разъ подсаживалъ Герту. Взглянувъ еще разъ черезъ плечо на кладбище, Герта случайно замѣтила ее, соскочила со ступеньки и припала къ ней, обвивая себя ея рукой, цѣлуя ее, плача, произнеся быстро нѣсколько словъ, изъ которыхъ Элеонора только и разобрала: „помоги мнѣ въ

будущемъ!“ Герта сидѣла въ экипажѣ, прижимая платокъ къ глазамъ; Ульрихъ возлѣ нея, тихо кланяясь Элеонорѣ и Гвидо, который въ этотъ моментъ опять предложилъ ей свою руку. Лошади тронули; подъѣхалъ слѣдующій экипажъ, къ которому подходили другіе, возлѣ нихъ, проходящихъ по узкой тропинкѣ, возлѣ стѣнѣ кладбища; они направлялись къ концу ряда, гдѣ стояла повозка господина Безекова, имѣющая отвести ее въ городъ. Господинъ и госпожа Безековы, которые хотѣли отправиться пѣшкомъ по короткой дорогѣ черезъ поля, попрощались съ ней возлѣ стѣны.

Вотъ уже и та повозка; на козлахъ которой, старый Иванъ, наряженный, исключительно сегодня, во что-то въ родѣ ливреи, сорвалъ со страхомъ съ головы шляпу, съ черной кокардой величиною въ ладошу, передъ баришней, которую графъ подводилъ подъ руку. Они все еще не проговорили ни слова. Гвидо отворилъ для нея дверцу; отъ взгляда большихъ меланголическихъ глазъ, которые онъ видѣлъ направленными на себя, его взоръ опустился.

— Графъ Гвидо, произнесла она вдругъ.

— Милостивая сударыня?

— Мнѣ приходится Васъ всегда благодарить, сегодня тоже. Простите, что я только теперь нахожу для этого слова. За это время немного слишкомъ постигло меня горе; я чувствую себя разстроенной, усталой и потерявшей

голову. Я не знаю, подходяще ли мнѣ, обременить Васъ этимъ письмомъ — отвѣтъ на приглашеніе госпожи графини, посѣтить ее въ Вендельштейнъ. Скажите ей — впрочемъ тутъ находится все. И такъ прошу Васъ, передайте ей только это письмо!

Гвидо принялъ письмо, вытянутое изъ груди, и положилъ его въ боковой карманъ фрака.

— Не имѣете ли больше приказаній для меня, спросилъ онъ ее дрожащими губами.

— Нѣтъ, благодарю.

Онъ подалъ ей руку, что-бъ помочь войти; она замедляла его услугу, не выпуская его руки.

Такъ простояли они моментъ.

— Графъ Гвидо!..

— Милостивая сударыня?

— Возможно, или правдоподобно, что госпожа Графиня отвѣтить на мое письмо; быть можетъ, захочетъ даже лично передать мнѣ его. Позвольте мнѣ уже теперь увѣрить Васъ, что я буду Вамъ отъ всей души рада!

Гвидо покраснѣлъ до чела и опять вдругъ-же поблѣднѣлъ.

— О, Боже мой, шепталъ онъ; — возможно-ли это, — моя милостивая сударыня, — Melle Элеонора!...

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ, прервала она его живо; — не теперь; не тутъ; быть можетъ послѣ... въ Берлинѣ! Будте счастливы!

Она вошла въ повозку, отъ куда, съ болѣзнено дружеской улыбкой, протянула ему еще разъ руку, которую онъ съ жаромъ прижималъ къ своимъ губамъ.

Затѣмъ онъ остался одинъ на дорогѣ, глядя во слѣдъ повозкѣ, хотѣвшей почти скрыться въ приподнятой пыли.

Четверть часа спустя можна было видѣть графа Гвидо, скачущимъ на своемъ воронко по дорогѣ въ Вендельштейнъ съ быстротою, словно спѣшилъ овладѣть царствомъ.

Но онъ охотно отказался бы отъ всѣхъ государствъ земли за то одно, на что его доброе сердце, только теперь наконецъ, осмѣливалось надѣяться.

Глава одинадцатая.

Моя милая многоуважаемая,
въ особенности добрая Мамаша!

Хотя, конечно, прошло только восемь дней послѣ моей помолвки, тѣмъ не менѣе я отправила Гвидо. Повѣрьте мнѣ, pardon! я должна Васъ называть своей Мамой и Ты, — повѣрь мнѣ, любезная Мамаша, если въ Берлинѣ имѣло кое-что остаться на продажу для другихъ людей, такъ для этого, было уже давно время. За послѣдніе дни

я уклонялась отъ нашихъ прогулокъ. Было невозможнымъ проходить спокойно возлѣ магазиновъ, въ окнахъ которыхъ красовались особенно дорогое украшеніе, пышное платье, изящная туалетная вещь роскоши... повсюду онъ хотѣлъ заходить.

Случилась только неосторожность съ моей стороны, остановиться передъ любой выставкой и признать что нибудь хорошимъ или красивымъ, тогда не было уже возможности удержать его; я могла просить и возражать, какъ мнѣ было угодно, и все ничего не помогало. И къ моему большому стыду, но и къ не менѣе большей похвалѣ за его неизчерпанную доброту, я должна сознаться, что онъ, не смотря на мои стремленія къ сопротивленію, всетаки съумѣлъ нарядить меня, какъ сказочную принцессу.

Да, Гете говоритъ: „если нѣмецъ полюбитъ, такъ доритъ навѣрно.

Но, да простятся Гвидо прогрѣшенія, подобныя этому, вслѣдствіе нихъ и самая любовь! Ты, соединительница душъ и сердцъ, поймешь меня: я чувствую себя пригнетенной и смѣшанной отъ излишка; это любви въ немъ; для того кто гордъ, а я, дорогая Мама, очень, очень горда, лежитъ что-то невыразимо притягательное и высказывающее, что его нельзя представить въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ показываютъ. Съ чистою совѣстью могу сказать слѣдующее: съ

каждымъ днемъ нашего пребыванія, я находила Гвидо все болѣе достойнымъ и цѣннымъ, и — полюбила его сильнѣе. Но между этими чувствами и его обожаніемъ, которое не видитъ во мнѣ обыкновенной земной женщины, а только какое-то божество, сошедшее на землю съ небесныхъ высотъ, какая огромная, огромная пропасть, не доступная для переброски моста!... Боже сохрани! но она и теперь еще растетъ передъ моими глазами, увеличивая все болѣе серіознѣйшее намѣреніе; и вотъ передъ ней, онъ сознательно закрываетъ глаза; это и есть, что доводитъ до высшаго мое волненіе. Не замѣчай онъ ее вообще, я радовалась-бы вполнѣ его слѣпотѣ, которая была-бы для него добродѣтелемъ; предполагалъ онъ ее только, я могла-бы попытаться сбить его съ толку; но состояніе моего сердца ему извѣстно на столько точно, на сколько это позволяетъ честная, чистая откровенность. Я открылась ему во всемъ сейчасъ-же въ самомъ началѣ. Распространители исторій облегчили мнѣ значительно эту исповѣдь. Любезная Китти нашла похороны своей сестры особенно удачнымъ временемъ для передачи Гвидо въ краткихъ чертахъ того, чѣмъ были наполнены ея остренькія уши, послѣ шепота извѣстнаго господина фонъ Одебрехта, во время одного вальса на морскомъ праздникѣ. Я нахожу только въ порядкѣ вещей, что Гвидо, передъ тѣмъ, какъ онъ стремился сюда, долженъ былъ

употребить въ городѣ два дня на розыскъ упомянутаго господина, чтобъ привлечь его къ отвѣтственности. Кажется, что этотъ господинъ, для усовершенствованія своего образованія, соединилъ въ себѣ тѣсно два лисьихъ качества: жестокость и хитрость. Онъ не хотѣлъ сказать ничего порицающаго господина фонъ Р., или меня; Боже упаси!... Разъ въ Нордерней зависило отъ дѣйствительности нашего сношенія, такъ нѣтъ ничего худаго, что показывало бы безчестіе, какъ господина фонъ Р., какъ и мое. И какъ можно быть въ претензіи на него только за, то что онъ безъ задней мысли, а такъ только, между прочимъ, разговаривалъ объ этомъ фактѣ вотъ съ госпожей фонъ Р., Mᵉˡˡᵉ Китти, быть можетъ еще съ тѣмъ, съ другимъ, такъ — какъ онъ, само собой понятно, долженъ былъ предполагать что онъ говоритъ о чемъ-то всеобще-извѣстномъ! Онъ вѣдь не высказывалъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что мѣсто мое въ домѣ тещи фонъ Р. обдумано тѣмъ-же господиномъ! Если это дѣло стоитъ иначе, — ну, тогда онъ присмиряетъ себя; но принявъ, что оно обстоитъ такъ, тогда не можетъ же ему ни одинъ порядочный человѣкъ поставить этого во зло...

Гвидо говоритъ: „охотно смазнулъ бы я хлыстомъ этого человѣка!“ Я вѣрю, но я позволила ему поцѣловать мою руку, исключительно за то, что онъ этого не сдѣлалъ, а пришелъ прямо ко мнѣ передать все въ точности съ такою довѣрчивостью, какъ будто эта исторія ни ма-

лѣйшимъ не касалась насъ; тутъ дополнила я ему недостающіе факты ея; это былъ болѣзненный разговоръ какъ для меня, такъ и для него: для меня, Боже мой!... болитъ, если коснуться свѣжей раны; но для него, какъ только для самого лучшаго человѣка, такъ какъ онъ понималъ, что это было мнѣ больно!.. Онъ полонъ несправедливости, когда его слушаешь: какъ я имѣла не полюбить этого человѣка, который, какъ единственный, заслуживаетъ быть любимымъ; такъ какъ въ ней нашелъ онъ свой идеалъ, который онъ самъ любитъ горячо! Когда онъ приступилъ ко мнѣ, какъ могла я знать, что онъ женатъ, что имѣетъ дѣтей! Когда же я это узнала, по всей вѣроятности, было вѣдь уже поздно. И вообще, разсуждаетъ-ли объ этомъ любовь? Да и наконецъ разстались же мы, хотя-бы и какъ при этомъ наши сердца проливали кровь!

Можно ли требовать чего нибудь больше? Этого онъ не дѣлаетъ; у него, кромѣ только одного удивленія, нѣтъ ничего больше. На что-то подобное способны только героическія натуры его друга и вполнѣ честной дѣвушки, что онъ и любитъ во мнѣ, уважаетъ и обожаетъ.

Вотъ видишь, дорогая Мама, тутъ и наступилъ, меня такъ озадачившій, вопросъ разницы нашихъ чувствъ. Я сказала это и повторяю еще, такъ какъ я знаю, какъ это Тебя порадуетъ и успокоитъ: вопросъ этотъ, во время восьми

дней нашего общаго пребыванія, перевѣсилъ въ пользу Гвидо, если позволишь мнѣ употребить такое выраженіе. Но онъ долженъ еще дальше перевѣшивать, пока и я смогу, хотя съ нѣкоторымъ только спокойствіемъ, вкушать счастіе, которое готовится передо мной. Вотъ почему Гвидо долженъ былъ уѣхать; потому я отослала его, такъ какъ я думаю, что если онъ одно время, это время не требуетъ быть долгимъ, не будетъ видѣть меня, тогда его слѣпота, его страшная слѣпота, изчезнетъ въ этомъ тихомъ раздуміи, которое доставитъ во-первыхъ разстояніе для оцѣнки моей дѣйствительной стоимости; для констатированія нѣкоторыхъ темныхъ пятенъ въ солнцѣ, его такъ ослѣпляющемъ.

И во мнѣ, я надѣюсь, вѣрнѣе сказать, я увѣрена, — эта разлука выкажетъ противоположный результатъ. Отъ этого толчка въ комическое положеніе, въ которомъ сильно влюбленный мущина находится всегда, даже въ глазахъ самого предмета его обожанія, не останется у меня ничего; но за-то мое сердце чувствуетъ, съ раздуміемъ и удивленіемъ о его безмѣрной добротѣ, что оно, при нашей слѣдующей встрѣчѣ, застучитъ къ нему вполнѣ.

Само собой понятно, что эта наша слѣдующая встрѣча, соотвѣтственно всѣмъ нашимъ желаніямъ, состоится въ Вендельштейнъ; послѣ чего одна очень умная женщина сознастся, къ своему

удивленію, что она, не смотря на первое правило мудрости жизни: довѣряй, смотри, кому? стояла еще не прочной ногой, и принимала что-то за золото, такъ какъ это немножко блестѣло. Она убѣдится въ этомъ на мой счетъ, но я охотно хочу поплатиться и почувствую себя богато вознагражденной, если она произнесетъ съ довѣрчивымъ взглядомъ: Ты, мое дитя, конечно не сказочное диво, которымъ Тебя считаетъ Гвидо, но такъ себѣ, хорошая дѣвушка, которую можно немножко любить, не жертвуя ничѣмъ со своей стороны.

Въ заключеніе позволишь еще нѣкоторыя аллотріи.

Что Гвидо увлекъ сердца моихъ родственниковъ, подобно Цезару, которому, какъ извѣстно, достаточно было только явиться, что-бъ побѣдить, — понятно само собой. Моя добрая тетя, которая всегда славится своимъ „старомоднымъ сердцемъ,“ но притомъ полна энтузіазма, подобно шестнадцатилѣтнѣй баришнѣ, просто въ восторгѣ отъ него, за его рыцарскость, за его предупредительное обращеніе, и я не знаю за что еще. Моя кузина Оттилія vulgo Тильхенъ, безспорно сентиментальная натура, должна плакать, когда только подумаетъ про его чисто сердечную улыбку. Я могла бы ревновать, еслибъ онѣ обѣ не были столь добродушными существами, наполненными тѣмъ достойнѣйшимъ изъ вѣхъ качествъ, что добро, встрѣчающее

добраго человѣка, принимаютъ, какъ будто-бы свое.

Обѣ онѣ шлютъ, милостивой Графинѣ, свой сердечнорадостный привѣтъ, и наслаждаются мыслью воспользоваться милостивымъ приглашеніемъ въ Вендельштейнъ, коль-скоро позволитъ, теперь все еще не полное здоровье Тильхенъ. Моя любезная Мамаша, шлю тебѣ только поклонъ, пока еще какъ твоя благодарная дочь Элеонора.

Элеонора намѣревалась это письмо, которое писала медленно, взвѣшивая каждое слово, вложить въ конвертъ, когда тетя вручила ей два письма.

— Вотъ для Тебя только два письма, сказала она жалостнымъ тономъ, — вѣроятно слѣдующая почта доставитъ еще нѣкоторыя.

— Надѣюсь. Нѣтъ любезная Тетя, возразила Элеонора: — я радуюсь, что эта цѣпь поздравленій прорвется раньше, нежели проволока Твоего звонка. Вѣчное позваниваніе становится почти невозможнымъ выдержать.

— Дитя, дитя мое, не грѣши! сказала тайная совѣтница съ предостерегательно-вытянутымъ пальцемъ. — Для меня, а также и для доброй Тильхенъ позваниваніе нашего скромнаго колокольчика, во всѣ эти дни, было какъ-бы праздничный звонъ свадебныхъ колоколовъ. Кто знаетъ, не слышимъ ли мы въ этомъ позваниваніи дѣйствительнаго звона!

— Конечно, кто знаетъ! сказала Элеонора

про себя, и прибавила громко въ возможно нестѣсненномъ тонѣ:

— Но почему же нѣтъ, любезная Тетя?

Тайная совѣтница вздохнула раздумчиво и сказала:

— Видишь, милое дитя, Ты сильная духомъ дѣвушка . . .

— Я бы желала ней быть, прервала Элеонора.

— Ты такой и есть, продолжала не стѣсняясь тайная совѣтница; „it runs in the family“, какъ говорите вы въ Англіи. Твой отецъ былъ силенъ духомъ, я была тоже; но если, какъ у меня, гдѣ должно разстоваться съ квартирой, въ которой переносилось болѣе тридцати лѣтъ радость и печаль, и въ которой надѣялось заснуть вѣчнымъ сномъ, — тогда узнается, что на землѣ нѣтъ ничего прочнаго, что все колеблется; свѣжая радостная вѣра въ постоянное счастіе, да, вообще въ счастіе, — поколебалась у меня; только горячей, сокрушающей молитвой къ Тому, котораго постановленія и дороги непостижимы, можно укрѣпить ее опять.

— Навѣрно, любезная Тетя, если это успокоиваетъ Тебя, сказала улыбочно Элеонора.

— Ты доброе, милое дитя! воскликнула тайная совѣтница, цѣлуя ее въ чело. — Тебя это не будетъ смущать. У насъ еще цѣлый часъ. За то время Ты успѣешь покончить съ Твоей корреспонденціей; но кто могли бы быть эти двое поздравляющіе? . . .

— Право, не знаю, Тетенька . . .

— Да, да, это ужъ Твое дѣло. И такъ черезъ часъ. Мы зайдемъ вовремя за Тобой.

Глава двѣнадцатая.

Тайная совѣтница ушла. Элеонора задумчиво поглядѣла ей во слѣдъ; протерла рукой чело и взяла оба письма, которыя Тетя положила возлѣ ея портфеля: одно городское, почеркъ его адресса былъ тотъ-же, которымъ было написано письмо Борикина изъ Цюриха, въ день ея отъѣзда изъ Берлина. Это, должо быть, его отвѣтъ на заявленіе о ея помолкѣ; въ своемъ настроеніи она придала ему черезмѣрный юморъ и сожалѣла теперь, что извѣстила его. Было невозможымъ, что-бъ онъ принялъ это юмористически! Почему и ея настроеніе которое было уже не менѣе, какъ искуснымъ, еще болѣе ухудшилось!

Она отложила это письмо въ сторону и взяла другое.

Почеркъ, очевидно женскій и, во всякомъ случаѣ, мало выработанный, былъ для нея чужимъ; почтовая печать показывала названіе городка, расположеннаго надъ озеромъ. Элеонора задрожала: могло-ли оно быть, въ концѣ концовъ, давно ожидаемымъ, съ жатосердечной привязанностью, предвидѣннымъ письмомъ изъ Вюстеней?

Письмомъ Герты? Что оно покажетъ? то, что постановлено! Почему и нѣтъ? Они ужъ помирились. Ея заявленіе опомолвкѣ могло укрѣпить новую связь! Все равно! Горькая чаша должна быть опорожненной. Зачѣмъ принадлежится къ полу сильнаго духа?

Элеонора вѣрно предчувствовала: это письмо было отъ Герты.

Любезнѣйшая, добрѣйшая Элеонора!

Тебя вѣрно удивляло, что наше пожеланіе счастія къ Твоей помолвкѣ такъ долго, почти одну недѣлю, заставило на себя ждать; но въ этомъ виновата только Елена. Она вбила себѣ въ головку, что Ты навѣрное прибудешь; когда изъ этого ничего не вышло, она не могла успокоиться, пока не впала въ дѣйствительную горячку, причинившую намъ истинную заботу. Сегодня призналъ ее докторъ Бальтазаръ внѣ опасности, и вотъ хочу воспользоваться первымъ свободнымъ часикомъ, пока не прійдетъ что нибудь другое. Любезнѣйшая Элеонора, повѣришь ли мнѣ: когда я, послѣ похоронъ нашей бѣдной Клементины, видѣла Тебя, оставляющей кладбище подъ руку съ графомъ Гвидо и послѣ, стоящими опять рука объ руку возлѣ нашего экипажа, то у меня пробѣжала мысль: если-бъ изъ нихъ составилась парочка! Но какъ я могла и думать, что мое желаніе исполнится такъ скоро! Ульрихъ, конечно, говоритъ: онъ предви-

дѣлъ это уже давно, но мущины говорятъ всегда такъ, чтобъ импонировать намъ своимъ умомъ. Понятно, это объясняетъ мнѣ его сентиментальное настроеніе за послѣднюю недѣлю; но, Тебѣ, добрѣйшая Элеонора, могу сказать, что онъ все еще не совсѣмъ свободенъ отъ своего гнета. Онъ такъ любезенъ и добръ ко мнѣ и дѣтямъ!... этого я не могу Тебѣ описать; о, какъ добръ!... и вотъ что сдѣлало-бы меня невыразимо счастливой: еслибъ онъ хотя теперь только почувствовалъ себя также радостнымъ, также вполнѣ счастливымъ! Но не правда-ли, это настанетъ, съ каждымъ днемъ будетъ улучшаться, если онъ только увидитъ, что и ты чувствуешь себя счастливой, истинно счастливой? Это мое сердечное желаніе; день и ночь думаю объ этомъ, и было бы слишкомъ ужасно, если-бъ имѣло быть иначе, или если-бъ случилось иначе; тогда не имѣла-бы я ни одного спокойнаго часа! Ибо, любезнѣйшая, добрѣйшая Элеонора, лучше предпочла бы я умереть, нежели объ этомъ проговорить хотя одно слово; это вѣдь и не иначе: то высокодобродушное обѣщаніе, которое Ты дала, что хочешь мнѣ помогать дальше, и есть причина твоего столь поспѣшнаго обрученія. Но если-бъ оказалось, что это была поспѣшка — какія ужасныя угрызенія совѣсти должна бы я себѣ дѣлать! И мой мужъ, которому я передала нашъ послѣдній разговоръ на столько, на сколько это было возможно, всего я, конечно, не могла говорить, никогда не

простилъ бы мнѣ, что я способствовала Твоему счастію. Но почему быть Тебѣ несчастной? Гвидо очень добродушный человѣкъ и навѣрно любитъ Тебя отъ цѣлаго сердца. Графиня мать, сказалъ мнѣ его превосходительство фонъ Гроттау, который между прочемъ безконечно восхищенъ Тобою, заявила, что день, въ который ея Гвидо телеграфировалъ изъ Берлина о своей помолвкѣ съ Тобой, самый красивый въ ея жизни. Любезная Элеонора, если я и увѣрена, что матеріальныя дѣла Тебѣ совсѣмъ чужды, но статся знатнѣйшей и богатѣйшей женой въ провинціи, за то, въ концѣ концовъ, и Ты сама ничего не можешь! Я сказала Ульриху, что пишу къ Тебѣ. Онъ не поручилъ мнѣ ничего особеннаго; но какъ бы онъ могъ не желать Тебѣ счастія отъ цѣлаго сердца! — это понимается само сабой. Наша поѣздка назначена на 4. Октября, значитъ черезъ недѣлю. Я очень радуюсь этому! Мы не отправляемся на италіянскія озера; Ульрихъ сказалъ: они все припоминали-бы ему наше озеро, а къ нему онъ питаетъ отвращеніе. Онъ хочетъ въ Римъ и тамъ продолжать свое ученіе, которое такъ давно оставилъ. Докторъ Бальтазаръ говоритъ, что это подѣйствовало бы очень хороше на него; и совѣтуетъ намъ остаться тамъ цѣлую зиму. Я не имѣла бы ничего противъ этого. Дѣти должны довольствоваться попеченіемъ Melle Дидіе. Ульрихъ уѣдетъ впередъ. Мы поѣдемъ, конечно, на Берлинъ, гдѣ Ты

навѣрное, въ первое время будешь задержана приготовленіемъ приданнаго, и мы сможемъ увидѣть Тебя; на это я надѣюсь съ излишней увѣренностью совсѣмъ радостно и счастливо; для моего любимаго Ульриха это былъ бы лучшій дань въ путешествіи, и не менѣе радостный для Твоей, пламенно любящей и вѣчно благодарной, Герты.

Улыбка горькой ироніи кривила не разъ губы Элеоноры при чтеніи этой лектюры. Теперь она положила медленно это письмо на столъ и глядѣла передъ себя, ложась въ кресло. Это была женщина, къ которой она отослала его обратно! Лучшая женщина въ мірѣ! такъ говорилъ Ульрихъ къ Гвидо; Гвидо, цѣлый свѣтъ, и она сама должна была признать то, что она добрая, спокойная, честная, справедливая, готовая отдать все, не призадумываясь притомъ на счетъ своей же собственности; образецъ женщины, которую напрасно было-бы долго искать. И все таки! и все таки! бѣдный, бѣдный Ульрихъ! Почему она, могущая бы осчастливить всякаго другаго, какъ разъ Тебѣ не могла никогда осчастливить! Нѣтъ! Ты лучшая изъ женщинъ, ты не можешь достичь этого никогда: это не сбудется, не улучшится: такъ и останется, какъ было! Мой бѣдный, бѣдный, дорогой Ульрихъ! Что Ты могъ перетерпѣть въ эти дни! что Ты терпѣлъ за то время! Не смотри такъ отчаянно полнымъ упрековъ на меня! И безъ

того мое сердце довольно тяжело. Я хотѣла Тебѣ придти только въ помощь, если я и теперь сознаю... ахъ! Это сведетъ меня съ ума!

Она схватила судорожно второе письмо, и сорвала конвертъ съ адресомъ чужаго почерка. Вложенное, изъ Цюриха отправленное, письмо было, какъ она и предполагала, отъ Борикина:

Моя милостивая сударыня!

Позвольте мнѣ высказать Вамъ: я нахожу жестокимъ, что Вы прислали мнѣ заявленіе о Вашей помолвкѣ и немного наивнымъ, если Вы это сдѣлали съ увѣренностью, что я поздравлю Васъ. Жестокость подходитъ Вамъ къ лицу, но наивность совсѣмъ не украшаетъ Васъ. Люди „fin de siècle“, которые свели все къ нулю, какъ Вы, не смѣютъ позволять себѣ подобной роскоши, предполагая даже то, что и я предполагаю, что Вы принимаете это дѣло юмористически; Вамъ извѣстно, — я большей другъ юмора, но пришелъ къ тому убѣжденію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не достаточно этого. Напримѣръ въ данномъ случаѣ, гдѣ возвышенная, благородная, красивая душа, какъ Ваша, отъ бури несчастнаго легкомыслія, ищетъ спасенія на пристани любаго банальнаго брака. Вы смотрите на меня удивленно Вашими большими, красивыми глазами: отъ кого приходитъ къ Тебѣ подобная наука? Да, моя милая, и я имѣю въ моемъ твердомъ черепѣ пару зоркихъ глазъ!

Ними-то, послѣ первыхъ дней, вѣрнѣе послѣ первыхъ часовъ, я и открылъ, что Ваше сердце обливается кровью отъ тяжелой, свѣжей раны; чтобъ вылечить ее я на жизнь и смерть возлагалъ надежды на Васъ; положительныя безуспѣшность и бездѣйствіе моего средства и являются доказательствами вѣрности моего діагноза!

И такъ, моя милостивая; играется въ отчаянную игру, и хочется, не смотря на то, выиграть, нужно имѣть по крайней мѣрѣ одинъ шансъ къ этому. Въ игрѣ, которую разъигрываете, Вы не имѣете ни одного. Нѣтъ ни одной страшнѣйшей бури, на которую бы Вы, послѣ самого короткаго времени, не промѣняли съ радостью то спокойствіе пристани, кажущееся Вамъ теперь такъ достойно цѣннымъ!

Какъ могу осмѣливаться высказывать подобныя утвержденія, разъ я не знаю этого человѣка, съ которымъ Вы желаете соединиться?

Если же я его зналъ? совсѣмъ хорошо; совсѣмъ точно?...

И такъ; я знаю господина графа Гвидо Венделинъ съ зимы трехъ лѣтъ тому назадъ, во время которой онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ; тамъ встрѣчалъ я его очень часто въ домѣ одного любезнаго друга, а также и въ другихъ мѣстахъ. Тогда онъ не имѣлъ никакого понятія про истинныя убѣжденія того кружка, въ которомъ онъ вращался; и тому или другому изъ подозрительныхъ намековъ,

могущими быть пускаемыми въ его присутствіи, на счетъ другой придуманной націи, онъ поддавался всецѣло, съ перевѣсомъ на мои, къ которымъ онъ, не знаю почему, относился съ особеннымъ довѣріемъ. Такъ вотъ, я и могъ снять мѣрку съ господина графа. У него много стремленія къ добру для всѣхъ, — это похвально; но, къ сожалѣнію, безъ всякаго разбора, это понятно. Онъ скроменъ, это радостно; но безъ всякаго самолюбія, что должно быть уже устранено въ мущинѣ его возраста и положенія. Въ немъ находится мягкое добродушіе, легко объяснимо, такъ какъ жизнь никогда не коснулась его истинно; но за-то ни одной искры духа, что просто невыносимо! Онъ имѣетъ взгляды но государство и общество, могущіе бы вызывать смѣхъ, если-бъ не быть пораженнымъ отъ удивленія.

И даровитая, далеко и глубоко мыслящая Элеонора, Ей ли это, имѣющей такъ тонкое, чуткое понятіе о смѣшномъ, возможно предполагать пережить всю жизнь въ обществѣ такого человѣка? Она ошибается, жестоко ошибается!

Высказать это помолвленной прямо въ лице, — очень дерзко. Признаюсь. Но если на картѣ игры стоитъ жизнь и смерть, врачъ не смѣетъ отступить отъ уподребленія сильныхъ средствъ.

Также критически и этотъ случай, отъ котораго, что Васъ можетъ еще спасти, сейчасъ...

Чему же Вы идете на встрѣчу, это моральное и интелектюальное паденіе со ступеньки на ступеньку, пока не окончится „mondaine furieuse“, или „coquette à outrance“; и чѣмъ выше стояла эта добрая Элеонора, тѣмъ глубже, тѣмъ страшнѣе будетъ паденіе той плохой. Хотите отдать эту ужасно жестокую комедію свѣту, который Васъ умолялъ?

Но спасенія кричите Вы, спасенія этого!

Одно единственное: ускоренное, моменталь-ное бѣгство.

Не говорите: это невозможное! допустились бы Вы дѣйствительно вычеркнуть это роковое слово изъ Вашего лексикона, такъ я бъ показалъ Вамъ что, и какъ возможно!

На дняхъ прибудетъ въ Берлинъ моя сестра Вѣра. Она отправляется въ Петербургъ, конечно подъ чужимъ именемъ, по особенному дѣлу. Кромѣ своего паспорта, тоже, конечно, фальшиваго, у нея есть еще другой, поддѣланный на имя одной англичанки, и такъ удачно, что онъ, по правдѣ, могъ-бы Вамъ служить. Тогда Вы зоветесь: „Miss Grace Claribel Gordon“, вотъ и вся разница. Ваше вполнѣ хорошее знаніе англійскаго языка поможетъ въ остальномъ. Я ручаюсь за то, что Вы проѣдете спокойно границу, независимо подъ покровительствомъ моей сестры.

Но что же дальше?

Дрогоцѣннѣйшая! Этого Вы не смѣете теперь

спрашивать. Единственное, что необходимо въ данный моментъ это то что-бъ Вы возстановили, болѣе уже не побѣдимое, ограниченіе между собой и той пустой возможностью — соглашаться на бракъ „par dépit“, вслѣдствіе котораго Вы впадете въ безграничное несчастіе; иначе говоря: чтобъ Вы освободились. Какъ употребить эту свободу въ ея же пользу и въ пользу человѣчества, этого Вамъ никто не можетъ лучше объяснить, какъ моя Вѣра. Я въ восторгѣ отъ мысли: видѣть Васъ и Вѣру, сошедшимися въ убѣжденіяхъ. Были двое людей, судьбой предназначены для дружбы, такъ это Вы и Вѣра.

Вы видите я остаюсь въ сторонѣ отъ этой игры. Захотите послѣ присоединить меня къ Вашему союзу, такъ я надѣюсь навѣрно съумѣть доказать, что подъ маской съумасшедшаго Григорія, которую я думалъ Вамъ только нарочно показать, прячется благоразумный парень.

Еще одно „au cas que“: въ денежномъ отношеніи Вѣра снабжена съ излишкомъ для васъ обѣихъ.

И такъ моя божественная, достойная моленій, подруга: свобода или смерть! не та славная, которой умираетъ достойный за свободу; но та презрѣнная, которой трижды отдалъ-бы онъ свою жизнь: смерть рабства!

Можете ли теперь выбирать? — Гр. Б.

Кто-то застучалъ въ дверь. Послышался голосъ Тети:

— Готова, мой ребенокъ?

— Сію минуту! отвѣтила Элеонора.

Она вынула письмо къ графинѣ изъ незаклееннаго конверта и приписала:

„Послѣ здраваго обсужденія, мнѣ показалось, что всетаки лучше для нашего общаго дѣла если сокращу повозможности время разлуки; поэтому можете меня ожидать въ самомъ коротскомъ времени.“

Она отворила дверь Тетѣ и Тильхенъ.

— Дитя, какъ-же Ты блѣдна! воскликнула Тетя. — Получила-ли Ты какое нибудь непріятное извѣстіе?

— Сохрани Богъ! отвѣтила Элеонора; все благополучно. Я только обдумывала: не лучше ли мнѣ все оставить тутъ и отправиться въ Вендельштейнъ.

— Совсѣмъ моя идея! удивилась Тетя. Написала Ты про это госпожѣ графинѣ?

— Да! по дорогѣ хочу опустить это письмо въ ящикъ.

— Пожалуйста, позволь мнѣ! сказала Тильхенъ съ влажными глазами. — Я желала-бы тоже хоть чѣмъ нибудь учавствовать въ передачѣ извѣстій, дѣлающихъ Твоего Гвидо такъ счастливымъ.

Глава тринадцатая.

„Свобода или смерть!“

Это не оставляло Элеонору въ покоѣ; все звучало въ ушахъ; коломъ торчало въ ея головѣ; день и ночь колотилось въ сердцѣ. Свобода или смерть, та презрѣнная смерть рабства. Рабства любви и души, противъ которой она гошла-бы, если-бъ стала женой Гвидо! Поражающее слово! Онъ же цѣловалъ только ея руку! Ея губы еще не дотронуты! При будущемъ свиданіи... въ Вендельштейнѣ... на глазахъ матери... онъ почувствуетъ себя увѣреннѣе, нежели тутъ, при чужей обстановкѣ... на собственной землѣ онъ можетъ настаивать на свои права; смѣла бы она сопротивляться ему? Отказать въ прикосновеніи губъ, которыя ни одинъ мущина не цѣловалъ, кромѣ одного, любимаго? Который долженъ былъ отречься отъ своей же собственности! и для того, что-бъ она принадлежала другому? Могла ли она думать объ этомъ, и не чувствуя стыда?

Не почувствовать стыда и отъ того, что этотъ человѣкъ, котораго она, пусть бы принимала, какъ захотѣла, но котораго считала невыработаннымъ мальчикомъ, да, игрушкой, и онъ имѣетъ быть ея господиномъ? Сжиться съ его тѣсно ограниченными идеями? Что между ними на счетъ бракоразъединенія не могло-бы быть и рѣчи даже про мысль, которую называютъ

мерзѣйшей; нѣтъ! даже про мысли болѣе вѣскія: съ одной стороны души, которой жить въ святынѣ мыслей доставляетъ блаженство высшаго; съ другой же — души, которая чувствуетъ себя довольной въ сумеркахъ, и преклоняетъ свою гибкую спину передъ свѣтомъ?

И такъ: свободы! свободы! Перемѣнить рабство брака, и по ея убѣжденію безчестнаго, на другое!; Въ истинномъ мнѣніи письма Борикина она не сомнѣвалась и на секунду. Эти увѣренія дружбы, это выраженіе честнаго, безкорыстнаго, сочувствующаго человѣка — ничто иное, какъ обманъ, который, чтобъ повліять, могъ бы быть даже менѣе пошлымъ. Тигръ остается притомъ не менѣе тигромъ, такъ какъ онъ на тотъ моментъ выдвинулъ когти. Конечно она должна была отказаться отъ Гвидо, если не хотѣла быть потерянной для кого-то другаго! Для другаго, у котораго дикіе, жадные, подъ густыми бровями, сверкающіе глаза не могли безъ ужаса думать про нее, когда она въ тоже время припоминала себѣ, и она помнила это очень хороше, какое мучительное выраженіе имѣли эти глаза, и какъ бозотчетно чувствовала она себя передъ ихъ взглядомъ, подобно птичкѣ передъ взглядомъ змѣи. На этой именно сторонѣ грозила ей опасность болѣе ужасающая, нежели на той другой.

И когда она въ ужасѣ увидѣла себя и справа и слѣва безъ поддержки, ея испуганная душа

улетѣла прямо къ этому, на груди котораго, какъ его единственная, могла успокоиться; въ очаровательной близи котораго пульсы били полнѣе; возвышались мысли; все ея существо процвѣтало и нагрѣвалось, подобно цвѣтку, отъ поцѣлуя майскаго солнца. Ахъ! вернулся бы хотя одинъ изъ блаженныхъ дней Нордерней! хотя только одинъ часъ! И она могла удручать любезнѣйшаго, добрѣйшаго, горькими словами; упрекающими взорами! увеличивать тяжесть и безъ того тяжелой его доли! и онъ исполнялъ все, что она сама требовала отъ него: сжалился надъ своей разочарованной женой! матерью его же дѣтей! Это не была измѣна. То что онъ ей доставилъ: сочетаніе всѣвозможныхъ отношеніи; но то, что она хотѣла исполнить — это была измѣна! и она не должна была этого дѣлать.

— Что съ нашей Элеонорой? сказала тайная совѣтница къ Тильхенъ вечеромъ послѣ двухъ дней, когда закрылась за ними дверь ихъ общей спальни; ея видъ мнѣ не нравится: у нея выступаютъ черные кружки возлѣ глазъ; даже къ этому, что она теперь кушаетъ нужно ее уговаривать!

— Это любовь, отвѣтила Тильхенъ, опуская скомфуженно глаза и ставя свѣчу на столъ.

— Я не знаю, продолжала совѣтница, качая раздумчиво головой — пусть будетъ и старомодно, но въ мое время любовь выглядѣла иначе.

— Такъ; странная; произнесла оправдательно Тильхенъ, садясь передъ малымъ зеркаломъ, чтобъ завернуть на ночь на папильоткахъ свои бѣлокурыя волосы.

— Быть можетъ; произнесла совѣтница — эти странныя персоны въ моей семьѣ не рѣдкость; я могла бы почти сказать-правило. Твой дѣдъ вслѣдствіе своей эксцентричности былъ широко и далеко извѣстенъ. Однажды въ проповѣди онъ упомянулъ о разговорѣ Фауста и Маргариты на счетъ Бога; онъ продекламировалъ не только возвышенный религіозный стихъ, но вѣсь разговоръ съ начала до конца, да такъ, что и Экгофъ или Иффляндъ не съумѣли-бы лучше. Подобныхъ примѣровъ я могла бы Тебѣ больше передать, но я должна сказать: эти различные, въ нашемъ семействѣ выдающіеся, качества соединились, кажется, всѣ вмѣстѣ въ нашей милой Элеонорѣ. Не смотря на то, я желаю отъ цѣлаго сердца, что-бъ бракосочетаніе уже состоялось и скорѣе стала госпожей графиней.

— Я тоже думаю исключительно про это бракосочетаніе, сказала Тильхенъ, улыбаясь мило къ зеркальному отраженію, — оно кажется мнѣ нѣжной утренней зарей любви.

— Ты такъ и останешься моимъ невиннымъ, романтическимъ ребенкомъ, замѣтила совѣтница, лаская нѣжно свою любимую по блѣдной щекѣ, — или же Ты должна позволить моему старомодному сердцу стучаться немного медленнѣе.

Я остаюсь при томъ: ея видъ мнѣ не нравится. Въ воскресенiе сказала она, что на дняхъ хочетъ отправиться въ Вендельштейнъ. Я также совѣтовала! Сегодня вторникъ. Почему не уѣзжаетъ?

— Но мамочка, поворачиваясь на стулѣ сказала Тильхенъ, — Тебѣ вѣдь извѣстно: она ожидаетъ пріѣзда одной дамы, про которую извѣстило ее въ воскресенiе одно изъ этихъ двухъ писемъ. Я предполагаю, это будетъ родственница графа Гвидо, которая желаетъ познакомиться съ ней... Позволь Мама!

Тильхенъ вскочила помочь надѣть Мамашѣ ночную кофточку, какъ вдругъ раздался звонокъ.

— Телеграмма! удивилась совѣтница. Для Элеоноры! Навѣрное отъ графини. Хорошо, что Августа еще не спала!

Горничная пошла поспѣшными шагами по коридору, минуя, немножко пріотворенную, дверь спальни, возлѣ которой перешептываясь стояли мать и дочь. Къ ихъ нетерпѣнiю пришлось очень долго дожидаться, пока вернулась Августа.

— И что? спросили разомъ дожидающiяся.

— Одна дама! вполнѣ таинственно объявила Августа, — къ милостивой баришнѣ.

— Какъ будто я иначе думала! поспѣшно потвердила Тильхенъ.

— Въ одинадцать часовъ! бормотала совѣтница. — Какъ-же она вошла въ домъ?

— Швейцаръ посвѣтилъ сюда. Я могу идти

спать, сказала баришня. Онѣ проводять сами эту даму.

Совѣтница покачивала головой.

— Если Элеонора этого желаетъ! торопилась Тильхенъ, — Эта дама-молодая?

— Этого не знаю: она была закрыта густой вуалью.

— „Madame la Comtesse, peut-être!“ промолвила Тильхенъ.

— „Mais, mon enfant, vous êtes ridicule!“ послышалось въ отвѣтъ.

— Покойной ночи, сказала Августа возмущенная, что прослужилось вѣрно, уже четыре года, и все еще не питаютъ къ ней довѣрія.

Дамы вернулись въ комнату. Совѣтница объявила, что теперь она не въ духѣ.

— Я не могу найти справедливымъ, сказала она, что Элеонора передо мной, своей второй матерью, имѣетъ все еще какіе-то секреты. Она могла намъ, по крайней мѣрѣ, передать фамилію этой дамы.

Тильхенъ не отвѣчала. Она была убѣждена, что это ожидаемая графиня; и пріѣхала нарочно въ Берлинъ, что-бъ графу Гвидо не лопнуло сердце отъ большей радости.

Глава четырнадцатая.

Пассажирскій залъ той станціи желѣзной дороги, отъ которой короткая вѣтвь вела къ городку надъ озеромъ, былъ сегодня вечеромъ переполненъ. Въ сосѣднемъ городѣ, лежащемъ возлѣ главной линіи, была ярмарка; находясь на обратномъ пути, люди дожидались курьерскаго поѣзда, приходящаго съ востока. Въ немъ, по обыкновенію, ожидалось очень мало пассажировъ, случалось иногда, что не бывало ни одного. Возлѣ столовъ разсуждали объ управленіе этой дороги, которое, чтобъ выручить очень ограниченный, сверхъ того вполнѣ сомнительный доходъ съ нѣсколькихъ сотъ тихихъ людей, доставлявшихъ бы его съ году въ годъ, заставляло просиживать ихъ на счанціи иногда не одинъ только лишній часъ. И вотъ шло шумно уже на ярмаркѣ въ трактирахъ и балаганахъ, да и тутъ еще, что-бъ кое-какъ убить это время. Два керльнера съ помощникомъ находились въ лихорадочной дѣятельности; за буфетомъ, толстонузый хозяинъ при бочкѣ пива, и хозяйка съ дочкой, приготовлявшія бутерброды, почти теряли свои головы.

Черезъ синіе табочные клубы дыма, наполняющіе низенькую комнату вплоть до потолка Элеонора совсѣмъ механически присматривалась, изъ своего уголка по близости выходной двери, оживленному движенію, шумъ котораго только

какъ-бы издали доносился до ея ушей. Она не знала долго-ли уже такъ сидитъ, и сколько еще просидѣла-бы. Да ей было и все равно: прибудетъ ли она часомъ раньше, или позже въ городокъ надъ озеромъ, гдѣ она намѣревалась переночевать. Такъ она телеграфировала графинѣ изъ Берлина съ просьбой ничего не говорить объ этомъ Гвидо. Она могла надѣяться на неожиданность для сына. Прекрасная неожиданность, сознаться, что письмо, отосланное къ ней въ воскресеніе, съ начала до конца однѣ только враки; что не правду говорила, когда соглашалась быть женой Гвидо; когда просила у него; довѣрія, которое онъ къ ней питалъ; любови, которая ее прельщала; теперь приходится считать все, какъ не достойнымъ ея.

О позоръ подобнаго униженія передъ той женщиной, которую она почитала! Чаша горькаго напитка, какъ смерть!

И если эта достойная женщина увидитъ въ томъ спокойномъ сознаніи, только одни отчаянныя мученія, съ которыми она сама, находясь когда-то въ такомъ же положеніи, была принуждена бороться, что-бъ въ концѣ концовъ всетаки побѣдить, всетаки статься вѣрной женой, хорошей матерью, которая теперь, какъ старушка, съ геройской гордостью можетъ взглянуть назадъ на долгую, въ добродѣтели проведенную, благочестивую жизнь — какъ же тогда? Хватило бы у нея смѣлости сказать: тогда,

значитъ, ты имѣла иной взглядъ на святость этой любви; или же Твоя любовь осталась далеко позади моей? Но если она не находила ея, этой смѣлости? если и теперь сгибаетъ спину подъ гнетомъ судьбы, которая возложила уже на нее свои нѣжныя сильныя руки? Поддается премудрости, жавшей облегчающее средство времени, подъ которымъ находятся не зажитыя раны; позволяетъ себя ложно убѣждать той мудростью, осмѣливавшейся улыбаться благодѣтельной силѣ разстоянія, которая возрастаетъ между ней и предметомъ обожанія, пока не уничтожитъ воспоминаній, и не научитъ сердце бить новымъ біеніемъ? Что тогда?

Опять смерть, но иная, болѣе ужаснаго вида: въ душепагубномъ, сердцеразрывающемъ рабствѣ брака безъ любви!

Элеонора очнулась; ея грустныя размышленія были перваны стукомъ оконной двери, возлѣ которой она сидѣла; на дворѣ бушевала буря, сопровождающая ее во время всей дороги; сильный ливень барабанилъ и стучалъ по стекламъ. Фонари на платформѣ, находящейся передъ этой дверью, горѣли уже нѣкоторое время. Въ залѣ стали тоже зажигать газовые рожки, къ большому успокоенію нѣсколькихъ матерей, дѣти которыхъ начали-было опосаться сидѣть въ полутемнотѣ. Шумъ усиливался. Начальникъ

станціи, красная шанка котораго виднѣлась нѣсколько минутъ передъ буфетомъ, принесъ извѣстіе, что поѣздъ съ востока опоздаетъ на полъчаса; возможно что и на сорокъ минутъ. Этого еще недоставало! Къ тому такая гадкая погода! Столько удручающаго на разъ могло быть загдажено только удвоеннымъ количествомъ пива и грока!

Какой-то commis voyageur, который давно уже наблюдалъ одинокую, съ густой вуалью, даму въ углу, вооружился наконецъ смѣлостью; присѣлъ въ приличномъ отъ нея разстояніи на чернопокрытую скамейку, стоящую у стѣны и попытался заговорить: ожиданіе въ такъ переполненномъ залѣ, съ плохой вентиляціей и тусклымъ освѣщеніемъ настоящее убійство, котораго по истинѣ невозможно требовать отъ образованнаго человѣка. Между прочемъ, онъ бы поклялся, что въ такой дырѣ не существуетъ даже отдѣльнаго зала для пассажировъ втораго класса; и, быть можетъ, милостивая сударинѣ ѣдетъ первымъ классомъ? по крайней мѣрѣ во второмъ классѣ, которымъ принужденъ довольствоваться бѣдный купчишка, онъ не имѣлъ пріятности примѣтить ее. Намѣрена-ли милостивая сударинѣ задержаться долѣе въ городкѣ надъ озеромъ? Что онъ въ первый разъ прибываетъ туда. Это имѣетъ быть очень пріятное мѣстечко, въ которомъ живетъ не мало элегантныхъ людей. Далѣе,

что ему разсказывали про какой-то праздникъ, устраиваемый ежегодно въ честь озера 15. сентября, который имѣетъ быть очень пріятнымъ и элегантнымъ.

Commis voyageur, котораго односторонній разговоръ могъ въ концѣ концовъ утомить, изчезъ. На его мѣстѣ сѣла старушка, которая время отъ времени всхлипывала. Элеонора должна была нѣсколько разъ спрашивать: что съ ней, пока та разсказала, на южно-нѣмецкомъ жаргонѣ, длинную исторію, изъ которой Элеонора только и поняла, что она возвращалась съ сосѣдняго городка отъ дочери, которую посѣтила; что та за мужемъ, за чахоточнымъ столяромъ, и послѣ четвертыхъ родовъ все еще не можетъ поправиться. Дочери она должна была оставить малую сумму, вырученную тамъ на ярмаркѣ, почему она теперь и находится въ большой нуждѣ и заботахъ насчетъ платежа квартиры перваго октября, который уже такъ близко, а она все еще не знаетъ, какъ ей раздобыть нужныя деньги. Элеонора спросила: сколько это составляетъ. Старушка назвала скромную сумму. Элеонора предложила ей эти деньги. Старушка съ увѣренностью заявила, что она можетъ принять эту помощь только съ тѣмъ условіемъ, если баршиня предоставитъ ей возможность вернуть въ свое время обратно. Послѣ короткаго раздумія Элеонора назвала придуманную фамилію съ мнимымъ адресомъ. Могла-ли она поступить иначе?

На землѣ ей оставалось свести только одинъ счетъ: съ графиней и Гвидо.

Послѣ многихъ благодарностей старушка отошла; сѣла возлѣ стола, гдѣ одной изъ поджидающихъ разсказывала кажется про счастіе, которое ее встрѣтило; по крайней мѣрѣ, вытирая заплаканные глаза, показывала украткой нѣсколько разъ на то мѣсто, гдѣ сидѣла Элеонора.

Во время разсказа старушки про ея жалобы, Элеонора должна была все думать про тетю, съ которой разсталась сегодня утромъ почти въ раздорѣ, такъ какъ она не хотѣла забрать съ собой маленькаго чемоданчика, содержащаго ничего инаго, кромѣ подарковъ Гвидо, и большаго съ ея гардеробомъ, а уѣхала въ Вендельштейнъ съ однимъ только сакъ-вояжъ. У Тети тоже была больная дочь; ей тоже грозила опасность перваго октября быть выкинутой изъ квартиры, съ которой она сжилась годами; тамъ былъ тоже хроническій недостатокъ въ деньгахъ. Таже нужда, тоже горе только въ высшей сферѣ, въ тѣхъ же размѣрахъ. И увеличивается же бѣдность съ болѣе тонкимъ чувствомъ ея, рождающимся въ этой бѣдности! Что человѣкъ въ состояніи переносить, этого никто не можетъ оцѣнить, кромѣ его самого. Но не имъ, переносившимъ все съ рабской покорностью, судиться съ гордостью души, которая, какъ Вѣра, отказавшаяся отъ жизни, потеряла для себя стоимость и значеніе.

Наконецъ грохотъ поѣзда, остановившагося

передъ платформой, и выпускающаго съ шипѣніемъ паръ. Пассажиры схватили свои вещи и поспѣшили къ оконной двери, но она оказалась запертой: сперва курьерскій поѣздъ долженъ уйти пока прибудетъ пассажирскій, отправляющійся въ городокъ надъ озеромъ. Но вотъ отворилась дверь, ворвался вихорь и дождь; и въ этотъ вихорь и дождь кинулись нетерпѣливые съ ужасной давкой и толкатней на платформу къ вагонамъ, оказавшимся вскорѣ переполненными.

Также и въ первомъ классѣ, въ которомъ Элеонора надѣялась остаться одной, кондукторъ заявилъ, что вслѣдствіе наплыва ѣдущихъ и недостатка въ вагонахъ, должно быть занятымъ всякое мѣсто. Элеонора прижалась въ своемъ уголку и еще болѣе закрыла лице вуалью. Свѣжепереведенные пассажиры завели очень оживленный, шумный разговоръ, къ которому присоединился и кучикъ, кажущійся быть очень разговорчивымъ, осмѣлившійся доказать тѣмъ Элеонорѣ, что ея небрежное отношеніе къ нему нисколько не смущаетъ его. Онъ допустился даже до грубыхъ шутокъ и двусмысленностей, пока не пріостановилъ его энергически какой-то почтенный пожилой человѣкъ.

Не смотря на то, что поѣздъ, который обыкновенно никогда не торопился, долженъ былъ сегодня бороться съ постоянно усиливающимся вѣтромъ, проѣхалъ короткое разстояніе въ горо-

докъ надъ озеромъ сравнительно въ довольно скорое время.

На скромномъ вогзалѣ, въ освѣщеніи котораго виднѣлась часть озера съ пѣнившимися волнами, образовалась давка и толкотня къ четыремъ омнибусамъ гостиницъ, особенно къ одному съ надписью: „Берлинскій дворъ.“ Она часто слышала про это названіе въ Зеегаузенъ и теперь хотѣла тамъ остановиться. Пожилой человѣкъ, который вступился за нее въ вагонѣ и случаемъ сидѣлъ въ омнибусѣ возлѣ нея, предполагалъ, что это не будетъ совсѣмъ удачнымъ, если она не телеграфировала заранѣе про номеръ. Ради завтрашняго скотопригоннаго двора уже сегодня поспѣшили прибыть изъ отдаленныхъ мѣстъ помѣщики и купцы, такъ что гостиницы приготовились быть переполненными въ эти дни.

Предположеніе это оправдалось. Господинъ Мейнкъ, подошедшій лично къ омнибусу, передалъ, что онъ можетъ принять только тѣхъ господъ, которые уже раньше заказали для себя номера. Элеонора, выйдя изъ кареты, и вошедши уже въ домъ, спросила въ сѣняхъ хозяйку, представившись ей и замѣтивъ, что она останавливается только на эту одну ночь, и не можетъ-ли она ей поэтому какъ нибудь посовѣтовать? Хозяйка была безпомощной. Она видѣла однажды во время зеегаузенскихъ дней Элеонору съ генеральшей и теперь ее сейчасъ же узнала; понятно, что въ тамошнемъ свѣтѣ, ея помолвка

съ графомъ Венделинъ, произвела большое оживленіе сезона. И ее отправить! Но не было дѣйствительно ни малѣйшаго свободнаго мѣстечка въ цѣломъ домѣ! залъ, спальня, дѣтская все отдано! Она бы могла себѣ вырвать волосы, если-бы, милостивая сударыня, произнесла еще хотя одно слово!

Господинъ Мейнкъ, подошедшій къ нимъ, былъ не менѣе озадаченъ; но все-таки нашелъ идею, которую онъ самъ считалъ счастливой. Вотъ только что проѣхалъ передъ домомъ экипажъ изъ гостиницы „Три щуки“ надъ озеромъ, про которую милостивой сударинѣ вѣрно извѣстно съ морскаго праздника; закрытый экипажъ, который привезъ доктора Бальтазаръ, призываемаго къ больному ребенку госпожи Бландовъ, его кузинѣ, теперь онъ уѣзжаетъ пустымъ обратно. Кучеръ отправился еще на рюмочку, которая понятно, при такой отвратительной погодѣ, бываетъ ему очень желанной. Если, милостивая сударыня не опасается погоды, къ чему вообще нѣтъ никакой причины, и согласна проѣхать часикъ времени...

Элеонора не позволила окончить господину Мейнкъ: она попросила его во что-бы-то ни стало употребить все нужное... Господинъ Мейнкъ поторопился къ кучеру; госпожа Мейнкъ пригласила Элеонору въ спальню и предложила выкушать чашку горячаго чаю; къ тому времени вернулся мужъ и заявилъ, что для милостивой сударини все уже готово; кучеръ

это старый Христіанъ; онъ предполагаетъ, что въ ночь морскаго праздника перевозилъ милостивую судариню черезъ озеро, и онъ гордится счастіемъ прислужиться опять. Прошу, милостивую судариню, не забыть напомнить въ гостиницѣ надъ озеромъ, что-бъ наблюдали за экипажемъ госпожи графини, иначе онъ проѣдетъ и прибудетъ напрасно въ городокъ. Прошу передать наше нижайшѣе почтеніе господину графу-жениху, сказала госпожа Мейнкъ. Тоже самое и многоуважаемой госпожѣ графинѣ-матери, которая къ сожалѣнію уже нѣсколько лѣтъ не осчастливила насъ своимъ посѣщеніемъ, добавилъ къ этому господинъ Мейнкъ, провожая Элеонру подъ зонтикомъ къ экипажу, дверцу котораго, отворилъ Христіанъ и заперъ, что-бъ взобраться на козлы и покатить по мостовой рынка и улицъ этого городка.

Туда въ ночь, которая тьмой покрыла всю страну. Свѣтъ фонарей, даже поблизости, никакъ не могъ и на моментъ освѣтить черныхъ очертаній предметовъ. Притомъ буря, которая при отъѣздѣ немножко притихла, такъ что господинъ Мейнкъ принялъ ее за проходящую, опять поднялась съ новой силой. Обѣ крѣпкія лошади напрягали всякій мускулъ; катиться ли экипажу, или стоять, но никакъ не быть перевернутымъ и Христіянъ бормоталъ тихо подъ носомъ: „дай Богъ благополучія!“

Между тѣмъ, достигши лѣса, оказалось лучше,

нежели ожидалъ старый кучеръ. Вверху могла буря бушевать, внизу было соотвѣтственно тихо. Темнота, понятно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могла усиливаться, но Христіанъ зналъ хорошо каждую дорожку и фонари, къ счастію, не потухали.

Элеонора считала спасеніемъ, быть наконецъ опять одной. Она почувствовала себя утомленной отъ мыслей на счетъ будущаго, и духъ ея перенесся въ прошлое, въ воспоминанія о нѣсколькихъ недѣляхъ Нордерней. Быть можетъ ужасъ бури, шумящей между вершинами деревьевъ, вызвалъ въ ней воспоминаніе объ ужасѣ бури ея чувствъ; объ ужасѣ пожара въ тотъ вечеръ, когда онъ вступилъ въ ея жизнь, ради котораго она хотѣла разстаться съ жизнью. Вѣдь такъ, или иначе, а такой конецъ неизбѣженъ. Бѣдное, измученное сердце навѣрно помирилось бы тогда и быть можетъ нашло бы даже свое спокойствіе. Для мущины любовь не составляетъ всего, и не будетъ тѣмъ; она только прекрасный сонъ, надъ которымъ онъ послѣ смѣется, что могъ его принимать серіозно и почитать за самую дѣйствительность, что за него готовъ былъ жертвовать собственной жизнью, наслаждаться нимъ съ его тысячами приманокъ! И въ крайнемъ случаѣ, если онъ не хочетъ покончить съ вліяніемъ этого сна, тогда является это для него трудомъ, который дѣйствуетъ подобно морфію: унимаетъ боль, тоску, лишаетъ самочувст-

вія, самосознанія. У меня нѣтъ такого труда; хранить дѣтей, играть роль компаніонки — меня не удовлетворяетъ. Будь я поэтомъ, или артисткой! Мое искуство и поэзія — любовь; но выпалъ иней въ весеннюю ночь, все погибло-померло! Будь, что будетъ, лишь-бы только его спасти!

Христіанъ вздохнулъ легче, когда экипажъ завернулъ изъ лѣсу на освѣщенную дорогу, и завидѣлъ оба фонаря подъѣзда и мерцающій свѣтъ въ окнахъ дома. Вихрь, шедшій съ озера, охватилъ ихъ теперь опять, но только на нѣсколько минутъ; затѣмъ экипажъ остановился передъ домомъ. Господинъ Бландовъ, вошедшій въ дверь, и увѣдомленный Христіаномъ касательно гостя, помогъ Элеонорѣ выйти изъ экипажа. За часъ до того онъ разговаривалъ съ верховымъ изъ Вендельштейнъ, который поскакалъ въ городъ заявить, что завтра утромъ, ровно въ девять часовъ, остановится экипажъ госпожи графини передъ гостиницей „Берлинскій дворъ“ для милостивой судорини. Христіанъ заявилъ, что онъ встрѣтилъ кого-то верхомъ между лѣсомъ и городкомъ. Госпожа Бландовъ, которая подошла къ нимъ, была полна радости и тронутой, что опять видитъ такъ скоро Элеонору, и даже раньше, нежели это случилось госпожѣ графинѣ. Кто могъ это предвидѣть въ ночь праздника, когда она прислужилась милостивой сударинѣ платкомъ для переправки черезъ озеро! Также и то, что бѣдная Melle Клементина должна была

такъ рано умереть! Какъ радовало бы ее, если-бъ могла поздравить, какъ госпожу графиню! Но, за-то, конечно, она радуется тому въ небѣ! Да, жаль, все-таки жаль ея!

Такъ разсуждала добродушная хозяйка, провожая Элеонору на верхній этажъ по лѣстницѣ, сеудущей къ одной изъ нѣсколькихъ комнатъ, дегодня еще не занятыхъ. Въ общемъ весь вомъ полонъ людей, которые намѣревались въ городокъ на завтрашній скотопригонный дворъ и предпочли лучшимъ переночевать тутъ, нежели ѣхать лѣсомъ въ такую непогоду. Комнатка конечно послѣдняя въ корадорѣ, но за-то совсѣмъ тихая, къ тому сосѣдняя сегодня навѣрно не будетъ занятой. Вѣтеръ съ озера будетъ немножко хлопать ставнями, но за-то, милостивая сударинь, имѣетъ завтра прекраснѣйшій видъ. Что прикажетъ милостивая сударинь къ ужину?

Элеонора попросила кое-что и пожелала, чтобъ ей прислали въ номеръ. Госпожа Бландовъ и знать про это не хотѣла. Хочетъ ли милостивая сударинь найти смерть въ этой холодной комнатѣ, или, покрайней мѣрѣ, сильно простудиться и больной продолжать завтра утромъ дорогу въ Вендельштейнъ? Во-первыхъ тутъ должно быть натоплено; милостивая сударинь-же хороше поужинаетъ, сидя въ уютномъ угалку столоваго зала, гдѣ никто не посмѣетъ Васъ побезпокоить. Одной любовью не можетъ человѣкъ жить по-всюду. Столько же и ей из-

вѣстно, если она, теперь конечно, и думаетъ про что нибудь другое. Куріозъ, что Линхенъ, которая опять чувствуетъ себя вполнѣ здоровой, какъ разъ сегодня должна была заболѣть! Она была такъ недовольна, и это больное дитя доставило ей такъ любезнаго гостя! И такъ беру милостивую сударинню сейчасъ-же съ собой внизъ. На кухнѣ сегодня вечеромъ все приготовлено.

Въ то время, когда Элеонора и госпожа Бландовъ разговаривали въ номерѣ, передъ воротами соскочилъ съ лошади какой-то всадникъ, въ длинномъ дождевомъ пальто; передалъ лошадь слугѣ съ приказаніемъ хорошенько очистить ее, и вошелъ въ домъ, въ сѣняхъ котораго остановился, когда господинъ Бландовъ торопился изъ столоваго зала навстрѣчу прибывшему.

— Боже мой, господинъ баронъ! Откуда Вы въ такъ поздній часъ?

— По дѣламъ, отвѣтилъ Ульрихъ стряхивая отъ дождя шапку и скидывая, при помощи господина Бландовъ, свое дождевое пальто. — Управляющій на маневрахъ, такъ нужно самому присмотрѣть за всѣмъ. Хотѣлъ сегодняже вечеромъ еще въ городъ, гдѣ у меня работа. Погода ужъ слишкомъ противна.

— Это и я думаю, сказалъ господинъ Бландовъ; — настоящій ураганъ. Надѣюсь, господинъ баронъ, конечно, осчастливятъ меня въ сегоднишнюю ночь.

— Если мѣсто найдется. Мнѣ кажется, у Васъ полно вилоть до крыши.

— Для господина барона всегда найдется мѣсто. А вотъ и Гансъ несетъ уже Вашу малую сумку. Видно всегда, что господинъ баронъ были когда-то солдатомъ; я прикажу, если господину барону угодно, отнести ее въ Вашу комнату; господинъ баронъ потрудятся съ столовый залъ, пока не вытопятъ порядочно Вашей комнаты.

— На столько я сухъ; если Вамъ моимъ платьемъ не доставлю стыда передъ Вашими гостями...

— Господинъ баронъ всегда кавалеромъ, проговорилъ господинъ Бландовъ, отворяя передъ Ульрихомъ съ поклономъ стеклянную дверь столоваго зала.

Ульрихъ посторонился, чтобъ дать проходъ дамѣ, которая съ госпожей Бландовъ, сойдя по лѣстницѣ, направлялась по корридору.

Дама собиралась пройти возлѣ него съ легкимъ поклономъ, какъ вдругъ она тихо вскрикнула и остановилась.

— Ахъ! Это Вы, моя милостивая сударинь! сказалъ Ульрихъ, не смотря на свой сильный испугъ. — Это признаю я дѣйствительно счастливымъ случаемъ. Угодно ли Вамъ оказать милость?

Элеонора молча приняла его руку. Такъ они вошли въ столовый залъ.

Глава пятнадцатая.

Рука Элеоноры дрожала на трепещущей Ульриха, когда онъ велъ ее черезъ залъ, слѣдуя за госпожей Бландовъ, которая провожала ихъ къ малому столику отдаленнаго уголка обширной столовой.

— Сейчасъ будетъ второй приборъ, заявила госпожа Бландовъ.

— Предворительно, если милостивая сударыня согласится, сказалъ Ульрихъ поворачиваясь къ госпожѣ Бландовъ.

— Ахъ! милостивая сударыня не дастъ отказа хорошему другу ея господина жениха; произнесла веселая хозяйка.

— Смѣю попросить, пробормотала Элеонора.

Они сѣли другъ противъ друга и разговаривали; кельнеръ пока готовилъ къ ужину; Ульрихъ разсказывалъ про свою верховую ѣзду, которая, вмѣсто въ городѣ, прекратилась уже тутъ, вслѣдствіе дурной погоды; Элеонора-про приключенія въ дорогѣ, упомянула о непріятномъ поджиданіи въ переполненномъ пассажирскомъ залѣ, о негостепріимствѣ гостиницы: „Берлинскій дворъ.“ Келнеръ, даже если-бы и былъ болѣе проницательнымъ, никакъ не открылъ-бы, что могло твориться у этихъ двухъ людей на душѣ.

Келнеръ ушелъ за другимъ приборомъ. Въ этотъ моментъ они подняли свои глаза — теперь только въ первый разъ — и смотрѣли на

себя взаимно долгимъ безмолвнымъ взглядомъ — взглядомъ все обнимающимъ, все содержащимъ въ себѣ: исторію страданій, которую протерпѣвають они обои изъ за одной и тойже любви; выраженіе высшаго блаженства; что могутъ опять смотрѣть себѣ такъ глаза въ глаза, и то, что уже случилось или случится, что они не могутъ никогда, никогда покинуть другъ друга.

И вотъ они улыбнулись въ новопріобрѣтенной, блаженной увѣренности своей любви, и у него вырвалось тихо: Элеонора! и, словно въ ея дыханіи, послышалось: Ульрихъ!

Затѣмъ явился кельнеръ; подходили хозяинъ и хозяйка къ нимъ на минуту посмотрѣть не достаетъ ли чего нибудь. Какъ кельнеръ, прислуживающій Ульриху часто, такъ и господинъ и госпожа Бландовы не видѣли никогда такъ сіяющихъ глазъ у господина барона. Отъ вліянія напитка это не могло быть, такъ какъ господинъ баронъ почти и не прикосался къ рюмкѣ вина, между тѣмъ какъ сударина опоражнивала опять съ жаждою второй стаканъ.

Подали десертъ; теперь они остались одни; могли предаться увѣреніямъ въ своей любви; воспоминаніямъ о блаженныхъ дняхъ проведенныхъ въ Нордерней; въ нихъ все появлялись новыя, чудныя воспоминанія, какъ новыя звѣзды, замѣчающіяся на ночномъ небосводѣ, если дольше смотрить на него; чувство неизмѣримости ихъ любви наполняло ихъ души блаженнымъ страхомъ.

Но о томъ какъ быть имѣетъ, что сбудется, они не говорили ничего; всякъ сознавалъ по своему, что они находятся на какомъ-то теченіи, противъ силы котораго, не было для нихъ никакаго спасенія. Ты моя, говорилъ его взглядъ, да, я твоя, отвѣчалъ ея взоръ. Зачѣмъ объяснять ему еще, что ея помолвка съ Гвидо была ничто иное, какъ безпомощная борьба противъ быстраго теченія, что-бъ спастись на берегу? Зачѣмъ говорить ей, что его попытка, возстановить узы брака, которые онъ уничтожилъ первымъ взглядомъ въ ея глаза, должна была повліять жалостно передъ одной любовью, которая можетъ прекратиться только съ его смертью?

— Почему улыбаешься мой возлюбленный?

— Моими душевными глазами вижу синее море, волны котораго плещутъ подъ нашими ногами. И какъ будто намъ, въ пальмахъ, отѣняющихъ нашу хижину, распѣваютъ птички.

— Да, возлюбленный, я слышу ихъ, чудно поютъ онѣ. Но между ними находится „mocking-bird“. Мнѣ знакомо пѣніе птицъ, и я понимаю его ироническую пѣсню: „счастіе, какъ стекло; также хрупко и оно!“

— Все равно, лишь-бы только счастіе было! не вѣришь въ наше счастіе?

— О, да, я вѣрю въ нашу любовь!

— Не знаю другой, не зналъ и знать не буду. А, Ты? сердце моего сердца, Любишь ли ты меня?

— Сверхъ жизни.

Ихъ наслаждающіеся взоры плавали одинъ въ другомъ, души ихъ цѣловались, между тѣмъ какъ мысли блуждали далеко одна отъ другой. Ея послѣднія слова были для него только большимъ, блаженнымъ увѣреніемъ въ любви — для нея — они имѣли ужасное значеніе.

Ужасное ихъ значеніе, которое тѣмъ не менѣе не устрашило ее, вызвало въ ней только усиленіе блеска глазъ, и въ ея губахъ ворожительную улыбку смертельной красоты, какъ у медузы.

Госпожа Бландовъ подошла къ столу съ большой связкой ключей въ рукѣ.

— Извините! я хочу только пожелать спокойной ночи. У меня былъ сегодня очень тяжелый день. Если пожелаете пойти наверхъ — комнаты теперь уже пріятно теплы. Номеръ господина барона предпослѣдній справа корридора, возлѣ него комната милостивой сударини. Это наши послѣднія свободныя комнаты.

— Если я хороше помню, такъ Вы спите наверху, M^de^ Бландовъ? спросила Элеонора.

Ея голосъ зазвучалъ вдругъ болѣе таинственно.

— Конечно, отвѣтила госпожа Бландовъ; — на другомъ концѣ корридора.

— Такъ я иду сейчасъ-же съ Вами, прошу Васъ не стѣсняться, господинъ баронъ!

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, провожать Васъ до дверей.

Возлѣ дверей они разстались, пожелавъ взаимно

покойной ночи. Ульрихъ вернулся къ столику и сѣлъ, облокотя на обѣ руки голову съ закрытыми глазами, удерживая въ нихъ, въ своемъ сладкомъ очарованіи, видъ своей возлюбленной, а въ ушахъ эхо ея мелодичнаго голоса. Въ визгахъ его стучало. Сердце билось въ груди, какъ-бы хотѣло вырваться изъ клещей. Время отъ времени оправлялся онъ тихо вздыхая, выпивалъ стаканъ вина и жалъ опять обѣими руками пылающее чело. Невозможно было кое-что придумать! это было, что-бъ намѣстѣ-же сойти съ ума! Но невыразимое счастіе не должно было найти его малодушнымъ. На тотъ разъ онъ хотѣлъ его ухватиться за прельщающіе локоны; ухватиться и держать-держать!

Глава шестнадцатая.

Только при слабомъ освѣщеніи утра различались предметы въ его комнатѣ. Часы остановились и показывали пять. Могло быть шесть, даже и позже. Бѣлый туманъ, подымающійся съ озера и тянувшійся гостой средою возлѣ оконъ, съ неспущенными сторами, уменьшалъ ясность утра. Онъ не хотѣлъ дольше спать, но все таки вздремнулъ. Это не могло долго продолжиться. Въ ея комнатѣ было все спокойно. Слава Богу! она спитъ!

Какъ будто во снѣ послышалось ему что-то. Какъ могъ онъ спать, когда мысли, какъ лютой звѣрь, нападали на него? И онъ долженъ былъ укротить этого звѣря раньше, нежели она проснется. Она могла ожидать, что онъ согласенъ на все, что имѣетъ случиться. Что имѣетъ случиться? Да, что-же? что? Вопервыхъ ее не могутъ тутъ найти, когда сегодня утромъ прибудетъ экипажъ графини, который имѣетъ привести ее изъ города. Быть можетъ она написала-бы прощальное слово къ графинѣ, которое бы возвращающійся локей могъ забрать съ собой; она согласилась-бы. Что онъ отправляется въ городокъ, это онъ вчера вечеромъ почти заявилъ; подъ какимъ нибудь предлогомъ и Элеонора должна тудаже уѣхать. Правда, съ города только около полудня отправляется поѣздъ, имѣющій соединеніе съ большими поѣздами главной линіи. Это чертовски долгая задержка; но никакъ нельзя было перемѣнить. За то время онъ долженъ былъ успѣть также раздобыть деньги. Сумма, за которую могъ ручаться, — была не великой; на первый моментъ могла бы еще хватить, что-бъ припрятать Элеонору въ безопасности. А затѣмъ? Что затѣмъ? Объясненіе съ Гвидо, — конечно! оно, во всякомъ случаѣ, должно быть личнымъ и, не смотря на горячую дружбу Гвидо, очень серіознымъ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ не помогаетъ и горячая дружба. Это ужъ сойдетъ. Сошло бы только все.

Но одного нѣтъ!

Его сердце сжалось. Это ужасное, передъ чѣмъ онъ всякій разъ трусилъ, когда ему приходило въ голову — теперь преслѣдовало его. И въ тотъ моментъ, когда бѣднѣйшая предполагала, что все опять хороше и лучше, нежели было! Теперь приходилось ей сказать: съ этого часа Ты должна перестать быть моей женой. Боже мой! Боже мой! это въ тысячу разъ хуже, нежели смерть! Для этого не было у него совѣта. Онъ долженъ же жить ради нея, которой присягалъ, что она для него все; и которая отдала ему все; ничего не утаила, и на этомъ бѣломъ свѣтѣ не имѣла ничего, ничего кромѣ него! Терзаясь такъ ужасными мыслями въ душѣ и расхаживая тихими неровными шагами по комнатѣ, замѣтилъ вдругъ на серединѣ круглаго стола какой-то листочекъ, котораго не примѣтилъ вчера вечеромъ, и который со вчерашняго вечера былъ тяжело прижатъ — листочекъ, съ одной стороны котораго не ровное ребро, какъ бы вырванный изъ книжечки...

На томъ листочкѣ, на сколько онъ могъ узнать, что то написано карандашемъ...

Его сердце забилось сильно. Если это отъ нея; что же можетъ быть другаго, какъ не порученіе, которое онъ долженъ исполнить, пока она встанетъ; быть можетъ только шутка...

Но во время старательнаго разбора блѣдныхъ

буквъ, въ полумракѣ возлѣ окна, у него вставали волосы дыбомъ.

„Счастіе, какъ стекло . . . mocking bird правъ: наше, безъ названія, счастіе-теперь разбито.

Мое право любить Тебя, я могла откупить только одна виной, которой и согрѣшила передъ Твоей женой, передъ Твоими дѣтьми.

Я не въ состояніи преодолѣть борьбы между правомъ и виной. Знаю одно, что въ ней жить не могу.

Передъ тѣмъ какъ ушла, я поцѣловала еще разъ Твои дорогія губы. Попробуй жить! Я люблю Тебя до смерти.“

Листокъ выпалъ изъ его дрожащихъ рукъ. Въ этотъ-же моментъ онъ порѣшилъ, что этого никто, кромѣ него не будетъ читать. Онъ поднялъ листочекъ, спряталъ къ себѣ, и бросился къ дверямъ, соединяющимъ обѣ комнаты. Ея комната пуста; кровать тщательно прибрана; на столѣ ея сакъ-вояжъ, запертъ; нѣтъ больше предмета, который бы напоминалъ ее...

До смерти! — Она должна была уйти нѣсколько минутъ тому назадъ: листъ еще влаженъ отъ слезъ, которыя она проливала.

Куда направиться?

Его безсовѣтный взоръ упалъ на окно, мимо котораго туманъ съ озера тянулся, какъ бы призрачныя тѣни. Онъ побѣжалъ изъ комнаты черезъ корридоръ, по лѣстницѣ, черезъ садъ къ береговому мостику, къ которому были прикрѣ-

плены лодки. Тутъ стоитъ старый Христіанъ и почесывать затылокъ. Странно! Пять минутъ тому баришня вышла изъ дому, торопясь прошла черезъ садъ... сюда, къ лодкамъ; и вотъ недостаетъ маленькой лодки. Онѣ захотѣли навѣрно переѣхать въ Зеегаузенъ. Но при такомъ туманѣ, это трудная вещица. Если-бъ къ тому и озеро успокоилось такъ, что-бъ нечего было опосаться переѣхать на другую сторону.

Послѣднія слова произнесъ старикъ почти уже въ большой лодкѣ, въ которую онъ вскочилъ съ Ульрихомъ. Они гребутъ изо-всѣхъ силъ по направленію, которое даетъ старикъ. Какъ бы на зло туманъ такъ густъ. Ульрихъ кричитъ: Элеонора! Элеонора! — отвѣта нѣтъ.

Вдугъ вѣтеръ прорѣзалъ туманъ; въ щели этой Христіанъ, смотря въ нее случайнымъ образомъ, примѣтилъ лодку — моментъ, и щель изчезла.

— Какъ далеко?

— И ста шаговъ нѣтъ, сударь!

— Туда!

— Да, сударь!

Христіанъ совралъ: лодка была пустой.

Онъ не посмѣлъ сказать того господину барону. Зато гребетъ онъ, какъ бы шло про его собственную жизнь. Онъ и кричитъ со всей силы: халле! халле! Чтобъ убѣдиться, что онъ ошибся.

Вотъ натолкнулись на лодку, которую искали. Чуть не проѣхали ее мимо. Качается пустой на волнахъ. Христіанъ всплеснулъ веслами и

кинулъ взоръ ужаса на господина барона. Тотъ не проговорилъ ни слова; всталъ; кинулъ шляпу въ лодку; сорвалъ сюртукъ, и въ слѣдующій же моментъ, въ который Христіанъ и не успѣлъ поднять рукъ, бросился головой въ воду. Христіанъ сначала подумалъ, что онъ завидѣлъ въ водѣ тѣло милостивой барышни. Но это не могло быть: ночная буря взмутила воду, выгляд-дѣвшую теперь, какъ растаянный снѣгъ; и на полъ фута не замѣтишь ничего, а въ этомъ мѣстѣ шестьдесятъ глубины. И такъ, господинъ баронъ попробовалъ счастія. Лучше сказалъ бы онъ сейчасъ, что лодка пуста!

Слава Богу! вотъ, въ десяти шагахъ отъ лодки — онъ опять вынырнулъ! Мигомъ взгребъ Христіанъ веслами и закричалъ: „Держитесь, сударь, сейчасъ!“ Но тотъ покачалъ головой и когда Христіанъ прибылъ на то мѣсто, онъ былъ уже подъ водой.

— Это значитъ Бога искушать! пробормоталъ старикъ.

Сильно держалъ онъ весла на готовѣ и глядѣлъ во всѣ стороны глазами, которые, казалось, вырывались изъ ада. Онъ знаетъ какъ долго можно нырять, если онъ уже былъ почти минуту подъ водой, а для втораго раза даже и духу перенять не могъ, значитъ выплынетъ навѣрно трупомъ.

По меньшей мѣрѣ прошли три минутъ, а онъ все не выплываетъ.

Быть можетъ черезъ четыре, пять дней, возможно, что и никогда, — также, какъ и баришня.

Десять лѣтъ тому назадъ Класъ Венгакъ изъ Пустовъ выпалъ при рыболовлѣ за бортъ на томъ же мѣстѣ и не показался больше.

Вѣтеръ раздувалъ туманъ, который превращался въ столбы. Теперь могъ Христіанъ разсмотрѣть часть озера, увеличивающуюся съ каждой минутой. Онъ гребъ еще часъ взадъ и впередъ, зорко оглядываясь во всѣ стороны, и держась того же мѣста. Онъ понималъ хорошо, что это напрасно; но не могъ уйти съ того мѣста.

Наконецъ рѣшившись сказалъ себѣ: „Ну, тутъ ничего не подѣлаешь“ и повернулъ носъ лодки къ гостиницѣ, которая освѣтилась теперь восходящимъ солнецъ и выростала въ туманѣ. Тутъ онъ повернулъ: забылъ про малую лодку, которая за то время качалась на свободѣ. Есть-ли еще весла при ней? подумалъ старикъ. Весла еще при ней, и лежатъ, какъ изъ рукъ понимающаго грести. Христіанъ прикрѣпилъ ее къ большой и погребъ къ берегу. Весла, которые такъ по правилу лежали на малой лодкѣ, не выходили у него съ головы. А этотъ ужасный испугъ господина барона! Этого онъ во всю жизнь не забудетъ.

Жалость охватила душу старика. Ему собиралось на слезы, но онъ не понималъ этого чувства: съ ребяческаго времени онъ еще не плакалъ, а лѣтъ прошло уже шестьдесятъ.

Разсуждая это, онъ кинулъ весла, прижалъ глаза руками и заплакалъ, какъ дитя.

Глава семнадцатая.

Изъ мемуаровъ графини Венделинъ.

30. Сентября 187* г.

Сегодня два года тому назадъ! Экипажъ вернулся безъ нея; слуга заикаясь доложилъ свое роковое извѣстіе. Гвидо лежалъ въ моемъ салонѣ на диванѣ, рвалъ себѣ волосы, рыдалъ, угрожалъ: онъ долженъ покончить съ жизнью! Онъ не можетъ жить безъ нея! — Я стояла передъ нимъ и говорила: Гвидо, если ты теперь не лишишь себя жизни, и этого Ты не сдѣлаешь, для этого Ты слишкомъ любишь Твою мать-старушку, такъ увѣряю Тебя: черезъ два года Ты подумаешь про это все, какъ бы не Тебѣ, но лучшему другу, случилось несчастіе, который случаемъ разсказалъ Тебѣ свою пѣсню...

Я не хвалюсь моей, предвидывающей впередъ, холодной мудростью: не особенная слава быть ученымъ, коли состарился. Но, конечно, я была права: эти два года прошли, и — осенній вечеръ теперь и въ Англіи не менѣе красивъ, чѣмъ тутъ, у насъ. Въ этотъ моментъ Гвидо скачетъ верхомъ, возлѣ своей молодой невѣсты, по степямъ „Glenmore“; и если они не

ликуютъ, подобно жаворонкамъ надъ ними, такъ это потому, что природа и воспитаніе позаботились сохранить ихъ въ чистотѣ отъ такого вздора.

Старое сердце! Ты хочешь опять трунить надъ нѣжными людьми; Ты, которое само съумѣло такъ сильно нѣжиться!

Гвидо пишетъ, онъ любитъ Георгину съ каждымъ днемъ все больше. Вспоминаетъ ли онъ, что меня въ томъ же самомъ, тѣми же словами тысячу разъ увѣрялъ, когда любилъ ту другую? Ну, я вѣрю этому. Разъ онъ могъ разговаривать съ Георгиной на счетъ этой другой, когда перевозилъ черезъ каналъ свою первую, свѣжую боль; разъ она помнила хороше свою „beloved governess“ свою „dearest Eleonore“, такъ и понялъ онъ, что раньше былъ только прельщенъ ея очарованіемъ. Теперь открылъ другую, въ которой я не сомнѣваюсь. Напротивъ! всякое ея письмо усиливаетъ мою любовь къ ней; изъ нихъ я вижу, что это ясно-понимающая, славная, умная, здоровая душа; совсѣмъ такая, которая только и можетъ осчастливить моего сына. Притомъ является ручательствомъ ихъ взаимнаго счастія и то, что, не смотря на наслѣдство „Glenmore-Castle“, но какъ наслѣдница ея тети Jane, она будетъ богатой, почти какъ онъ. Когда его отецъ женился на мнѣ-я была очень бѣдной, онъ никогда не допустилъ меня почувствовать это, но я чувствовала.

Я знала одну, которая еще болѣе болѣзненно почувствовала-бы, такъ какъ она не происходила, подобно мнѣ, изъ королевской семьи, но всетаки имѣла въ себѣ королевскую гордость доброты; также еще и другія качества, которыя разрушили-бы счастіе Гвидо, женись онъ на ней. Тогда я не могла знать этого; я находилась подъ вліяніемъ ея чародѣйской силы, ослѣпленная материнскимъ желаніемъ: доставить сыну ту женщину, которую онъ любитъ. Теперь я знаю и цѣню этотъ случай, что не дошло до того.

Для него было бы это великимъ счастіемъ, которое постигло-бы его независимо на счетъ несчастія другого; для нея мысль: осчастливить другого, съ трудомъ уменьшала несчастіе. И не люби она Ульриха уже раньше, или будь ей возможно вырвать эту любовь изъ своего сердца — въ супружество она ввела-бы съ собой разлуку; самое худшее: несогласіе мыслей. Въ своей одинокой жизни она летала въ области мыслей и чувствъ, что для Гвидо разъ на всегда было недоступнымъ. Это не упрекъ Тебѣ мой милый, хорошій! Мы люди разно предназначены къ нашему счастію. Иначе жизнь, которая теперь представляется намъ пестрымъ садомъ, стала бы степью, даже хотя и нашимъ померанскимъ полемъ, отъ монотонности котораго можно-бы сойти съ ума. Не смотря на то, что она говорила такъ прекрасно,

какъ я и не слыхивала ни отъ кого, она была „Безмолвіемъ неба“, по выраженію Jean Paul, одна изъ тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ небесное благосвеніе поэзіи, а ея душа была полна нею, предназначалось для проклятія и поруганія; такъ какъ имъ не дана была возможность выразить въ искуствѣ ихъ внутренній міръ и избавиться отъ мученій вѣчной грубости того міра, который и останется необработаннымъ.

И такъ, отъ поэзіи, перетерпѣвъ только горькую жалость, и не испытавъ никогда сладкихъ прелестей, они ухватываются за любовь, кидаются въ нее, отъ которой надѣятся спасенія, да, но которая показывается имъ чѣмъ-то болѣе высшимъ, нежели сама поэзія, такъ какъ они объясняютъ жизнь поэтически, и кажется принимаютъ поэзію за дѣйствительность. Только потому, что это, къ сожалѣнію, одно только кажущееся; что жизнь можетъ единственно удержаться, если она компромизомъ помогаетъ себѣ на всякомъ шагу и во всякомъ дѣлѣ; могутъ поэзія и обязаность находить прямой консеквенцъ, которому жизнь хитро уступаетъ дорогу.

Истинные писатели понимаютъ это, такъ какъ они прекрасно, чистинько держутъ поэзію отдѣльно отъ жизни, тѣмъ и освобождаются отъ этого затруднительнаго пункта; безмолвія неба не понимаютъ этого; соединяютъ поэзію и дѣйствительность въ неразборную путаницу, поэтому и погибаютъ.

Элеонора и Ульрихъ! Они поняли другъ друга, какъ только безмолвные могутъ понимать себя первымъ, для насъ безъ всякого значенія, взглядомъ. И должны были полюбиться любовью, которая для насъ тоже непонятна, и которую мы называемъ преступленіемъ, которая тѣмъ и есть, и должна остаться преступленіемъ до тѣхъ поръ, пока для нравственнаго міра, въ которомъ мы живемъ, не найдется другого болѣе прочнаго базиса. И такъ! — они не нечестные люди, какими были, — когда въ нихъ происходила вѣчная борьба поэзіи съ жизнью, въ которой они такъ долго обманывались ради любви, и которая показалась имъ въ ужасномъ видѣ; и что какъ преступники, сдѣлавшіеся противъ существующаго порядка, искали смерти и возможности разорвать цѣпи предназначеннаго, отъ которыхъ они, если хоть и разъ были ими связаны, не могли освободиться инымъ образомъ.

Мы же съ убѣжденіемъ благодаримъ вѣчныя силы за то, что не принадлежимъ къ переполненнымъ и обремененнымъ: что мы не поэты, постановленія которыхъ всегда останутся проблематическими, мы навѣрно и не безмолвія неба; но обыкновенные, смертные люди, въ какихъ нуждается жизнь, а потому умны и обдумывающіе свои выгоды, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ; работаемъ массой, не забывая поддерживать ея души въ равенствѣ, что-бъ твердо устоять противъ стрѣлъ и прящъ лютаго предназначенія.

Но того мы не опровергаемъ, что это небесное безмолвіе мы понимаемъ вполнѣ!

Герта — Боже мой! я и не знаю ни одной лучшей женщины, которая-бы такъ вполнѣ заслужила званія: героини безъ страха и упрека; но понять, нѣтъ она не поняла своего мужа.

Цѣлыхъ десять лѣтъ она старалась: осчастливить его, между тѣмъ какъ онъ въ дѣйствительности былъ въ высшей степени несчастнымъ. Она все еще лелѣетъ въ своей душѣ ту блаженную мысль, что это было только моментнымъ заблужденіемъ, когда онъ предпочелъ Элеонору; она еще согодня въ заблужденіи, которое, отъ наивнаго разсказа стараго Христіана про катастрофу на озерѣ, съ самого начала поколебалось, и я, что-бъ поддержать поколебавшимся, употребила всю мою авторитетность и продолжаю употреблять ее: что Элеонора, фантастически, какой она всегда была, хотѣла переправиться на другой берегъ, что-бъ поклониться гробу Клементины въ Сальховѣ, не обращая никакого вниманія на густой утренній туманъ и увеличившуюся воду отъ бури послѣдней ночи, что при этомъ, вслѣдствіе какого-то несчастнаго случая, упала за бортъ; Ульрихъ, извѣщенный старымъ моряком объ опасности, которая ей, во всякомъ случаѣ, грозила, въ погони за ней и при попыткѣ спасти ее, потонулъ тоже. Нѣтъ и сомнѣнія, что какъ одинъ такъ и другой покончили съ собой, оди-

наковымъ образомъ, ради одной и тойже мысли, что и болѣе правдоподобно. Но кто бы могъ быть на столько жестокимъ, разувѣрить Герту въ довѣріи, ее облегчающемъ?

Кто можетъ выступить и увѣрить: вотъ это правда! значитъ все таки тайна-то, что у несчастныхъ случилось за послѣдніе часы, тайна непроницаемая, какъ темнота, которая наполняетъ глубину озера, въ которой онъ, она на вѣки ненаходимы, и которая предложила: дружественно быть соединенными смертью, если жизнь жестоко раздѣлала ихъ...

Графиня заперла на сегодня свой дневникъ, но не безъ серіозныхъ упрековъ, что она, противъ строгого запрещенія доктора Бальтазара, довѣрилась слишкомъ много своимъ больнымъ глазамъ. Дневникъ былъ спрятанъ.

Вотъ она вышла на террасу. Солнце стояло почти на горизонтѣ, разсѣивая свои многообѣщающіе лучи на большую долину. Изъ клумбовъ на нижнихъ ступеняхъ нёсся сладкими, мягкими облачками ароматъ резеды и левкои. Въ паркѣ, по ту сторону ручейка раздавалась меланхоличная вечерняя пѣсня чернаго дрозда.

У одинокой переполнилось сердце. Трагическій случай обоихъ, ей такъ дорогихъ людей, образъ которыхъ запечатлился въ ея памяти; и то, что она искала отгадать — только теперь показалось ей совсѣмъ темнымъ и загадочнымъ.

Но не тотъ-же ли непроницаемый мракъ

лежитъ надъ судьбой всего человѣчества? Ореэопное слово съ вышины небесныхъ силъ, которые вводятъ въ жизнь бѣднѣйшаго, что-бъ держать ее въ преступленіи, а затѣмъ приговорить его къ ужаской мѣсти — не имѣетъ-ли значенія для всѣхъ? Не были-ли всѣ, всѣ безмолвія неба, надѣлены дружескимъ предназначеніемъ, которое печально пережили? многообѣщающими талантами, отъ которыхъ жалостно отказались? гордыми мыслями, которые никогда не остаются до конца? чувствами, которые кажутся всемогущими и расплываютъ безслѣдно, какъ облака въ эфирѣ? блестящими надеждами, которые лопаются подобно мыльнымъ пузырькамъ? могущими планами, которыхъ блѣдные трупы хоронимъ одинъ за другимъ?

А вы, которымъ Богъ развязалъ немножко языкъ: поэты, да художники, что инаго содержутъ въ себѣ ваши лучшія произведенія и картины, какъ не хаосъ безконечности; это чувствуютъ ваши души, и ихъ лучшая часть всеже останется вѣчно невыразимой?...

Солнце закатилось; погасла вечерняя заря; тамъ притихли дятлы; съ луговъ повѣяло прохладой.

Тихо, молча вошла одинокая въ свою квартиру.

Конецъ.

Типографія Г. Пеца (Липпертъ и Ко.), Наумбургъ на/С.

Изданіе Карла Малькомеса въ Стуттгартѣ.

Русская Хрестоматія.

Отрывки изъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей для чтенія и переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій.

I. часть.

Текстъ съ удареніями, грамматическими примѣчаніями и приложеніемъ полнаго словаря.

Составилъ

Алексѣй Марковъ,

докторъ государственныхъ наукъ Тюбингенскаго Университета.

11 печ. листовъ форм. 8°.

Цѣна въ переплетѣ 2 марки.

Русско-нѣмецкій и нѣмецко-русскій военный словарь

составилъ

Б. Манасевичъ.

(8°. VIII, 400 стр.)

Цѣна въ переплетѣ 4 марки.

Графъ Л. Толстой. Крейцерова соната,

съ послѣсловіемъ автора. (12°. 140 стр.)

Цѣна $2^1/_2$ марки.

Послѣсловіе къ крейцеровой сонатѣ Графа Л. Толстаго.

Цѣна 60 пф.

Изданіе Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.

Segensreiche Wirksamkeit durch vier Generationen.
Vier Lebensbilder in Vorträgen:
Dorothea, Herzogin von Württemberg 1736—1798.
Maria Feodorowna, Kaiserin von Russland 1759—1828.
Katharina Pawlowna, Königin von Württemberg 1788—1819.
Olga Nikolajewna, Königin von Württemberg 1822—1892.
Von **J. Merkle,** Lehrer am Kgl. Katharinenstift in Stuttgart.
Preis broschirt 1 Mk. 50 Pf., elegant gebunden 2 Mk. 50 Pf.

Farbenspiele des Lebens. Roman aus der Gesellschaft. Von **F. Leoni (F. Lortsch, Libau).**
Preis broschirt 3 Mk., elegant gebunden 4 Mk.

Ostrowsky, Alexander, Das Gewitter. Drama in fünf Aufzügen. Aus dem Russischen von Dr. **A. Markow** und Dr. **R. Zeyss.**
Mit dem Porträt Ostrowsky's.
Preis broschirt 1 Mk. 25 Pf., elegant gebunden 2 Mk. 25 Pf.

Kempner, Fr., Nettelbeck. — Miss Maria Brown.
Historische Novellen. 2. Auflage.
Preis broschirt 3 Mk., elegant gebunden 4 Mk.

Kempner, Fr., Roger Bacon. Historische Novelle. 2. Auflage.
Preis broschirt $2^1/_2$ Mk., elegant gebunden $3^1/_2$ Mk.

Brennwald, A., Zur Lage des Welthandels. I. Teil: Die Aussichten des Kaufmanns im Welthandel.
Illustriert durch 160 Konsulatsberichte der wichtigsten Handelsstädte der Welt.
Preis 2 Mk.

Изданіе Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.

Am

Vierwaldstätter See.

Malerische Ansichten

von

Berg, Thal und See.

32 Aquarelle

nach Originalaufnahmen verschiedener Künstler mit begleitendem Texte

von

Alfred Brennwald

unter Mitwirkung von Dr. **W. Grothe.**

Edition française:

Vues pittoresques du Lac des Quatre-Cantons et de ses environs.

32 aquarelles d'après les originaux de différants artistes. Texte par Alfred Brennwald. Avec la collaboration du Dr. W. Grothe. Traduit par Cl. Flamand de Buxy.

English edition:

The Lake of the Four Cantons.

Picturesque views. 32 water colors according to the original drawings of different artists with accompanying texts by Alfred Brennwald. Under cooperation of Dr. W. Grothe.

Preis jeder Ausgabe elegant gebunden 10 Mark.

Международная Беллетристическая Библіотека,

на русскомъ языкѣ,

издаваемая

Карломъ Малькомесомъ.

Въ М. Б. Б. напечатаны до сихъ поръ слѣдующія сочиненія:

Томъ I. І. Ясинскій, Петербургскіе Туманы. Романъ. I. 192 стр.

„ II. І. Ясинскій, Петербургскіе Туманы. Романъ. II. — Современникъ. Разсказъ. 218 стр.

„ III. П. Боборыкинъ, Передъ чѣмъ-то. Романъ. — Трупъ. Разсказъ. 238 стр.

„ IV. А. Михайловъ, Изъ Трясины на Дорогу. Романъ. 278 стр.

„ V. И. Н. Потапенко, Звѣзда. Романъ. — А. Чеховъ, Жена. Разсказъ. 259 стр.

„ VI. Фр. Шпильгагенъ, Безмолвіе Неба. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Единственное, разрѣшенное авторомъ изданіе. I. 280 стр.

„ VII. Фр. Шпильгагенъ, Безмолвіе Неба. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Единственное, разрѣшенное авторомъ изданіе. II. 352 стр.

Цѣна тому 2 марки, въ изящномъ переплетѣ $2^1/_2$ марки.

Bayerische Staatsbibliothek München

бѣлъ. — Книжки этой библіотеки выходятъ ежемѣсячно, отдѣльными изящно изданными томами. Каждый томъ содержитъ, по мѣрѣ возможности, не только оконченное лучшее произведеніе современнаго русскаго, но и таковое нѣмецкаго, французскаго и англійскаго писателей (на русскомъ языкѣ), и стоитъ всего:

2 марки, въ изящномъ переплетѣ $2^1/_2$ марки.

— Такимъ образомъ читатели могутъ за весьма дешевую цѣну положить основаніе

цѣнной домашней библіотекѣ,

въ которой будущія поколѣнія найдутъ для себя массу самыхъ интереснымъ произведеній.

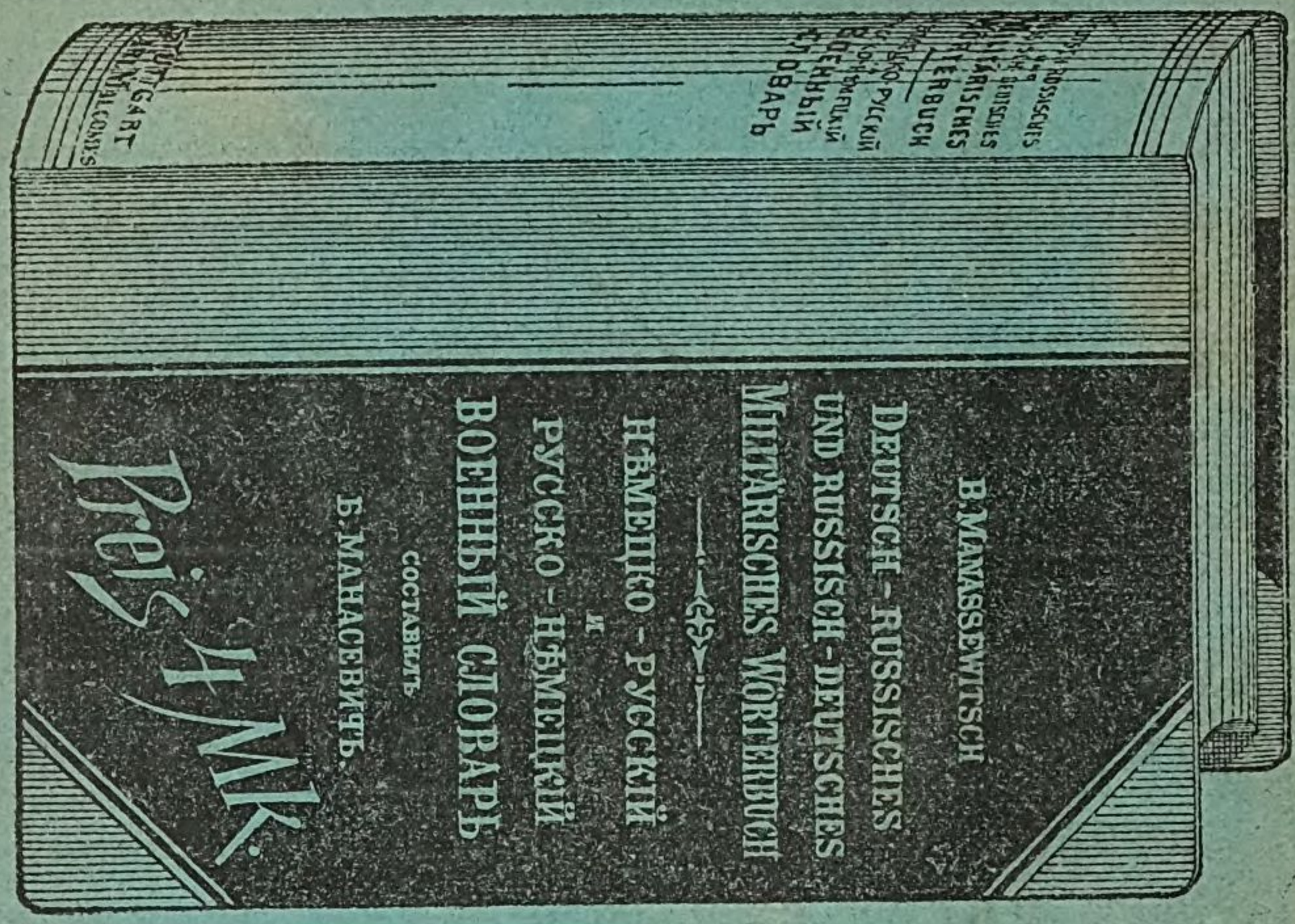
Библіотека, продажа коей одинаково разрѣшена какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ, выходитъ въ серіяхъ въ 12 томахъ и можетъ быть выписана какъ чрезъ всякую книжную торговлю внутри страны и заграницею, такъ и прямо отъ нижепоименованной фирмы.

Стутгартъ.

Карлъ Малькомесъ,

Издатель-Книгопродавецъ.

Изданіе Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.



400 стр. Цѣна въ переплетѣ 4 марки.

Международная Беллетристическая Библіотека на русскомъ языкѣ, издаваемая **Карломъ Малькомесомъ.** Собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ новѣйшихъ писателей всѣхъ странъ.

Цѣна тому 2 марки, въ изящномъ переплетѣ $2^1/_2$ марки.

До сихъ поръ вышли въ свѣтъ:

Томъ I. І. Ясинскій, Петербургскіе Туманы. I.
„ II. І. Ясинскій, Петербургскіе Туманы. II. — Современникъ.
„ III. П. Боборыкинъ, Передъ чѣмъ-то. — Трупъ.
„ IV. А. Михайловъ, Изъ Трясины на Дорогу.
„ V. І. Н. Потапенко, Звѣзда. — А. Чеховъ, Жена.
„ VI. Фр. Шпильгагенъ, Безмолвіе Неба. Пер. съ нѣм. I.
„ VII. Фр. Шпильгагенъ, Безмолвіе Неба. Пер. съ нѣм. II.

Типографія Г. Пеца (Липпертъ и Ко.), Наумбургъ на/С.

Bögl

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Spielhagen, Friedrich,

Besmolwije neba

Bd.: 3

[1894]
P.o.rel. 2908-7
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11826440-3